

У 42
Р 60

В. Родниковъ

ДѢТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

СЪ УКАЗАНІЕМЪ ВАЖНѢЙ-
ШИХЪ КНИГЪ ДЛЯ ДѢТ-
СКАГО ЧТЕНІЯ. :: :: :: :: ::

„Не будемъ мертвы, не будемъ
пусты для нашихъ дѣтей... Прислу-
шаемся къ тихимъ движеніямъ ихъ
жизни, къ тихимъ запросамъ ихъ
души. Будемъ жить съ дѣтьми и для
дѣтей. Тогда и жизнь нашихъ дѣтей
принесетъ намъ миръ и отраду, тог-
да мы сами начнемъ дѣлаться и
быть мудрыми“...

Ф. ФРЕБЕЛЬ.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ,
ЗНАЧИТЕЛЬНО ДОПОЛНЕННОЕ.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
И. И. САМОНЕНКО.
КІЕВЪ, 1915.

Цена 1 р. 20 к.

В. Родниковъ.

ДѢТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

СЪ УКАЗАНІЕМЪ ВАЖНѢЙ-
ШИХЪ КНИГЪ ДЛЯ ДѢТ-
СКАГО ЧТЕНІЯ. :: :: :: :: ::

„Не будемъ мертвы, не будемъ
пусты для нашихъ дѣтей... Прислу-
шаемся къ тихимъ движеніямъ ихъ
жизни, къ тихимъ запросамъ ихъ
души. Будемъ жить съ дѣтьми и для
дѣтей. Тогда и жизнь нашихъ дѣтей
принесетъ намъ миръ и отраду, тог-
да мы сами начнемъ дѣлаться и
быть мудрыми“...

Ф. ФРЕБЕЛЬ.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ,
ЗНАЧИТЕЛЬНО ДОПОЛНЕННОЕ.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
И. И. САМОНЕНКО.
КІЕВЪ, 1915.

Оглавление.

	стр.
Предисловіе	1
Глава I-я. Основные принципы дѣтской литературы.	
Своеобразіе психики ребенка и вопросъ о необходимости самостоятельной дѣтской литературы	7
Педологическая и художественно-педагогическая точка зрѣнія въ вопросахъ дѣтскаго чтенія	15
Какъ изображать жизнь въ дѣтской литературѣ	18
Героическій элементъ въ дѣтской литературѣ	38
Иллюстрированье дѣтскихъ книгъ	45
Глава II-я. Главнѣйшіе виды дѣтской литературы.	
Русская художественная литература, какъ матеріалъ для дѣтскаго чтенія	53
Произведенія народнаго творчества въ дѣтскомъ чтеніи	63
Стихотворенія, басни и драматическія произведенія для дѣтей	76
Сказки	82
Книги популярно-научныя	108
Религіозно-нравственное чтеніе дѣтей	118
Книги для дѣтей младшаго возраста	129
Дѣтскіе журналы	134
Глава III-я. Главнѣйшія теченія въ русской дѣтской литературѣ.	
Сентиментальное направленіе (Фурманъ, Разинъ, Ярцева, Чистяковъ)	141
Народническія теченія (Погоскій, Нефедовъ, Лукашевичъ, Соловьевъ-Несмѣловъ, Макарова, Засодимскій)	152
Романтическія теченія (Сысоева, Желиховская, Анненская, Рогова, Чарская, Радичъ, Горбуновъ-Посадовъ)	162

	стр.
Реально-художественное направление (Маминъ-Сибирякъ, Станюковичъ, Немировичъ-Данченко, Баранцевичъ, Шмелевъ . . .	183
Модернистическое течение (И. и С. Кондурушкины, Ремизовъ, Горюхинъ, Пришвинъ)	196

Глава IV-я. *Руководство дѣтскимъ чтеніемъ.*

Разумное чтеніе	207
Распредѣленіе дѣтскаго чтенія по возрастамъ	211
Часы рассказовъ	216
Указатели дѣтскихъ книгъ	218

Предисловіе.

Вмѣстѣ съ общимъ развитіемъ у насъ за послѣдніе годы педагогической литературы начинается и усиленная разработка вопросовъ дѣтскаго чтенія. Насколько великъ здѣсь интересъ, можно видѣть хотя бы изъ того факта, что за послѣдніе три года у насъ народилось два специальныхъ журнала: „Новости дѣтской литературы“ (Москва) и „Что и какъ читать дѣтямъ“ (Петроградъ). Обзоръ дѣтской литературы начинаетъ вводиться, какъ самостоятельный предметъ, въ курсы высшихъ педагогическихъ учебныхъ заведеній, нерѣдко затрагивается на лѣтнихъ учительскихъ курсахъ, а съ 1910 г. этотъ предметъ проникаетъ даже и въ среднюю женскую школу—онъ вводится въ программу 8-хъ дополнительныхъ классовъ при женскихъ гимназіяхъ Вѣдомства учрежд. Императрицы Маріи ¹⁾. Начинаютъ постепенно у насъ организоваться и специальные бібліотеки дѣтскихъ книгъ: М. В. Берединой въ Москвѣ, Д. Ю. Доброй въ Кіевѣ, дѣтская бібліотека и читальн. залъ О-ва содѣйств. нач. образов. въ Перми и др.

Литература по этому отдѣлу педагогики пока не обширна, но все же здѣсь уже есть достаточно работъ, заслуживающихъ полного вниманія. Вотъ эти работы въ ихъ хронологическомъ порядкѣ. *Ф. Толль*, Наша дѣтская литература,

¹⁾ Настоящая книга является результатомъ преподаванія автора въ Кіевск. Фребелевск. Педагогическ. Институтѣ и на педагогическ. факультетѣ Кіевск. Высш. Женск. Курсовъ, учрежд. А. В. Жекулиной, а равно въ педагогич. классахъ Кіево-Подольской и Фундуклеевской женскихъ гимназій.

Спб., 1862; *О. Рогова*, Лекции по дѣтской литературѣ (Пед. Сборн. 1889—90 г.г.); *И. Θεокτισтовъ*, Къ вопросу о дѣтскомъ чтеніи, Спб. 1891; *А. Кругловъ*, Литература маленькаго народа—критико-педагогическія бесѣды по вопросамъ дѣтской литературы, Москва 1897; *Е. и Л. Тихевы*, О чтеніи дѣтей, Спб. 1909; *Н. Чеховъ*, Дѣтская литература, Моск. 1909; *Е. Елачичъ*, Сборникъ статей по вопросамъ дѣтскаго чтенія, Спб. 1914. Изъ переводныхъ—*Г. Вольгастъ*, Проблемы дѣтскаго чтенія, Спб. 1912.

Глава I.

Основные принципы дѣтской литературы.

Своеобразіе психики ребенка и вопросъ о необходимости самостоятельной дѣтской литературы.

Современная педагогика изъ сферы теоретическихъ разсужденій постепенно переходитъ на почву психологическаго опыта. Наука о воспитаніи изучаетъ сначала самый объектъ воспитанія—ребенка и только уже исходя отсюда, на этой почвѣ базируясь, приступаетъ къ рѣшенію вопросовъ воспитанія. Сначала хотятъ знать ребенка, а потомъ уже говорить о его воспитаніи. Этотъ порядокъ обязателенъ, конечно, и для той отрасли педагогики, которая ставитъ своею задачею изученіе вопросовъ дѣтскаго чтенія. Каковъ кругъ интересовъ ребенка по сравненію съ міромъ взрослаго человѣка, каковы его запросы, мечты, идеалы? похожи они на запросы и идеалы взрослыхъ или нѣтъ,—вотъ вопросы, съ которыхъ здѣсь приходится начинать.

Однимъ изъ самыхъ первыхъ результатовъ изученія дѣтства, говоритъ Друммондъ, является обнаруженіе того факта, что дѣти—совсѣмъ не просто маленькіе мужчины и женщины, не просто люди въ миниатюрѣ. Врачи дѣлаютъ открытіе, что при лѣченіи дѣтскихъ болѣзней требуется нѣчто гораздо большее, чѣмъ прописываніе тѣхъ же лѣкарствъ, что и взрослымъ, лишь въ уменьшенныхъ дозахъ. Очень многія дѣтскія болѣзни совсѣмъ не встрѣчаются у взрослыхъ, а когда встрѣчаются сходныя заболѣванія, теченіе бо-

лѣзни, возможныя осложненія и наиболѣе цѣлесообразное лѣченіе могутъ быть совершенно иными, чѣмъ у ребенка. Тѣмъ больше различія приходится предполагать въ психическомъ развитіи дѣтей, тѣмъ больше необходимости изучать природу ихъ душевныхъ процессовъ. Но прежде, чѣмъ подойти къ поставленнымъ выше вопросамъ съ научно-психологическимъ анализомъ, перенесемъ пока эти вопросы на почву нашего непосредственнаго, обыденнаго опыта, а также опыта литературно художественнаго.

Ребенокъ „въ какомъ-то чудномъ снѣ обнимаетъ міръ наивными мечтами“, и достаточно небольшого знакомства съ дѣтьми, чтобы ясно убѣдиться въ этомъ, чтобы ясно увидѣть все своеобразие духовныхъ запросовъ ребенка и всего психического міра его. Дѣтское существованіе, говоритъ Карлъ Гроссъ, преимущественно состоитъ изъ дѣятельной игры. Если откинуть общія животныя отправления, какъ ѣда, питье и сонъ, то мы у нормальнаго, предоставленнаго самому себѣ ребенка не находимъ почти ничего кромѣ игры („Душевн. жизнь дѣтей“). А развѣ психику взрослого человека и все многообразіе его дѣятельности можно свести къ игрѣ? Впрочемъ и въ отношеніи къ ребенку слово игра приходится брать въ особомъ смыслѣ: играя, ребенокъ познаетъ окружающій міръ. Взгляните на этого малютку, говоритъ Фребель, что старательно возится около водосточной трубы. Сила падающаго съ крыши дождя вымыла изъ земли маленькіе пестрые камешки, и внимательный глазъ ребенка находитъ и собираетъ ихъ, какъ матеріалъ для своихъ будущихъ построекъ, какъ матеріалъ, на которомъ онъ потомъ создастъ свое міросозерцаніе („Воспитаніе человека“). Посмотрите на маленькую дѣвочку, которая внимательно остановилась у фонарнаго столба и тщательно изслѣдуетъ пальчиками рельефныя фигурки, вытисненныя на постаментѣ столба. Вы сотни разъ проходили мимо и не обращали вниманія на эти фигурки. Таковъ дѣтскій интересъ ко всякому новому предмету, исполненный тихой внимательности къ нему. Мы называемъ это ребячествомъ, говоритъ Фребель, потому что мы этого не понимаемъ, потому что у насъ нѣтъ глазъ, чтобы видѣть, ушей чтобы слышать, еще менѣе чувства, чтобы чувствовать съ ребенкомъ.

Художественная литература даетъ намъ массу иллюстрацій къ указанному своеобразію дѣтской психики. Фантазія ребенка не знаетъ предѣловъ. Припомнимъ рассказъ Короленко „Парадоксъ“, гдѣ два юныхъ мечтателя, сидя цѣлыми часами въ старой заброшенной каретѣ, мысленно переживаютъ отдаленнѣйшія путешествія съ самыми удивительными приключеніями. А вотъ дѣтскія мечты въ изображеніи Л. Толстого.—„Онѣ неуловимы, но исполнены чистой любовью и надеждами на свѣтлое счастье. Вспомнишь, бывало, о Карлѣ Ивановичѣ и его горькой участи... и такъ жалко станеть, такъ полюбишь его, что слезы потекутъ изъ глазъ.—Потомъ любимую фарфоровую игрушку—зайчика или собачку,—уткнешь въ уголъ пуховой подушки и любишься, какъ хорошо, тепло и уютно ей тамъ лежать. Еще помолишься о томъ, чтобы далъ Богъ счастья всѣмъ, чтобы всѣ были довольны и чтобы завтра была хорошая погода для гулянья, повернешься на другой бокъ, мысли и мечты перепутаются, смѣшаются, и уснешь тихо, спокойно, еще съ мокрымъ отъ слезъ лицомъ“ (Дѣтство и отрочество“). Свообразны и интересы дѣтей въ томъ же произведеніи Толстого: какъ захватывающе интересуется ихъ странникъ Гриша, къ которому съ такимъ презрѣніемъ и полнымъ пренебреженіемъ относится отецъ. А какъ оригинальны, глубоко и для насъ, взрослыхъ, часто совершенно неожиданны могутъ быть умственные исканія, запросы дѣтей. Взять хотя бы исканія Павки, Коли и бѣднаго мальчика у Юшкевича („Очерки дѣтства“). „Какъ часто мы видимъ молчаливыхъ дѣтей и не знаемъ, что они носятъ въ себѣ тайную мечту, которую не смѣютъ никому открыть. Какъ много странныхъ фантазій скрывается подъ шелковистыми волосами, какія удивительныя вещи видятъ кроткіе каріе глаза съ опущенными рѣсницами“ (С. Лагерлефъ, „Іеста Берлингъ“). Пытливости ребенка нѣтъ границъ. У Короленко маленькій Ваня Голованъ часто не спитъ по ночамъ и усиленно думаетъ о томъ, что происходитъ на свѣтѣ, когда всѣ спятъ и, значитъ, некому смотрѣть („Ночью“). Однимъ словомъ, у ребенка, какъ говоритъ одинъ Чеховскій герой про своего сына, свое теченіе мыслей у него въ головѣ свой мірокъ, и онъ по своему знаетъ, что важно и что не важно („Дома“).

Но если познавательныя способности ребенка, уровень и объемъ его интересовъ отличаются отъ способностей и интересовъ взрослого только, такъ сказать, въ количественномъ отношеніи, то жизнь чувства здѣсь и по природѣ своей совершенно иная. Не только расцѣнка чувствъ иная, но въ ребенкѣ просто отсутствуютъ цѣлыя области тѣхъ чувственныхъ переживаній, какія въ окончательно сформировавшейся душѣ взрослого человѣка занимаютъ болѣе или менѣе значительное мѣсто; таковы—любовныя чувства, мистицизмъ, міровая скорбь и отчасти чувство природы (Вольгастъ). Да и чувства, общія съ взрослыми, часто у дѣтей функционируютъ совершенно иначе. Изъ литературныхъ иллюстрацій вспомнимъ Тему Гарина. Кто-то изъ взрослыхъ съ спокойнымъ духомъ, шутка ради, швырнулъ собаку—Жучку въ вонючій колодезь. Взрослому это шутка, а для Темы здѣсь цѣлая трагедія. Спасеніе Жучки дѣлается для него вопросомъ жизни и смерти, и онъ съ огромнымъ для себя рискомъ дѣйствительно спасаетъ Жучку („Дѣтство Темы“).

Таковъ духовный міръ ребенка. Дѣтская жизнь, какъ видимъ, не есть наша жизнь въ миниатюрѣ, а особая, иная жизнь. Къ дѣтямъ и взрослымъ, говоритъ Кузине, нельзя примѣнять одну и ту же мѣрку. Дѣти живутъ въ мірѣ, построенномъ на основаніи данныхъ недостаточнаго опыта и неяснаго воображенія, не реальномъ для насъ, но вполне реальномъ для нихъ. То, чѣмъ они интересуются и увлекаются, ихъ игры, всѣ подробности того міра, который для нихъ составляетъ настоящій міръ—все это кажется намъ незначительнымъ и пустымъ. Эта разпица интересовъ является одной изъ главныхъ причинъ малаго довѣрія дѣтей къ взрослымъ ¹⁾.

Переходимъ теперь къ тому объясненію психическихъ особенностей ребенка, какое даетъ современная наука. Сущность дѣтской природы, говоритъ Э. Клапаредъ не въ недостаткѣ развитія. Этого развитія нѣтъ и у животнаго, но жи-

вотное—не ребенокъ. Сущность дѣтской природы заключается въ стремленіи и въ способности къ дальнѣйшему развитію. Ребенокъ кандидатъ на то, чтобы стать человѣкомъ („Психологія ребенка“). Какъ же идетъ это развитіе?

За послѣднее время чаще всего хотятъ дать отвѣтъ на этотъ вопросъ, ставъ на почву біогенетическаго закона Геккеля: „развитіе ребенка есть краткое *повтореніе* эволюціи расы“, т. е. ребенокъ въ своемъ духовномъ развитіи проходить тѣ же самыя культурныя стадіи, какія переживало и все человѣчество (или отдѣльный народъ) въ прошломъ.

Мысль эта, намѣченная еще Гете („Хотя міръ въ общемъ идетъ впередъ, дитя должно всегда начинать съ самаго начала“), въ новое время затрагивается У. Друммондомъ („Введеніе въ изученіе ребенка“) и проф. Чемберленомъ („Дитя. Очерки по эволюціи человѣка“), но со всею настойчивостью проводится С. Холломъ („Эволюція и воспитаніе чувства природы у дѣтей“). Касается разбираемаго закона и проф. Д. Балдвинъ („Духовное развитіе дѣтскаго индивидуума и человѣческаго рода“). Въ своей работѣ онъ нѣсколько ограничиваетъ этотъ законъ, доказывая, что индивидуумъ, развиваясь, хотя и проходитъ регулярно рядъ послѣдовательныхъ стадій, однако бываетъ, что извѣстная стадія въ развитіи индивидуума часто соответствуетъ сразу позднѣйшимъ стадіямъ въ ряду животныхъ структуръ. При всемъ этомъ проф. Балдвинъ не находитъ возможнымъ совершенно отрицать „опытъ рода“. Очень осторожно относится къ біогенетическому закону и Клапаредъ, создающій вмѣсто теоріи повторенія теорію *параллелизма*. Повтореніе въ развитіи индивидуума стадій развитія рода никогда не бываетъ, говоритъ онъ, вполне точнымъ: ни въ одинъ изъ моментовъ своего развитія ребенокъ не бываетъ первобытнымъ человѣкомъ или дикаремъ. Черты характера (жестокость, анимизмъ и т. д.), оставленныя намъ въ наслѣдство нашими предками, могутъ быть болѣе замѣтны у ребенка, чѣмъ у взрослого—но все же дѣтская психика всегда остается *дѣтской*. Ребенокъ можетъ походить на первобытнаго взрослого человѣка, но не можетъ обладать *всѣми* свойствами послѣдняго, присущими только *взрослому* человѣку (родительскія чувства и др.). Но не принимая біогенетическаго закона въ его

¹⁾ Въ современной литературѣ прекрасное изображеніе своеобразія дѣтской жизни можно видѣть въ новеллахъ итальянскаго писателя Л. Дзукколи—*L'occhio del fantuullo*. См. Вѣстн. Восп. 1914, 2.

буквальномъ пониманіи. Клапаредъ все же находитъ возможнымъ признать, что между онтогенезисомъ (развитіе индивидуума) и филогенезисомъ (развитіе рода) существуетъ извѣстный *параллелизмъ*. Съ особенною пастойчивостью теорію параллелизма проводитъ англійск. проф. У. Гэтчинсонъ, который пытается даже установить точные періоды развитія ребенка, соотвѣтствующіе періодамъ развитія чело-вѣческаго рода ¹⁾.

Теорію параллелизма слѣдуетъ признать болѣе резонной, чѣмъ теорія повторенія, и на основаніи ея мы можемъ допустить нѣкоторую аналогію, приблизительное сходство между развитіемъ индивидуума и цѣлаго рода и періоды дѣтства сближать (но не отождествлять) съ періодами первобытныхъ переживаній всего чело-вѣчества.

Съ особенною ясностью эту аналогію можно прослѣдить на развитіи рисунка. Въ Кіевскомъ художественно промышленномъ и научномъ музеѣ, въ отдѣлѣ первобытной керамики есть глиняный черепокъ, относимый къ эпохѣ неолита. На черепкѣ сдѣлано изображеніе чело-вѣческой фигуры. Достаточно одного взгляда на эту фигуру, чтобы ясно было видно все ея сходство съ рисунками любого маленькаго ребенка. Это сходство въ художественномъ творчествѣ первобытнаго чело-вѣка и современнаго ребенка за послѣднее время раскрыто въ цѣломъ рядѣ нѣмецкихъ научныхъ работъ—Лихтварка, Кершенштейнера, Аmenta и пр.; а К. Штейнъ въ своей книгѣ о жизни бразильскихъ дикарей пытается установить сходство между рисунками современныхъ культурныхъ дѣтей и дикарей. Подмѣченъ этотъ фактъ и въ художественной литературѣ. У дѣтей, пишетъ А. Чеховъ, какъ у дикарей, свои художественныя возрѣнія и требованія, своеобразныя, недоступныя пониманію взрослыхъ („Дома“).

Подтвержденіе излагаемаго положенія иногда хотятъ также видѣть въ извѣстной всѣми любви дѣтей къ сказкамъ. Въ этомъ случаѣ сама сказка рассматривается, какъ произведеніе первобытнаго чело-вѣка, какъ отголосокъ дѣтства чело-вѣчества, особенно и близкій поэтому ребенку. Но

¹⁾ Объ этихъ періодахъ рѣчь будетъ ниже. О теоріи Гэтчинсона и его работѣ *The Growth of the Child-Mind* см. названную книгу Чемберлена.

вопросъ о началѣ сказки самъ по себѣ вопросъ спорный и базироваться здѣсь на немъ поэтому не приходится. Да и вообще рассматриваемая теорія не можетъ располагать точными выводами и нельзя, напри-мѣръ, руководясь ею, производить точную расцѣнку интересовъ ребенка въ различные возрасты, какъ это дѣлаетъ Гэтчинсонъ. Для этого есть другіе пути, о которыхъ будетъ сказано ниже. Тѣмъ не менѣе на основаніи біогенетическаго закона одно положеніе можно считать прочно установленнымъ—это недопустимость отождествленія еще развивающейся природы ребенка и природы взрослаго чело-вѣка. Но еще большую прочность это положеніе получаетъ въ современной психологіи, когда своеобразіе психическихъ процессовъ ребенка, его душевныхъ запросовъ, своеобразіе всей его психики доказывается путемъ экспериментальныхъ изслѣдованій.

Теперь возвратимся къ вопросу о томъ, нужна ли самостоятельная дѣтская литература? Приведенныя соображенія, повидимому, могли бы дать основаніе къ положительному разрѣшенію этого вопроса, но въ теоріи все же до послѣдняго времени онъ остается еще спорнымъ. Споръ этотъ начался давно. Своего перваго противника дѣтская литература можетъ видѣть еще въ лицѣ Руссо съ его афоризмомъ: „чтеніе—это бичъ дѣтскаго возраста“. Впрочемъ самъ Руссо для дѣтей рекомендуетъ „Робинзона Крузо“. Въ новое время у насъ Писаревъ доказывалъ, что ученическія бібліотеки должны быть составлены вовсе не изъ дѣтскихъ книгъ а изъ общезанимательныхъ и общедоступныхъ. Ту же мысль проводитъ и Бѣлинскій, когда говоритъ, что „для дѣтей должны существовать не дѣтскія книги, а особенныя изданія книгъ, писанныхъ для взрослыхъ“. Впрочемъ въ другомъ мѣстѣ Бѣлинскій говорилъ иное, склоняясь уже въ пользу существованія самостоятельной дѣтской литературы. Позднѣе И. Теоктистовъ, опираясь на біографіи талантливыхъ людей, развившихся на чтеніи общелитературномъ, а не специальныхъ дѣтскихъ книгъ, приходитъ къ отрицанію нужды въ этихъ послѣднихъ. Съ другой стороны дѣтская литература имѣла не мало и защитниковъ, начиная съ А. Коменскаго и Песталоцци, искренно скорбѣвшаго о „пробѣлѣ изъ-за недостатка въ дѣтскихъ

книгах“. Сѣтованія Песталоцци о бѣдности специальной дѣтской литературы въ значительной степени, хотя и не всецѣло, раздѣлялъ у насъ Бѣлинскій, а въ новое время—цѣлый рядъ пишущихъ педагоговъ. Если дѣти, говоритъ Ц. П. Балталонъ, въ свое время не полюбятъ выдающихся писателей, писавшихъ специально для нихъ и не проникнутся современнымъ духомъ гуманности, разлитымъ въ ихъ сочиненіяхъ, то они понесутъ въ воспитательномъ отношеніи непоправимый ущербъ, ущербъ для своего умственного и нравственного развитія („Воспитат. чтеніе, какъ основа преподаванія русск. языка“).

Но если изъ области теоретическихъ споровъ мы перенесемъ вопросъ на почву научно-психологическаго опыта, если мы признаемъ уже установленное своеобразие дѣтской психики и особенности дѣтскихъ духовныхъ запросовъ, то мы должны будемъ признать также и необходимость особой специальной дѣтской литературы, отвѣчающей этимъ запросамъ.

Недаромъ практика этотъ теоретически спорный вопросъ давно уже рѣшила и рѣшила въ положительномъ смыслѣ. Еще у древнихъ китайцевъ Конфуцій ставилъ себѣ задачу „составить пріятную и поучительную книгу (специально) для юношества“; книгу, которая могла бы очищать и направлять духъ юношества. Въ древней Индіи мудрецъ Хитопадеса посвящаетъ специально юношеству сборникъ, преслѣдующій ту же задачу, что и книга Конфуція и составленный изъ 43 басенъ. Греческій философъ Платонъ въ своемъ трактатѣ „О государствѣ“, между прочимъ, указываетъ, какіе рассказы и сказки, циркулировавшіе въ Греціи, могутъ быть передаваемы нянькамъ своимъ питомцамъ. Указаніе на существованіе подобнаго же цикла дѣтскихъ рассказовъ и сказокъ у древнихъ римлянъ даетъ намъ римскій писатель Апулей. У народовъ новой Европы дѣтскую литературу можно возводить къ XVI вѣку—къ Амосу Коменскому съ его книгою „Міръ въ картинахъ“, хотя, впрочемъ, эта книга имѣетъ до нѣкоторой степени учебный характеръ. Позднѣе дѣтская литература, постепенно развиваясь, достигаетъ на Западѣ огромныхъ размѣровъ, выдвигая цѣлый рядъ извѣстныхъ именъ—Андерсенъ, Бернетъ, Бичеръ-Стоу, Грим-

мы В. и Я., Гофманъ Т., Ж.-Вернъ, Киплингъ, Лагерлефъ С., Майнъ-Ридъ, Музеусъ, Шаррельманъ, Штормъ и мн. др. Тоже самое и у насъ. Восходя ко временамъ Екатерины В. съ ея извѣстными сказками о царевичахъ Хлоръ и Февеъ, въ XIX вѣкѣ дѣтская литература у насъ составляетъ уже значительную отрасль общей литературы, такъ что здѣсь можно установить смѣну, и, пожалуй, борьбу направленій. Сентиментализмъ въ дѣтской литературѣ (Разинъ, Чистяковъ, Ярцева) смѣняется романтизмомъ (Сысоева, Желиховская, Анненская); находятъ здѣсь отраженіе народническія теченія (Засодимскій, Нефедовъ, Кругловъ); создается и реально художественная дѣтская литература (Маминъ-Сибирякъ, Немировичъ-Данченко, Шмелевъ, Баранцевичъ), а въ послѣднее время начинаютъ слышаться здѣсь и отзвуки модернистическихъ теченій.

Педологическая и художественно-педагогическая точка зрѣнія въ вопросахъ дѣтскаго чтенія.

Когда рѣшался вопросъ о желательности самостоятельной дѣтской литературы, была отмѣчена необходимость встать здѣсь на почву научно-психологическаго опыта. Уже тѣмъ самымъ мы признали необходимость въ рѣшеніи вопросовъ дѣтскаго чтенія справляться съ запросами дѣтской природы, съ тѣми требованіями, какія самъ ребенокъ предъявляетъ къ книгѣ. Эту точку зрѣнія на дѣтское чтеніе и можно назвать *педологической*. Для проведенія ея необходимо изучить соотвѣтствующіе запросы дѣтской природы, установить законы, управляющіе литературными вкусами ребенка; однимъ словомъ, здѣсь нужно опредѣлить спросъ на ту или другую книгу и требованія къ этой книгѣ со стороны маленькаго читателя.

Частіе, выполняя поставленную задачу, необходимо прежде всего имѣть въ виду общепсихологическія данныя о дѣтской душѣ, ея особенностяхъ, запросахъ и способностяхъ; необходимо учитывать и степень развитія этихъ способностей, а равно и стадіи этого развитія. Нѣкоторую роль, какъ увидимъ ниже, можетъ играть здѣсь и указанная раньше

биогенетическая гипотеза. Дальше для опредѣленія читательскихъ запросовъ ребенка, нужно учитывать матеріалы, получаемые отъ самихъ дѣтей-читателей или руководителей дѣтскимъ чтеніемъ; значить, слѣдуетъ привлекать матеріалъ анкетно-статистическаго характера. Наконецъ, пѣкоторый свѣтъ на читательскіе запросы дѣтей могутъ проливать и данныя, почерпаемые изъ анализа существующихъ біографій замѣчательныхъ людей; по этимъ даннымъ можно судить о томъ, какими книгами увлекались въ дѣтствѣ эти замѣчательные люди и на какомъ чтеніи они развивались. Полезны здѣсь также и начинающіе появляться за послѣднее время въ печати на западѣ и у насъ записки—дневники родителей и воспитателей, гдѣ шагъ за шагомъ рисуется развитіе ихъ дѣтей ¹⁾.

Необходимость установленной точки зрѣнія, повидному, ясна сама собою. Въ самомъ дѣлѣ, только считаясь съ дѣтскими читательскими запросами, можно дать ребенку такую книгу, которая бы привлекала его вниманіе, интересовала его, была бы ему по душѣ.

Но одною педологическою точкою зрѣнія ограничиваться нельзя. Она знакомитъ насъ съ литературными вкусами ребенка, но самые-то вкусы эти могутъ быть ложны. Практика дѣтскихъ библіотекъ намъ показываетъ, что изъ дѣтскихъ писателей самою читаемою является Чарская, а между тѣмъ — можно ли назвать ее и самою лучшею? У нѣмцевъ роль Чарской играетъ Клементина Ильмсъ; ея книжка — *Backfischchens Leiden und Freuden* — въ теченіе цѣлаго пятидесятилѣтія является излюбленнымъ чтеніемъ дѣвчонокъ—подростковъ и выдерживаетъ десятки изданій, а между тѣмъ Вольгастъ справедливо называетъ эту книгу пошлой и глупой.

Разбираемая точка зрѣнія на дѣтскую книгу, какъ видно изъ раньше сказаннаго, въ пѣкоторыхъ случаяхъ должна считаться съ данными биогенетической гипотезы; но раньше же было указана и шаткость этой гипотезы. Впрочемъ,

¹⁾ См. К и В. *Штернъ*, Монографія о душевномъ развитіи ребенка. Русск. перев. въ изд. Богдановой, СПБ. 1911; А. Левоневскій, Мои ребенокъ. СПБ. 1914; Э. Вахтерова, Воспоминанія. Русск. Школа, 1914, кн. 1—2.

если бы даже была доказана вся ея безспорность, то и тогда руководителю дѣтскимъ чтеніемъ ея данными нужно пользоваться осторожно: не всякій запросъ ребенка слѣдуетъ удовлетворить, хотя бы этотъ запросъ и соотвѣтствовалъ биогенетическому принципу. Если вѣрно, говорить Вольгастъ, что развитіе отдѣльнаго ребенка проходитъ аналогично историческому развитію цѣлаго человѣчества, то въ жизни перваго долженъ быть періодъ, когда насильническіе инстинкты требуютъ своего удовлетворенія. Для ребенка это—время страстнаго ненасытнаго увлеченія сагами и народными книжками. Такъ какъ чтеніе подобной литературы съ атмосферою дикихъ и диковинныхъ проявленій первобытно-культурнаго состоянія связано исключительно съ матеріальною стороною содержанія, то наивный читатель всецѣло отдается во власть этихъ заражающихъ книгъ, и духъ насилія, мести, жестокости, по всей вѣроятности, не пройдетъ бесслѣдно для дѣтской души. Но если въ жизни ребенка будетъ періодъ насильничества, то слѣдуетъ ли намъ съ помощью чтенія удлинять и усиливать его? Несомнѣнно, цѣль воспитанія въ духѣ гуманности—провести развитіе какъ можно быстрее и незамѣтно чрезъ эту стадию атавистической одичалости. Вотъ почему рѣшеніе вопроса о томъ, слѣдуетъ ли ребенку читать ту или другую книжку или нѣтъ, нужно было бы въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ предоставлять педагогическому усмотрѣнію воспитателя.

Изъ всего сказаннаго вытекаетъ, что съ запросами ребенка, его литературными вкусами нужно считаться. Дѣтскій писатель долженъ умѣть смотрѣть на міръ глазами ребенка, умѣть говорить языкомъ, понятнымъ ребенку, но при этомъ нельзя поддаиваться подъ дѣтскія требованія, такъ сказать—потакать имъ. Дѣтская книга, говоритъ Дальманъ, не должна плестись за ребенкомъ; она должна быть не только понятною, доступною дѣтскому кругозору, но должна и расширять его. Самые запросы ребенка нужно воспитывать—развивать и совершенствовать, а это и приводитъ насъ ко второй точкѣ зрѣнія на дѣтскую книгу—художественно-педагогической. У ребенка недостаточная способность сужденія а потому сами взрослые должны дѣлать выборъ и регули-

ровать умственную пищу ребенка точно так же, какъ это мы дѣлаемъ съ его матеріальною пищей. Значитъ, дѣтская книжка должна оцѣниваться не только со стороны дѣтскаго интереса къ ней, но и со стороны того, насколько ея пригодность для ребенка можетъ признать взрослый руководитель, предъявляющій къ книгѣ общеобязательныя литературныя и педагогическія требованія,

Книга должна доставлять ребенку художественныя переживанія и тѣмъ развивать и воспитывать его. Вотъ здѣсь и лежитъ исходный пунктъ художественно — педагогической точки зрѣнія въ оцѣнкѣ дѣтской книги и тѣхъ требованій, какія нужно предъявлять къ послѣдней. Самыя же требованія частіе будутъ раскрыты въ дальнѣйшихъ отдѣлахъ.

Итакъ мы установили двѣ стороны въ критикѣ дѣтской книги: соответствие книги запросамъ ребенка и ея оцѣнка со стороны взрослого руководителя. И только считаясь съ требованіями обѣихъ сторонъ, мы гарантируемъ себѣ возможность дать въ руки ребенку хорошую книгу, не навязывая ему при этомъ книги — хорошей только съ нашей точки зрѣнія, для ребенка же скучной и неинтересной. Только при такихъ условіяхъ мы будемъ знать, какую книгу нужно дать ребенку, чтобы она интересовала его и въ то же время не вредила его художественному чувству и нравственному развитію.

Какъ изображать жизнь въ дѣтской литературѣ? ¹⁾

Песталоцци когда-то писалъ: при составленіи дѣтскихъ книгъ самое главное должно заключаться въ томъ, чтобы сообразоваться со степенью возрастанія дѣтскихъ силъ, давать дѣтямъ то, что соответствуетъ каждому воз-

¹⁾ *Е. Елачинъ*, Мѣсто морали въ дѣтской литературѣ. Пед. Обзор. 1912, 1; *А. Налимовъ*, Какія краски умѣстны въ дѣтской литературѣ. Восп. и Обуч. 1905 № 5; *А. Дауге*, Искусство и творчество въ обученіи М. 1912; *Н. Саввинъ*, Принципы критики дѣтской книги. Нов. Дѣт. Лит. 1912, № 9.

расту, чтобы, съ одной стороны, не лишить ребенка того, къ чему онъ вполне способенъ, а съ другой — ничѣмъ не обременять и ничѣмъ не смущать его такимъ, къ чему онъ совсѣмъ не способенъ („Какъ Гертруда учитъ своихъ дѣтей“). Въ приведенныхъ словахъ Песталоцци можно видѣть лучший отвѣтъ на вопросъ о томъ, какъ изображать жизнь въ дѣтской литературѣ; здѣсь указанъ существенный принципъ дѣтской книги. Знакома ребенка съ жизнью нужно изображать ее доступными для дѣтскаго пониманія чертами, давая при этомъ дѣтямъ одну художественную правду.

Но все ли въ жизни можно показывать ребенку?

Здѣсь возможны два взгляда. Одни требуютъ ничего не утаивать отъ ребенка и даже подчеркивать отрицательныя явленія жизни; давать одну неподкрашенную правду, какъ бы горька она ни была, чтобы не портить ребенка идеализаціей жизни (Ф. Толль). Другіе говорятъ иное. — Въ бассейнѣ народной жизни наряду съ хорошимъ много наноснаго, много нехорошаго. И какъ квартиру мы стараемся очистить отъ разнаго хлама, такъ и дѣтское сознание не нужно загромождать имъ. Дальше: литература сильно вліяетъ на жизнь. Поэтому изъ дѣтской литературы слѣдуетъ устранять изображеніе темныхъ, отрицательныхъ сторонъ, какъ и вообще ихъ надо скрывать отъ ребенка (Кругловъ). Вотъ два противоположныхъ взгляда.

Если бы можно было рисовать всю правду жизни въ дѣтской литературѣ, то не нужна была бы и эта послѣдняя, какъ специальный видъ литературы. Нужно помнить, что дѣтямъ не все понятно, не все интересно (припомнимъ своеобразность запросовъ ребенка), наконецъ — не все полезно. Въ инныя глубины и закулисныя нѣдра огромнаго и сложнаго житейскаго моря дѣтямъ прямо еще рано заглядывать — въ нихъ они еще не въ силахъ разобраться. „Скуку и смущеніе въ дѣтяхъ производитъ тотъ, кто заставляетъ ихъ читать вещи, превышающія ихъ пониманіе, справедливо пишетъ одинъ нѣмецкій беллетристъ (М. Möller). Я скорѣе согласенъ совсѣмъ не имѣть дѣтей, чѣмъ имѣть дѣтей такого скороспѣлаго развитія, которыя могли бы понимать недоступныя имъ чувства, или, еще хуже, способны были

дѣлать видъ, что эти чувства имъ доступны и понятны. Настоящіе дѣти не знаютъ тоски, потому что ихъ рай, по выраженію Корана, находится у ногъ ихъ матери“.

Но нельзя и скрывать намѣренно правду, скрашивая, измѣняя, искажая дѣйствительность; это значило бы парусить принципъ *художественности*, липнуть произведеніе жизненности. Каковы же требованія художественности?

Прежде всего, разумѣется, дѣтская книга не должна быть продуктомъ спекуляціи, загромаждающей книжный рынокъ антихудожественной макулатурой. Эта спекуляція пользуется услугами писателей, часто совершенно не обладающихъ литературнымъ талантомъ и пишущихъ для дѣтей въ томъ расчетѣ, что здѣсь—у незыскательныхъ читателей—все сойдеть.

Дальше нарушаютъ требованія художественности и книжки людей, хотя и добросовѣстныхъ, искренно желающихъ принести стоимъ книжками пользу дѣтямъ, иногда, можетъ быть, и талантливыхъ, но ложно понимающихъ задачи дѣтской книги. Не обладая надлежащимъ художественнымъ чутьемъ, эти литературные дядюшки и тетюшки начинаютъ въ своихъ книжкахъ поучать милыхъ дѣтокъ, надѣлать ихъ полезными знаніями. Получается или дидактизмъ, или тенденціозное морализированье. Все это, конечно, вноситъ сюда искусственность, лишая такіа произведенія характера художественной правдивости.

Здѣсь мы подходимъ къ самому больному вопросу дѣтской литературы—къ вопросу о морали въ дѣтской книгѣ, а это подводитъ насъ къ вопросу о тенденціозныхъ дѣтскихъ книгахъ. Тенденціозность—это зло, присущее дѣтской литературѣ чуть-ли не всѣхъ народовъ. Особошпо заѣдаетъ мораль нѣмецкую дѣтскую литературу. Тутъ можно назвать Г. и Ф. Гофмановъ, Эрпста фонъ Гувальда, Терезу Губеръ, Теклу фонъ Гумпертъ, Хр. Шмидта и др. Въ большинствѣ случаевъ моральная идея здѣсь принимаетъ характеръ возмездія за проступки ребенка, при чемъ карающимъ началомъ часто выводится само Божество; ни одинъ проступокъ, ни одна шалость не остается безъ суроваго часто возмездія. Въ извѣстной книжкѣ Г. Гофмана *Der Srtuwwelpeter* есть, напримѣръ, печальная исторія мальчика,

не желавшаго ѣсть супа; исторія оканчивается могилою шалуна съ крестомъ и надгробнымъ памятникомъ въ видѣ суповой чашки; или—исторія маленькаго неряхи, запустившаго у себя длинные ногти, которому въ наказаніе вмѣстѣ съ ногтями отрѣзаютъ и пальцы. У французовъ, по наблюденію Елачича, наоборотъ выступаетъ не суровое, карающее Божество, а добрый „боженька“, награждающій, такъ сказать,—глядящи по головкѣ примѣрное дитя за его благоправіе. Довольно типичною въ этомъ случаѣ является книжка Пресансе „Крошка мама“ (въ изд. ж. „Всходовъ“—„Безъ призора“). Здѣсь, между прочимъ, маленькая сиротка дѣвочка поухаживала за больною старушкой-сосѣдкой и за то, когда она сама опасно заболѣла, эта старушка вмѣстѣ съ доброю женою бѣднаго швейцара не оставила сиротку. Кромѣ того, нашлась добрая барыня, которая, узнавъ все, тоже позаботилась о больной—послала ей все необходимое при ея болѣзни; послала также „кофе и сахару для тѣхъ бѣдныхъ добрыхъ женщинъ, которыя дежурятъ около больной дѣвочки: онѣ не спятъ ночи, имъ это будетъ полезно“; такъ что и эти послѣднія не остались безъ награды за свою доброту. Здѣсь же фигурируетъ и маленький Шарль—братичка больной дѣвочки. Какъ-то онъ увидалъ избиваемаго кота старушки и самоотверженно заступившись за него, былъ самъ поколоченъ. Но сейчасъ же послѣдовала и награда. Хозяйка кота „обмыла лицо пострадавшаго мальчика теплой водой, положила ему компрессъ на носъ и наконецъ дала ему... что бы вы думали?—цѣлую чашку молока“. Послѣ этой чашки молока неудивительнымъ становится заявленіе автора, что Шарлю „очень *понравилась роль добродѣтельнаго мальчика*“. Изъ англійскихъ книгъ можно указать довольно занимательную книгу „Наслѣдникъ дяди Честертона“ (перев. Н. Азбелева С.-П.-Б. 1880). Книга пересыпается такими разсужденіями: „Замѣтимъ здѣсь нашимъ молодымъ читателямъ, что самолюбіе хорошо только до тѣхъ поръ, пока не переходитъ извѣстные предѣлы. Каждый человѣкъ, достигнувъ чего нибудь болѣе значительнаго, чѣмъ онъ самъ ожидалъ, долженъ непремѣнно вспомнить слова, сказанныя однимъ невольникомъ римскому завоевателю: вспомни, что ты не болѣе, какъ смертный“. А

заканчивается книга такимъ наставленіемъ: „Почитайте трудъ и надѣйтесь на справедливость Творца,—тогда все остальное само придетъ къ вамъ“.

Русская литература, повидимому, сравнительно меньше страдаетъ этимъ недостаткомъ, но все же онъ есть и у насъ. Въ 80-хъ г.г. А. Гудиловичъ былъ выпущенъ сборникъ „Фонарикъ“ (Моск. 1882). Вотъ что здѣсь въ предисловіи говоритъ авторъ.—„Обращаюсь къ вамъ, милыя дѣтки, съ разсказами, которые, надѣюсь, вамъ понравятся. Прочтите ихъ и потомъ сами рѣшите, кому лучше живется на свѣтѣ, добрымъ или злымъ дѣтямъ, послушнымъ или упрямымъ и кого больше любятъ родные и всѣ окружающіе. Если вамъ и случится сдѣлать какую нибудь ошибку, то тотчасъ вспомните про моихъ маленькихъ героевъ и старайтесь исправиться, чтобы заслужить общую любовь и уваженіе“. Или вотъ книжка Е. Трудиной—„Пять разсказовъ нравственно-поучительныхъ и два научно-поучительныхъ для маленькихъ моихъ друзей“ (С.-П.-Б. 1880). Къ числу образцово-тенденціозныхъ писательницъ слѣдуетъ также отнести Л. Ярцеву, а равно М. Ростовскую, посвящающую свой сборникъ крайне искусственныхъ ненатуральныхъ разсказовъ („Четыре времени года“)—„умнымъ дѣтямъ“. Въ новое время въ изданіяхъ И. И. Горбунова-Посадова („Жить—любви служить“, „Живая любовь“, „Милосердные звѣри“ и др.) тоже находимъ много поучающаго элемента.

Едва ли нужно долго доказывать весь вредъ искусственнаго морализированія въ дѣтской книгѣ. Тенденціозная мораль умалляетъ художественность и жизненную правдивость книги, а дѣтская книга должна быть и жизненна, и правдива. Помимо этого искусственная книжная мораль и сама по себѣ очень сомнительна. Она не доходитъ до ребенка, такъ какъ жизнь, какъ извѣстно, не даетъ ей подтвержденія, создавая напротивъ противорѣчіе; оцѣнивая жизнь по книжкѣ, ребенокъ будетъ считать несправедливымъ, что онъ за свое благоправіе не получаетъ тотчасъ награды. Да если даже эта мораль и западетъ въ душу ребенка, то только въ формѣ своекорыстной.

Но говоря о недопустимости тенденціознаго морализированія, вовсе не слѣдуетъ думать, что въ дѣтской книгѣ

не мѣсто идейной, учительной сторонѣ, нѣтъ—дѣти усердно ищутъ въ читаемой книгѣ именно идейнаго смысла. По анкетнымъ даннымъ г. В. Смирнова¹⁾, опрошенные имъ дѣти обращаютъ огромное вниманіе на нравственный характеръ и нравственные мотивы (включая сюда и мотивы религіозные и патріотическіе) дѣятельности героевъ въ прочитанныхъ ими книгахъ; объ этомъ говорятъ такіе цифры: когда дѣятельность героя носитъ положительный характеръ, то показателемъ отрицательнаго интереса является 47, 31%, а когда отрицательный—84, 36%. Въ среднемъ 65, 84% опрошенныхъ дѣтей живо интересуются явленіями нравственнаго порядка, тогда какъ напримѣръ интересъ къ эстетическимъ мотивамъ даетъ всего только 1, 21%. Что дѣти ищутъ въ книгѣ поученія, это видно и изъ того, что любимой книгой часто является книга съ ярко выраженной моральною идеей. Такія книги, какъ раньше названная „Наслѣдникъ дяди Честертона“ или повѣсти Незванова („Кто побѣдилъ“ и др.) чрезвычайно нравятся дѣтямъ. Приходилось слышать о книгѣ Зонтагъ („Священная исторія“), какъ одной изъ любимыхъ въ дѣтствѣ книгъ, особенно среди поколѣній, подраставшихъ въ 70-хъ годахъ. А между тѣмъ особенность этой книги, кромѣ художественной простоты, въ томъ, что здѣсь каждая почти исторія сопровождается назидательнымъ обращеніемъ къ читателю. Вотъ почему нельзя не согласиться со всею справедливостью словъ г. Саввина, по которому одна откровенная мораль, голое, лишенное художественности поученіе обезцѣниваютъ дѣтскую книгу, но и „одна только чисто художественная сторона безъ этического элемента не приемлема для дѣтской литературы“. Дѣтская литература, какъ и литература общая, должна представлять синтезъ нравственныхъ идей и красоты.

Но какъ же проводить нравственную идею въ дѣтской книгѣ?

Моральные представленія ребенка формируются самою жизнью, окружающей обстановкой, примѣрами окружающихъ ребенка людей. Поэтому дѣтямъ нужно не столько

¹⁾ Данныя получены на основаніи опроса 1062 дѣтей. См. В. Смирновъ, Психологическія основы постановки внѣкласснаго чтенія. Русск. Шк. 1911, 9—11.

проповѣдывать, сколько окружать ихъ чистою и здоровою въ моральномъ отношеніи атмосферою. Эта реальная правда и должна находить свое отраженіе въ дѣтской книгѣ. Въ описаніи реальной жизни, въ правдивомъ изображеніи дѣйствительности можно найти неисчерпаемый источникъ для ознакомленія дѣтей съ проявленіями нравственности, любви, добра, потому что только *жизненная или иначе художественная правда способна возбудить къ себѣ активное, практическое участіе*. При этомъ подѣ жизненною правдой не слѣдуетъ разумѣть одну только голую дѣйствительность, а ту внутреннюю истину, которая налагаетъ печать дѣйствительности даже на идеальную, создающую путемъ поэтического вдохновенія жизнь.

Прекрасную иллюстрацію къ тому положенію, что только жизненная правда возбуждаетъ къ себѣ практическое участіе можно находить въ рассказѣ Шмелева „Мой Марсъ“. Здѣсь рѣчь идетъ о томъ, какъ на морской пароходѣ случайно попадаетъ со своимъ хозяиномъ большой и чрезвычайно беспокойный песъ—Марсъ. Очень забавно рассказываетъ авторъ о томъ, сколько самыхъ серьезныхъ огорченій причинилъ своимъ беспокойнымъ характеромъ этотъ песъ всѣмъ своимъ спутникамъ—всѣмъ: отъ матросовъ до самого капитана, отъ важнаго господина, путешествующаго для успокоенія нервовъ, до шалуна мальчишки, не исключая и самого хозяина. Только „двѣ прелестныхъ бабочки“—маленькія дѣвочки подружились съ Марсомъ. Всѣ остальные были искренно злы на надоедливаго пса. Но скоро отношеніе всего парохода къ Марсу рѣзко измѣнилось, и онъ дѣлается предметомъ всеобщаго сочувствія, къ которому невольно присоединяется и читатель. Какъ же этого достигаетъ авторъ? Читая рассказъ, какъ то невольно боишься, что авторъ увлечется примѣромъ писателей, отыскивающихъ „милосердныхъ звѣрей“, и сдѣлаетъ Марса героемъ, спасителемъ одной изъ своихъ пріятельницъ—дѣвочекъ и тѣмъ завоеуетъ симпатіи публики. Но художественное чутье автора нашло другой путь: самъ Марсъ по неосторожности оказывается за бортомъ. Весь пароходъ, затаивъ дыханіе, слѣдитъ за усиліями собаки спастись. „Всѣ были захвачены однимъ стремленіемъ, однимъ желаніемъ—спасти погибав-

шую на глазахъ жизнь въ сущности никому изъ нихъ ненужнаго и раньше невѣдомаго пса. Когда всѣ вдругъ почувствовали одно, всѣмъ общее, что таилось у каждаго далеко запрятанное, но такое теплое и хорошее, и на самое короткое время стали... дѣтьми, чистыми дѣтьми. Когда были забыты и шляпа-панاما, и бархатные картузы, и смазные сапоги, и рубаха, и пахлахмаленные воротнички. Когда мужичекъ въ поддевкѣ тянулся черезъ плечо господина, облеченнаго въ изящную англійской флапелли пару, и оба они смотрѣли на борющуюся за свою жалкую жизнь собаку и жалѣли, и хотѣли одного“. Собака была спасена къ искренней радости всѣхъ недавнихъ ея недоброжелателей. Марсъ снова на пароходѣ, и „всѣ, рѣшительно всѣ, довольны, веселы, счастливы даже... И какія у всѣхъ хорошія, добрыя человѣческія лица“.

Итакъ, пусть дѣтская книга рисуетъ ребенку доступную его пониманію картину реальной жизни, пусть знакомитъ его съ добромъ и зломъ, но не вымышленнымъ, а такимъ, какое оно есть на самомъ дѣлѣ. „Не искажайте дѣйствительности, говоритъ Бѣлинскій, ни клеветами на нее, ни украшеніями отъ себя, но показывайте такой, какова она есть на самомъ дѣлѣ, во всемъ ея очарованіи и во всей неутомимой суровости, чтобы сердце дѣтей, научаясь ее любить, привыкло бы въ борьбѣ съ ея случайностями находить опору въ самомъ себѣ. Въ одной истинѣ и жизнь и благо; истина не требуетъ помощи у лжи.. Не говорите дѣтямъ: это хорошо, а это дурно, потому и поэтому, а покажите имъ хорошее, не называя его хорошимъ, но такъ, чтобы дѣти сами своимъ чувствомъ поняли, что это хорошо“.

Избѣгать изображенія отрицательныхъ сторонъ жизни нельзя, потому что только изъ реального противоположенія злему мы научаемся понимать и любить доброе. Если мы, говоритъ Гербертъ, будемъ изображать дѣтямъ одно доброе, рассказъ покажется имъ однообразнымъ, недѣйствительнымъ и, значитъ,—скучнымъ, и уже вслѣдствіе одного только стремленія къ разнообразію они будутъ искать и будутъ желать злого. Но здѣсь, конечно, нужна большая осторожность. Нужно помнить, что дѣти податливы всякаго рода внушенію, особенно въ переходномъ возрастѣ. Поэтому дѣти

могут увлечься отрицательными типами, какъ это видно изъ матеріаловъ анкеты г. Смирнова.—Тринадцатилѣтній мальчикъ на вопросъ, кто и чѣмъ понравился ему въ прочитанныхъ книгахъ, пишетъ: „понравился Чичиковъ; тѣмъ, что хорошо проводить публику“. Чтобы избѣжать этого, писатель, изображая зло, изображая отрицательныя стороны жизни, не долженъ подчеркивать ихъ. Онъ долженъ писать, одушевляемый идеей добра. Тогда писатель и отрицательными типами будетъ говорить о добрѣ, вести къ идеалу, заставляя сторониться зла; показывая зло, онъ не будетъ въ опасности заразить имъ маленькаго читателя; знакомя съ темными сторонами жизни, онъ не разобьетъ вѣры ребенка въ добро, не броситъ въ душу его зерно безплоднаго пессимизма. Представляйте дѣтямъ, говоритъ Гербартъ, дурное, но не какъ предметъ для подражанія, и дѣти сами найдутъ, что оно дурно. Дайте ребенку интересный рассказъ, богатый событіями, столкновеніями, характерами, исполненный строгой психологической правды, но не указывайте ему, что здѣсь добро и что зло, ребенокъ самъ узнаетъ, какъ относиться къ тому и другому явленію, онъ самъ отвернется отъ дурного и неправого, самъ стаплетъ на сторону добра и справедливости. Дальше—писатель, взявшійся повести ребенка въ область темныхъ сторонъ жизни, самъ долженъ быть проникнуть гуманными чувствами и въ сердце читателя будить любовь, сочувствіе къ человѣку. Не нужно смѣшивать зло и его носителя, пороки и порочнаго человѣка. Возбуждая въ читателѣ негодованіе противъ зла и порока, писатель долженъ учить его жалѣть человѣка, хотя бы и испорченнаго. И не отвлеченныя сухія разсужденія, не чувствительныя сентенціи здѣсь нужны, а живые образы, взятые изъ самой жизни.

Образецъ такого изображенія мы находимъ въ рассказѣ А. Круглова, „За чужимъ горбомъ“. Рассказъ этотъ не отличается художественными достоинствами и въ этомъ отношеніи онъ вовсе не образцовый. Но здѣсь выводится одинъ чрезвычайно любопытный типъ—пьяница-сапожникъ Ома. Слабость Омы—его пьянство отталкиваетъ читателя, но все же къ самому Ому не испытываешь презрѣнія, негодованія. Предъ читателемъ стоитъ живой человѣкъ, добрый, неглу-

пый, а главное—самъ же страдающій отъ своей слабости и потому вызывающій къ себѣ невольную симпатію. Противно намъ пьянство, но не противенъ, а жалокъ намъ становится пьяница—сапожникъ Ома.

Еще лучшіе образы даетъ Маминъ-Сибирякъ въ своихъ рассказахъ. У него немало отрицательныхъ героевъ, но ихъ недостатки не вызываютъ въ душѣ читателя озлобленія. Это слабости, которыя мѣшаютъ человѣку быть совершеннымъ и за которыя мы готовы скорѣе пожалѣть его. Вотъ добрый царь Горохъ. Подъ старость онъ теряетъ репутацію добраго царя, имъ овладѣваетъ скупость, переходящая въ жадность и жестокость.—„Началъ славный царь Горохъ всѣхъ притѣснять, каждую денежку высчитывать и даже утромъ сидѣлъ въ кухнѣ и смотрѣлъ, какъ варятъ ему щи, чтобы повара не растащили провіанта. Дѣло дошло до того, что славный царь Горохъ велѣлъ при себѣ и хлѣбъ рѣзать, и самъ считалъ куски и даже коровъ доить сталъ, чтобы не выпили царскаго молока невѣрные слуги“. Но потерявъ добрую репутацію, Горохъ теряетъ и свое царство. Это заставляетъ его одуматься, понять, что дурно быть злымъ и онъ всѣми силами старается перестать быть злымъ. Правда, силъ-то этихъ у него немного. „Какъ ни старается царь Горохъ сдѣлаться добрымъ, никакъ не можетъ“. Какъ тутъ будешь добрымъ, „ежели царь Пантелей (своими похвальбами) мѣшаетъ мнѣ быть добрымъ“—простодушно сердится славный царь Горохъ. Это вотъ простодушіе и подкупаетъ въ его пользу читателя; это простодушіе подкупаетъ въ пользу Гороха и строптиваго царя Пантелея, заставляя послѣдняго называть своего противника „голубчикъ, царь *Горохушко*“.

Итакъ, пусть дѣтская литература будетъ вѣрнымъ художественнымъ отраженіемъ жизни. Она можетъ показать ребенку всю жизнь, но въ доступныхъ и интересныхъ для ребенка ея формахъ и проявленіяхъ. Избѣгая сухой тенденціозности, пусть она будитъ въ своихъ читателяхъ бодрую любовь ко всему живущему и симпатію къ положительнымъ сторонамъ жизни.

Эстетическое наслажденіе, говоритъ Вольгасть, отличается отъ матеріальнаго главнымъ образомъ тѣмъ, что это—

наслаждение правдою, сущностью вещей. Эта правда, простота и естественность дают произведению характер художественности, дают ему и эстетическую обаятельность. Художественной естественности содержания, разумеется должна соответствовать *художественная простота, естественность языка*.

Дѣти вовсе не невзыскательные читатели, какъ не невзыскательные и собесѣдники. Съ дѣтьми нужно уметь говорить. А для этого, кромѣ таланта, нужно серьезное отношеніе къ дѣтскому міру; нужно заинтересоваться имъ, войти въ кругъ дѣтскихъ интересовъ, а для этого нужно любить дѣтей. Чтобы вліять на ребенка, справедливо говоритъ А. Чеховъ, чтобы овладѣть его сознаниемъ, недостаточно поддѣлаться подъ его языкъ, нужно уметь и мыслить на его манеръ. Искусственностью здѣсь ничего не достигнешь: какъ бы ни старался сюсюкать собесѣдникъ изъ взрослыхъ, желающій поправить дѣтямъ, какихъ бы нѣжныхъ гримасъ онъ не строилъ, если у него нѣтъ по отношенію къ дѣтямъ серьезнаго чувства, они не станутъ слушать его. Припоминается здѣсь картинка изъ повѣсти Баранцевича „Сапожникъ Юла“. По-дѣтски просто, но занимательно и серьезно сапожникъ за работою ведетъ бесѣду съ окружившими его ребятишками.

— „Въ какихъ ясляхъ родился Христосъ?“—допытывается у него одинъ изъ маленькихъ собесѣдниковъ, Серега.

— „Въ обыкновенныхъ, другъ. Въ самыхъ такихъ, въ которыхъ коней кормятъ. Вотъ какой Господь примѣръ показалъ! Не гнушался, значитъ, никакимъ чезовѣкомъ, какого бы роду-племени онъ ни былъ, потому самъ Иисусъ Христосъ въ простыя ясли положенъ былъ. А волхвы вотъ пришли и поклонились ему“...

Дѣти смотрятъ сапожнику прямо въ ротъ. Онъ просто подавляетъ ихъ знаніями и кажется необыкновенно ученымъ чловѣкомъ.

Вотъ такъ же просто и серьезно долженъ и писатель говорить съ дѣтьми — не морализируя сухо и не сюсюкая. Только талантливое воплощеніе реальной правды, безъ искусственнаго искаженія дѣйствительности, только прямое, серьезное отношеніе писателя къ ребенку создадутъ худо-

жественность въ дѣтской беллетристикѣ. Для дѣтей авторъ долженъ писать литературно, какъ онъ писалъ бы для взрослыхъ, и дальнѣйшимъ пробнымъ камнемъ художественной цѣнности дѣтской книги можетъ служить *интересъ къ ней взрослыхъ*. Если взрослый читатель при чтеніи дѣтской книги получаетъ художественное наслаждение (какое получаешь, напримѣръ, при чтеніи дѣтскихъ повѣстей Мамина-Сибиряка), значитъ, книга написана художественно. Если ты хочешь писать для дѣтей—ты не долженъ писать специально для дѣтей. Эти слова Т. Шторма Вольгасть называетъ евангеліемъ въ вопросахъ дѣтскаго чтенія, ссылаясь также и на слова Лихтварка: „нужно, чтобы взрослые могли читать дѣтскую книгу съ такимъ же и даже съ еще большимъ интересомъ, чѣмъ дѣти“. Такимъ образомъ, дѣтская книга отъ общелитературнаго произведенія должна отличаться только тѣмъ, что по своему сюжету она доступна и дѣтямъ. Нужно замѣтить, что это требованіе, такъ настойчиво выдвигаемое за послѣднее время въ нѣмецкой литературѣ, не чуждо и нашей теоретической литературѣ, а равно и самымъ дѣтскимъ писателямъ. Еще 1844 году редакція „Библиотеки для воспитанія“ (журналъ выходилъ въ 1844—1846 г.г.) во вступительной статьѣ писала: „Для дѣтей хороши не тѣ произведенія, которыя писаны для нихъ, но тѣ, которыя при всей глубинѣ поэтическаго созерцанія, вмѣстѣ такъ поэтически просты и такъ стройно вылились изъ гармонически настроенной души, что одинаково доступны и зрѣлому возрасту и безыскусственному понятію ребенка“. А позднѣе П. В. Засодимскій въ разсказѣ „О томъ, какъ я сталъ дѣтскимъ писателемъ“ говоритъ: „Въ своихъ разсказахъ я не старался поддѣлываться подъ дѣтскія понятія, подъ дѣтскій говоръ: я писалъ ихъ, вовсе не думая о томъ, что для дѣтей надо писать какъ-то по особенному, слащаво и сюсюкая. Все дѣло заключалось для меня лишь въ выборѣ сюжета, но когда содержаніе разсказа было намѣчено, я уже писалъ совершенно свободно, такъ, какъ я писалъ для взрослыхъ. И мнѣ думается, что именно такому простому способу изложенія обязаны мои разсказы тѣмъ, что нѣкоторые изъ нихъ читались охотно“ (Сборникъ „Въ зимніе сумерки“).

Писать для дѣтей, такимъ образомъ, дѣло вовсе не

легкое, и чѣмъ меньше дѣти, тѣмъ труднѣе для нихъ писать, чтобы безъ ущерба для художественности быть понятнымъ имъ. Вотъ почему нельзя не привѣтствовать требованія Вольгаста, который настаиваетъ на томъ, что „только испытанные поэты должны быть нашими дѣтскими писателями“.

Приведенныя требованія, выдвигающія на первый планъ художественность дѣтской книги, не могутъ не раздѣляться, конечно, и по чисто педагогическимъ соображеніямъ, потому что воспитывающее вліяніе на маленькаго читателя можетъ имѣть только истинно художественное произведеніе. Но со стороны педагогики должны быть предъявлены къ дѣтской книгѣ и спеціальныя требованія.

Прежде всего книга должна соответствовать умственнымъ силамъ ребенка, не превышать степени его пониманія. Частіе—слѣдуетъ избѣгать излишняго отягощенія памяти ребенка. Наполненіе головы представленіями случайными, многочисленными, ненаглядными создаетъ путаницу въ головѣ ребенка. Какъ примѣръ, Рогова указываетъ книгу *М. Лялиной* „Славянскія повѣсти“ (С.-П.-Б. 1887). Разсказъ „Черногорія“ здѣсь начинается бѣглымъ, общимъ описаніемъ мѣстности, климата, при чемъ дается цѣлый рядъ географическихъ названій: Цетинская долина, Дульцинскіи округъ, Бѣлопавличская долина, нахп (округи) Черницкая и Рѣчская, горы—Острога, Малый и Великій Бырдо, рѣка Зета, городъ Даниловоградъ. Все это на протяженіи 15 строчекъ. Потомъ слѣдуетъ характеристика народонаселенія, форма правленія, и только съ 4-й страницы начинается самый разсказъ. Излишекъ дидактизма, обиліе головного, обращеннаго къ уму матеріала не желательно въ дѣтской книгѣ и по слѣдующимъ соображеніямъ. Однимъ изъ важнѣйшихъ элементовъ душевной жизни ребенка является чувство, которое требуетъ своего развитія, воспитанія. „Три четверти всей жизни дѣтей, говоритъ С. Холлъ, составляютъ чувства, и воспитатели должны быть стражами ихъ эмоциональной сферы“. Отсюда слѣдуетъ, что дѣтская книга должна вообще затрагивать не столько умъ, сколько чувства ребенка. „Горе вамъ, если вы сдѣлали ребенка разсуждаю-

щимъ резонеромъ, если вы убили въ немъ чувство и развили разсудокъ“ (Бѣлинскій).

Но затрагивая область эмоцій, дѣтская книга должна будить въ читателѣ, конечно, только добрыя чувства. Съ педагогической точки зрѣнія нужно признать недопустимыми книги, проводящія низменныя идеалы. На основаніи раніе сказаннаго въ построеніи ребенка можно допускать нѣкоторое сходство съ построеніемъ дикаря или первобытнаго человѣка, еще не поднявшагося на болѣе высокую ступень развитія. Въ сознаніи ребенка ощущенія (периферіи) еще преобладаютъ надъ представленіями (центрами). Отсюда ясно, какъ вредна будетъ книга, не только не способствующая правильному расширенію умственнаго и нравственнаго кругозора ребенка, а еще извращающая его представленія, возводящая въ идеалъ отрицательныя начала. Образцомъ подобныхъ произведеній являются нѣкоторыя вульгаризировавшіяся народныя сказки, гдѣ ложь, мошенничество возводятся въ идеалъ. Не совсѣмъ безупречными въ этомъ отношеніи являются и нѣкоторыя сказки изъ собранія Афанасьева „Солдаты и смерть“, „Солдатскія проказы“, „Мудрые отвѣты“, „Вороватый мужикъ“ и др. Не всегда свободны отъ подобныхъ элементовъ и произведенія интеллигентныхъ писателей. М. Ростовская въ своемъ разсказѣ „На пароходѣ“ сѣтуетъ на пароходную администрацію, зачѣмъ она, беря съ первоклассныхъ пассажировъ большую плату, уравниваетъ ихъ съ 3-е классными пассажирами и позволяетъ послѣднимъ быть на палубѣ вмѣстѣ съ первыми: „сначала постарайтесь уравнивать ихъ болѣе одиобразнымъ воспитаніемъ и равными привычками къ чистотѣ и порядку“, а потомъ позволяйте имъ выходить туда, гдѣ находится чистая публика. Дальше писательница негодуетъ на русскихъ купцовъ за то, что они не доразвились до привычки ѣздить въ 1-мъ классѣ и прибавляетъ: „я люблю щеголеватость, le comme il faut, и самая роскошь производить на меня пріятное впечатлѣніе: признаюсь откровенно“. Разсказъ этотъ помѣщается въ дѣтскомъ сборникѣ „Четыре времени года“, посвящаемомъ „умнымъ дѣткамъ“.

Съ педагогической точки зрѣнія является нежелательнымъ вносить въ дѣтскую книгу и мотивы гражданской

скорби или политической борьбы. „Дитя должно быть дитятею, говоритъ Вѣлинскій, но не юношею, не взрослымъ человекомъ. Всему своя чередъ. Нѣтъ ничего вреднѣе опаснѣе, какъ неестественно преждевременное развитіе духа ребенка“. Поэтому едва-ли будутъ полезными для ребенка такія вещи, какъ сказка Кота Мурлыки „Максъ и Волчокъ“. Сказка эта съ одной стороны проникнута живою несправедливостью „къ темнымъ силамъ жизни“, а съ другой безнадежно констатируетъ, что зло неизбѣжный элементъ жизни, что одно добро не можетъ существовать безъ зла: „таковъ у дѣлъ земной жизни“. Въ одномъ дѣтскомъ журналѣ за послѣдніе годы (Всходы, 1910,1) былъ помѣщенъ переводъ разсказа Л. Фраппе „Баррикады“, гдѣ говорится о томъ, какъ мальчики одной бѣдной французской школы, перевернувъ въ классѣ все вверхъ дномъ, устроили баррикаду и встрѣтили на ней свой учительскій персоналъ криками: „Мы не дадимъ убивать ягненка!“ Въ критическихъ обзорахъ этотъ разсказъ указывался, какъ чрезвычайно желательный для дѣтскаго журнала. Но едва-ли можно согласиться съ этимъ. Политическіе и социальные вопросы слишкомъ сложны и велики, чтобы дѣлать ихъ предметомъ дѣтской литературы. Вводить же ребенка въ сферу „проклятыхъ“ вопросовъ, разжигать въ немъ начала борьбы и вражды прежде, чѣмъ разовьются его представленія, утвердятся сознаніе и окрѣпнуть *положительныя начала* добра и любви, является дѣломъ, безусловно преждевременнымъ.

Преждевременными для ребенка слѣдуетъ признать и различные виды любовной эпопеи, хотя-бы и въ видѣ романтическихъ приключеній павознаго жучка у Андерсена. Не вполне умістныя элементы — ухаживаніе, ревность находимъ и въ такой вообще очень желательной книжкѣ, какъ М. Твена „Приключенія Тома“. Много любовныхъ элементовъ вносятъ въ свои произведенія и ставящаяся въ новое время модною писательница Е. Аверьянова¹⁾.

Не безынтереснымъ съ педагогической точки зрѣнія является и вопросъ о томъ, *какія краски, какія настроенія—свѣтлыя, радостныя или печальныя—должны преобладать въ дѣтской литературѣ*. Тутъ возможны два рѣшенія.

¹⁾ См о ней статью Н. А. Саввина Нов Дѣт. Лит. 1914, апр.

Одни говорятъ, что ребенку пужно показать жизнь въ розовомъ свѣтѣ, другіе требуютъ скорѣе печальныхъ красокъ. Нужно, говорятъ, заранѣе показать дѣтямъ, что жизнь вовсе не розовая сказка.

Еще въ вѣкъ Екатерины В. И. И. Бецкій настаивалъ на томъ, чтобы наставникъ „всякую печаль, какъ отраву, отвергалъ въ дѣтяхъ“, такъ какъ рѣдко бываетъ, чтобы дѣти отъ природы были „сложенія печальнаго“. Въ новое время нѣмецкій писатель Лихтваркъ, изучая запросы дѣтской природы, также приходитъ къ мысли, что „дѣти—это народъ веселый. Они еще живутъ въ блаженномъ мірѣ, въ золотомъ вѣкѣ. Имъ всегда сильно понравится и они сильно полюбятъ прежде всего все веселое“¹⁾.

Отсюда и отъ дѣтской книги требуется матеріалъ только веселый. „Только та книга дѣтямъ будетъ мила и дорога, которая ихъ увлекаетъ и приводитъ въ восторгъ, радуется жизненностью и красотой. Веселость—это стихія дѣтей Пробуждать въ дѣтяхъ радостное, бодрое настроеніе—это все. „Веселое сердце воспріимчиво ко всему хорошему“. Дѣти—оптимисты по самой природѣ своей, говоритъ Рогова; постоянное усиленное обновленіе тканей въ организмѣ, усиленный ростъ способствуютъ поднятію жизненной дѣятельности, производятъ значительный притокъ жизненной энергіи, подъемъ духа, не допускающій слишкомъ мрачнаго взгляда на жизнь. Вотъ почему и является частое требованіе дѣтей книги „съ хорошимъ (не печальнымъ) концомъ“.

Но съ другой стороны не трудно установить, что и печальные разсказы производятъ на дѣтей сильное впечатлѣніе, трогаютъ ихъ. Въ своей автобіографіи Фонъ-Визинъ разсказываетъ, какъ его глубоко тронула исторія о продажѣ Іосифа братьямъ, которую отецъ разсказывалъ дѣтямъ. И боясь, какъ бы изъ-за его слезъ отецъ не отказался доканчивать имъ этотъ разсказъ, маленькій Фонъ-Визинъ выдумалъ цѣлую исторію о разболѣвшемся зубѣ. „И я знаю мно-

¹⁾ Въ такомъ же духѣ пишетъ Шарельманъ. У насъ популяризаторомъ этихъ идей выступаетъ А. Дауи (его книга „Искусство и творчество въ воспитаніи“. М. 1907).

гихъ, прибавляетъ онъ, кои, читая Іосифа, мною переведеннаго, проливали слезы“.

А вотъ справка изъ школьной практики. „Изъ моихъ наблюденій я заключила, пишетъ одна моя учительница въ своемъ школьномъ дневникѣ, что печальные рассказы больше нравятся дѣтямъ, чѣмъ веселые, шуточные. Во время чтенія съ дѣтьми вслухъ на урокъ руководящая то и дѣло были слышны возгласы: „бѣдный мальчикъ!“ Лица, необыкновенно заинтересованныя, выражали ожиданіе чего-то необычайнаго, страшнаго“.

Чтобы лучше разобраться въ разсматриваемомъ вопросѣ, нужно ближе присмотрѣться къ читательскимъ запросамъ дѣтей; выяснитъ же послѣднія удобнѣе всего анкетнымъ путемъ. Опрашивая чрезъ ученицъ педагогическаго класса дѣвочекъ приготовительныхъ классовъ двухъ женскихъ гимназій, я получилъ въ этомъ случаѣ слѣдующія цифры: младш. пригот. классъ (всего ученицъ 19): за веселые, смѣшные рассказы высказались 14 уч., за печальные—5; старш. пригот. классъ (24 ученицы): за веселые—10 уч., за печальные—14 уч. Въ другой гимназій: младшій пригот. кл. (25 уч.): за веселые рассказы—15 уч., за печальные—10 уч.; старш. пригот. кл. (26 уч.): за веселые—12 уч., за печальные—14 уч. На Всероссійской выставкѣ въ Кіевѣ (1913 г.) дѣтскою бібліотекою г-жи Доброй были выставлены таблицы и діаграммы, составленныя на основаніи анкеты среди учащихся, а равно дѣтей дошкольнаго возраста. По вопросу о веселыхъ и грустныхъ дѣтскихъ книгахъ здѣсь мы находимъ такія цифры. Количество дѣтей дошкольнаго возраста (5—7 г.г.), высказавшихся за веселыя книги—100%; младшій возрастъ (8—10 г.г.): за веселыя книги—36,4%, за грустныя—43,5%, безразличн.—20,1%; средній возрастъ (11—13 г.г.): за веселыя—26,1%, за грустныя—49,9%, безразличн.—23%, безъ отвѣта—1%; старшій возрастъ (14—16 г.): за веселыя—17,8%, грустныя—46,6%, безразличн.—31,3%, безъ отвѣта—4,3%; подростки (17 г...): за веселыя—16,7%, за грустныя—40%, безразличн.—43,3%. Въ общемъ по всѣмъ возрастамъ: за веселыя книги—26,2%, за грустныя 46,7%, безразличн.—25,5%, безъ отвѣта—1,6%.

Приведенныя цифры говорятъ, что хотя запросы дѣтей

и разнообразятся по возрастамъ, при чемъ съ годами въ дѣтяхъ постепенно развивается вкусъ къ печальнымъ книгамъ, но все же нельзя сказать, чтобы эти запросы здѣсь рѣзко склонялись въ какую нибудь одну сторону; значить, если и не вполне въ одинаковой степени, то все же запросъ есть какъ на книги веселыя, такъ и грустныя.

Что касается частнѣе до веселыхъ, забавныхъ книгъ, то пользы и желательности ихъ, конечно, нельзя отрицать. И желательны онѣ не только потому, что нравятся дѣтямъ, отвѣчаютъ запросамъ ихъ природы, но и потому, что необходимо въ дѣтяхъ поддерживать жизнерадостность, бодрое настроеніе. И нельзя здѣсь не пожалѣть о скудости этого отдѣла дѣтской литературы. Забавныя книжки хороши только тогда, когда онѣ художественны. Какъ образецъ юмора, здѣсь, пожалуй, можно указать уже упоминавшійся раньше рассказъ И. Шмелева „Мой Марсъ“. Въ большинствѣ же случаевъ подобныя книжки тупы, вялы, безцвѣтны или же способны возбуждать злыя чувства, насмѣшки, издѣвательства. Такова извѣстная и большинству дѣтей нравящаяся книжка Буша „Веселые рассказы про шутки и проказы“. Рассказъ Максъ и Морицъ представляетъ собою исторію двухъ шулуновъ съ ихъ различными каверзами вплоть до вкладки пороха въ трубку учителя.

„Эти скверные мальчишки
Не читаютъ умной книжки,
Ради шутки, смѣха ради
Рвутъ и пачкаютъ тетради
И, дразня учителей,
Тѣмъ смѣются веселѣй“.

Такова же и упоминавшаяся раньше книжка Г. Гофмана *Der Struwwelpeter* (въ русск. изд. „Степка-Растрепка“), общающаяся маленькому читателю (авторомъ предназначается дѣтямъ 3—6 лѣтъ) *lustige geschichten und drollige Bilder*.

На ряду съ забавными въ высшей степени желательными для дѣтей слѣдуетъ признать и книги, хотя не веселыя, даже не избѣгающія касаться печальныхъ сторонъ жизни, но не теряющія при этомъ бодрого жизнерадостнаго настроенія. Такова, напримѣръ, книжка О. Сергіевской

Веселая зима (Изд. Фреб. Общ., съ рис. Каразина, СПб. 1903). Отчасти тутъ же можно назвать и книжки П. Незапова, у котораго бодрымъ тономъ и жизнерадостностью настроенія искупается наклонность къ тепденціозному морализированію.

Вотъ списокъ веселыхъ книгъ.

Андерсенъ, Штопальная игла; *Бунзъ*, Названная выше книжка съ указанною оговоркою, изд. Вольф., 1905, ц. 1 р. 50 к.; *Г. Гейерстамъ*, Мои мальчуганы („Весслос лѣто“), Сыт. 1903, ц. 50 к.; *Г. Говманъ*, названная выше книга съ указанной оговоркою. Русск. изд. — „Степка-Распрепка“—Вольфа, 1903, ц. 1 р. 25 к. Рисунки здѣсь хуже, чѣмъ въ нѣмецк. изданіи. Изд. Ступина, 1891, ц. 10 к.¹⁾; *И. Деркачевъ*, Елка, изд. Ступ., ц. 10 к.; *Додэ А.*, Удивительныя приключенія Таргарена. Сокращ. перев. Журавской, изд. „Всходовъ“, СПб. 1902, ц. 25 к.; *Д. Маминъ Сибирякъ*, нѣкоторыя изъ „Аленушкиныхъ сказокъ“; *О. д'Орзъ*, Чернильные человѣчки. Приключенія господина Клякса и его товарищей. Изд. Вольфа, съ раскраш. картинокъ. 1903, ц. 3 р.; *И. Пановъ*, Балагуръ, съ рис. Изд. Ступ., 1884, ц. 10 к.; *Приключенія любопытнаго Коли*. Текстъ Веселаго Дяди. Съ рис. И. Панова. Изд. Ступ. ц. 10 к.; *Сливицкій А.*, Проказы Мишки Топтыгина. Изд. Ступ. 1899, съ рис., ц. 10 к. (Отдѣльно изданная глава изъ книги Сливицкаго „Разоренное гнѣздо“); *Твенъ М.* Приключенія Тома. Изд. Сувор. 1904, ц. 2 р. (раньше отмѣчалась слабая сторона этого произведенія); *Фалькъ Г.*, Веселые мореплаватели. Сказка въ картинкахъ. Пересказ. А. Ѳедоровъ-Давыдовымъ. Изд. Саблина, М. 1901, ц. 1 р. 75 к.; *Шмелевъ И.*, Мой Марсъ (въ сборн. „Они и мы“, М. 1910, ц. 45 к.). Всѣ перечисленные книжки, кромѣ Твена и Шмелева подходятъ для дѣтей младш. возраста.

Считая веселое чтеніе весьма желательнымъ для ребенка, нельзя возражать противъ умѣстности въ дѣтской книгѣ и грустныхъ мотивовъ. Основанія для этого были установлены раньше. Частнѣе здѣсь любопытно отмѣтить тотъ фактъ, что склонность къ грустнымъ, жалостнымъ книжкамъ дѣвочки обнаруживаютъ въ большей степени, по

¹⁾ Не лишнею здѣсь будетъ справка изъ книги „Что чит. народу“ (I, 231): „Взрослый человѣкъ обладаетъ правомъ имѣть любимыя книги,—почему же не предоставить этого права ребенку, если въ этомъ чтеніи нѣтъ ничего ни опаснаго, ни вреднаго? къ чему, пользуясь преимуществами сильнаго, посягать на его вкусы и симпатіи, предлагая ему только полезное, когда и сами взрослые далеко не всегда руководствуются эгими правилами? Вопросы эти намъ невольно пришли въ голову подъ впечатлѣніемъ только что прочитанныхъ съ дѣтьми рассказовъ, извѣстныхъ подъ общимъ названіемъ *Стетки-Распрепки*. Сколько веселья, сколько искренняго дѣтскаго смѣха пришлось услышать намъ!“

сравненію съ мальчиками. В. П. Вахтеровъ на основаніи анкетныхъ данныхъ устанавливаетъ, что интересъ дѣвочки къ этого рода книгамъ выше интереса мальчиковъ на 16,2% (Основы новой педагогики, I, 551). Въ общемъ этотъ отдѣлъ дѣтской литературы богаче отдѣла веселыхъ дѣтскихъ книжекъ, и можно указать много хорошихъ произведеній, будящихъ въ ребенкѣ, хотя и грустныхъ, но добрыя чувства, чувства состраданія, жалости.

Для образца приводится рядъ книжекъ въ указанномъ родѣ. *Ф. Бернетъ*, Маленькій лордъ Фауптлерой, перев. подъ ред. Е. Сысоевой, изд. Девр. СПб. 1905, ц. 1 р. 25 к.; *Бичеръ-Стоу*, Хижина дяди Тома, изд. Горб.-Посад 1902, ц. 2 р.; *С. Джамисонъ*, Ледъ Джамъ, перев. Е. Сысоевой, изд. Девр., ц. 2 р.; *В. Желиховская*, Въ татарскомъ захолустѣ, изд. Девр., 1900, ц. 1 р.; *Е. Оржешко*, Приключенія Яся, СПб., 1896, ц. 15 к.; *І. Спири*, Безъ отца, безъ матери, изд. Г.-Посад. 1902, ц. 45 к.; *М. Твенъ*, Прищипъ и пищій, изд. Сувор. 1899, ц. 2 р.; *М. Чистяковъ*, Приключенія маленькой бѣлочкы Бобочки, СПб. 1883, ц. 75 к. (для младшаго возраста); *И. Шмелевъ*, Служители правды, М. 1906, ц. 50 к.; его-же „Письмо безъ марки и штемпеля“. Повѣсть (въ сборн. рассказъ „Къ свѣтлой цѣли“, М. 1910, ц. 30 к.).

Но здѣсь, разумѣется, слѣдуетъ быть очень осторожнымъ и избѣгать съ одной стороны крайняго сентиментализма, а съ другой—черезчуръ мрачныхъ картинъ, потрясающихъ нервы, но не дающихъ ничего, кромѣ потрясенія и жгучей боли. Если мы слишкомъ часто и много будемъ показывать дѣтямъ грустныхъ и страшныхъ картинъ—бѣдности, несправедливости, жестокости, смерти, при томъ еще прежде, чѣмъ они все это видѣли въ дѣйствительной жизни, то можно приписать имъ большой вредъ. Это или можетъ вызвать въ дѣтяхъ преждевременную серьезность, неискренность и неестественность въ выраженіи чувствъ, или же можетъ привести ихъ въ угнетенное настроеніе, прижать мыслямъ и фантазіи ихъ болѣзненное и совершенно не дѣтское направленіе, подорвать ихъ свѣжую и бодрую жизнерадостность.

Съ приведенной точки зрѣнія слѣдуетъ признать мало желательными такія слишкомъ сентиментальныя вещи,

какъ рассказы Н. Познякова: „Киця“, „Чадю“, „Мятель“ (сборникъ „Дѣтскій праздникъ“), Одоевскаго: „Шарманщикъ“ (... „Любезныя дѣти! Вы не знаете, что такое смѣяться сквозь слезы, и вы, можетъ быть, не поймете, какъ у Вапи (шарманщика) было тяжело на сердцѣ“...), „Гигѣдко“ (убѣждая дѣтей не мучить животныхъ, авторъ даже рассказываетъ невѣроятный фактъ: смиренная собака, преслѣдуемая злыми дѣтьми, вдругъ взбѣсилась и покусала своихъ мучителей, отчего тѣ тоже взбѣсались и погибли, а сама она выздоровѣла), П. Засодимскаго „Задушевные рассказы“. Слишкомъ мрачными нужно признать: Засодимскаго „Ночь на Новый Годъ“; его-же „Передъ печкой“ (сборникъ „Задушевные рассказы“); А. Смирнова „Приемышъ“, „Макаръ Васильевичъ“, „Неудачный“, „Дядя Степа“ (сборникъ „Въ часы досуга“). Мрачнымъ и часто безпечнымъ является въ значительной степени проникнутое „Маленькая лодка“ (Вагнера).

Наконецъ, мало умѣстными въ дѣтской книжкѣ являются и элементы сатиры, ироніи, беспощаднаго анализа. Эти настроенія преждевременны для ребенка; его міровоззрѣніе непосредственное, образное, рельефное, несложное, какъ и всѣ его отношенія къ окружающей средѣ; при томъ иногда болѣе логичное и справедливое, говоритъ Рогова, нежели у взрослого, путающагося часто въ своихъ противорѣчивыхъ взглядахъ, понятіяхъ, убѣжденіяхъ. Частіе относительно ироніи незамѣтно, чтобы у дѣтей была самая способность понимать ее.

Героическій элементъ въ дѣтской литературѣ¹⁾.

Въ литературѣ и въ педагогикѣ есть теченіе, которое требуетъ для дѣтской литературы только возвышенныхъ идеаловъ и только людей высшаго подвига — борцовъ признаетъ ее героями. Людей средней нравственности, обыденныхъ, ординарныхъ работниковъ жизни считаютъ недостойными

¹⁾ П. Кантерева, Подражаніе дѣтемъ книжнымъ героямъ и подвигамъ. Восп. и Обуч. 1893, 4—5; Е. Лозинскій, Герои и героическое въ воспитаніи. Р. Шк. 1911, 1.

образцами. Особенно это теченіе усилилось подъ вліяніемъ литературной проповѣди идеаловъ сверхчеловѣка. По Ницше, задача воспитанія состоитъ въ развитіи сильныхъ, оригинальныхъ личностей, творцовъ жизни. Питомецъ долженъ готовиться къ красивой и дѣятельной жизни героя въ духѣ великихъ гениевъ человѣчества. Любовь къ гению, культъ гениальной личности является вообще весьма существеннымъ факторомъ въ культурно-педагогическихъ взглядахъ Ницше. Когда юноша, говоритъ онъ, познакомившись съ дѣлами, произведеніями, жизнью великаго человѣка, сильно къ нему привязывается, всею душою начинаетъ его любить, въ этотъ моментъ онъ какъ бы посвящается въ члены братства культуры¹⁾. Эти взгляды не проходятъ безслѣдно для нашей педагогической мысли. Каждый человѣкъ, рассуждаетъ одинъ изъ представителей ея, рождается съ задатками героизма въ своей душѣ, и все искусство воспитанія должно свестись къ тому, чтобы не дать захирѣть этимъ задаткамъ, а наоборотъ довести ихъ до возможно высшаго для каждой отдѣльной личности предѣла. Всѣ составные элементы героизма не являются чѣмъ-то сверхъестественнымъ и недостижимымъ для каждого человѣка. Каждый изъ насъ чувствуетъ ихъ въ далекой глубинѣ своей души. Правда, всѣ дѣти не будутъ героями, не будутъ великими людьми, но, отвѣчаютъ на это, у всѣхъ долженъ быть по меньшей мѣрѣ живой культъ героизма. Всѣ они станутъ полезными въ той лишь мѣрѣ, въ какой приблизятся къ вѣчнымъ идеаламъ человѣчества.

Съ приведенной точки зрѣнія, разумѣется, и дѣтская литература должна проводить чисто героическіе идеалы, создавая соотвѣтствующее настроеніе въ читателяхъ.

Но есть и другое мнѣніе. Проповѣдниковъ героическаго начала въ дѣтской литературѣ Кругловъ объявляетъ стоящими на ложной почвѣ, и въ дѣтской литературѣ вообще нѣтъ недостатка въ стремленіяхъ доказать, что вмѣсто героическихъ идеаловъ здѣсь нужны „идеалы болѣе

¹⁾ Мысли Ницше раскрываются и пропагандируются въ статьѣ А. Даузе, Мотивы изъ культурно-педагогич. воззрѣній Ф. Ницше. „Вѣстн. Восп.“ 1910 г.

скромные, хотя и не менѣе полезныя“. Вотъ эти доказательства.

1) Литература должна имѣть въ виду большинство дѣтей, а подвиги героев—исключительные подвиги, для большинства непосильные, невозможные. При томъ, герои нужны временами, а работники всегда; героями могутъ быть немногіе, а простыми, честными работниками должны быть и могутъ быть всѣ.

2) Величіе приходится признавать не только за героемъ-творцомъ исполнскаго дѣла, но и за ежедневнымъ будничнымъ подвигомъ на благо свое и ближнихъ. И этотъ будничный подвигъ — нелегкое дѣло; имъ строится жизнь, безъ этого подвига не было бы ея. „Вы желаете, умѣстно вспомнить здѣсь слова Достоевскаго, исполнскаго дѣятельности; хотите ли, мы вамъ дадимъ такую, которая выше всѣхъ ожиданій вашихъ? Даже горы сдвигать легче, чѣмъ исполнять эту дѣятельность. Вотъ она: пожертвуйте для всеобщаго блага всѣмъ вашимъ великанствомъ; шагайте вмѣсто семи миль, по вершку; проникнитесь идеей, что если нельзя шагать дальше, то вершокъ все таки больше, чѣмъ ничего“.

3) Пропагандированіе однихъ блестящихъ героев можетъ развить въ юношества болѣзненное стремленіе лишь къ однимъ великимъ подвигамъ и презрительное отношеніе къ будничному дѣлу, къ незамѣтнымъ героямъ. Начитавшись героической литературы, ребенокъ не подготовится къ простой, будничной работѣ. Но можетъ случиться, что на большой подвигъ у него не станетъ ни воли, ни силъ и получится не борецъ, а въ лучшемъ случаѣ — боецъ, можетъ быть, и пылкій, но не стойкій, не могущій упорно изо дня въ день бороться за правду, непоколебимо отстаивать и проводить свои убѣжденія. И это, какъ сказано — въ лучшемъ случаѣ; а можетъ быть и такъ: большого дѣла меньше, чѣмъ маленькаго, и вотъ героическая настроенность, не находя себя соотвѣтствующей пищи, можетъ разрѣшиться нытьемъ, позирующею разочарованностію или громкими фразами. Явятся Чайльдъ-Гарольды, Онѣгины или Чеховскіе нытики, не могущіе найти себя никакого дѣла.

4) Жизнь героя, исполненная подвига, не всегда чиста во всѣхъ отношеніяхъ. Баконъ — крупнѣйшій умъ, но взяточникъ, Петръ В. — гениальный реформаторъ, но часто грубый, жестокий человекъ. Герою за его подвиги мы многое прощаемъ; но это опасный моментъ. Такой взглядъ можетъ указать юношѣ невѣрный путь, заставляя его поклоняться лишь героизму, таланту и думать, что для героя не писаны законы, обязательные для обыкновенныхъ людей, что можно быть плохимъ человекомъ въ повседневной жизни и надо только быть героемъ.

Разбираясь въ приведенныхъ двухъ противоположныхъ рѣшеніяхъ вопроса, прежде всего нужно сказать, что доля истины есть въ обоихъ рѣшеніяхъ, и разница, собственно, кроется въ различномъ пониманіи героическаго. Героическое часто хотятъ видѣть въ обнаруженіи страшной силы, въ совершеніи изумительныхъ подвиговъ, героизмъ заставляетъ граничить съ громкими, непремѣнно бросающимися въ глаза похождениями, хотя бы въ духѣ героев Марлинскаго. Но герой — это не тотъ, кто стремится перевернуть вверхъ дномъ міровой порядокъ, поражая и ужасая человечество. Герой — это человекъ великой физической или духовной, но непремѣнно направленной къ добру силы, это — человекъ, великій своею нравственною красотою, человекъ, непремѣнно идущій только къ свѣту, упорно работающій только на пользу добра. Гераклъ и Тезей — герои не тѣмъ, что они борются съ гидрами, львами, Прокрустами, а тѣмъ, что они этими дѣяніями совершаютъ подвигъ любви къ людямъ, спасая ихъ отъ подобныхъ чудищъ. Александръ Македонскій не тогда герой, когда онъ завоевываетъ и разрушаетъ, а когда созидаетъ и несетъ культуру завоеваннымъ народамъ; не тогда онъ герой, когда разбиваетъ войска Дарія, а тогда, когда онъ щадитъ побѣжденнаго врага, когда онъ великодушенъ съ его плѣненнымъ семействомъ или когда онъ отталкиваетъ съ трудомъ собранную для него въ пустынь воду, томимый жаждой, но не желая пить, чтобы раздѣлить участь своихъ воиновъ, умирающихъ отъ жажды. Безъ всего этого Александръ не былъ бы героемъ, а былъ бы простымъ завоевателемъ въ духѣ Атиллы или Чингисхана. Въ любви, въ терпѣніи, въ трудѣ — во всемъ

находить свое воплощение героизмъ. Говоря о будущемъ своей героини Кити Щербацкой, вышедшей замужъ за Левина — будущемъ, какъ жены, матери и хозяйки, Толстой называетъ предстоящее ей столь обыденное дѣло „страшнымъ трудомъ“ („Анна Каренина“). И Кити возьметъ на свои слабыя женскія плечи этотъ трудъ и терпѣливо понесетъ его, и это будетъ героизмъ. Герои, дальше—это люди „съ бодрыми лицами“, люди, которые вездѣ и всячески будутъ служить добру, которые знаютъ, что „опираясь рукою на плугъ, можно совершить столько же мужественныхъ дѣлъ, какъ и опираясь на мечъ“ (Ибсенъ, „Брандъ“).

Такимъ героизмомъ и должна быть проникнута дѣтская литература, здѣсь ему принадлежитъ законное мѣсто. Педагогика не позволяеть изгонять его отсюда, опираясь на требованіе Гербарта: дѣтская книга должна давать изображеніе „чистыхъ и сильныхъ чертъ мужественнаго величія“.

Подойдемъ теперь къ вопросу съ другой точки зрѣнія, точки, которую я назвалъ педологической, посмотримъ, насколько героическое отвѣчаетъ запросамъ дѣтской природы.

Для рѣшенія этого вопроса весьма любопытными являются данныя одной анкеты по вопросу о причинахъ увлеченія дѣтей литературою т. н. пинкертоновщины¹⁾. Изъ 70 опрошенныхъ дѣтей 41 увлекаются сыщицкой литературой. Мотивы этого, указываемые дѣтьми, двоякіе. Прежде всего подобные рассказы занимательны своей фавбулой, увлекаютъ самымъ содержаніемъ, тѣмъ, что „въ нихъ описываются таинственныя приключенія“. Но главный мотивъ интереса—это увлеченіе психологіей, личностью самого сыщика; и характерно, что наибольшую популярностью пользуется серія книжекъ „Натъ Пинкертопъ“, гдѣ на первомъ мѣстѣ стоитъ личность и подвигъ самого сыщика, а не преступленіе и преступники, какъ въ серіи „Шерлокъ Холмсъ“. Н. Пинкертопъ въ глазахъ дѣтей идеальный типъ, увлекающій ихъ умомъ и своею энергичной, сильной личностью. „Я любила подвиги Н. Пинкертопа, когда онъ открывалъ разныя мошенническія продѣлки, любила его за

¹⁾ Данныя этой анкеты публикуются въ статьѣ А. Суворовскаго „Натъ Пинкертопъ въ дѣтск. пониманіи“. Вѣстн. Воспит. 1909, I.

храбрость, смѣлоеть, за его необыкновенный умъ“, пишетъ одна дѣвочка. Другая: „Меня очень занимало самоотверженіе Натъ Пинкертопа, храбрость и ловкость, съ которою онъ нападалъ на слѣды опасныхъ преступниковъ; а пѣль, съ какою онъ принимался за свои разслѣдованія, не корыстная, а благородное стремленіе къ истребленію на землѣ преступниковъ и защита слабыхъ, а такіе люди мнѣ нравятся“. Дѣти, конечно, заблуждаются, но за ихъ заблужденіями здѣсь кроется здоровый психическій корень. Очевидно, въ природѣ ребенка лежитъ глубокий интересъ къ смѣлой, активной, бодрой личности, потребность пережить съ нею напряженность борьбы. Отсюда выводъ напрашивается самъ собою: необходимо вводить въ дѣтское чтеніе возможно больше сюжетовъ, построенныхъ на проявленіи въ людяхъ энергіи, смѣлости, наблюдательности и находчивости; для дѣтей нужны типы, которые бы непосредственно возбуждали волю читателей, увлекали ихъ своимъ мужествомъ, находчивостью и энергіей.

Здѣсь же нужно учитывать и тотъ фактъ, что запросы ребенка, хотя и не являются простымъ повтореніемъ духовныхъ переживаній первобытнаго человѣка, но все же нѣкоторая аналогія здѣсь допустима, и въ дѣтскомъ возрастѣ до нѣкоторой степени можно признавать соответствіе первобытнымъ героическимъ эпохамъ человѣчества и поэтому считать героическіе мотивы присущими дѣтской природѣ.

Итакъ, и по педагогическимъ и по психологическимъ основаніямъ героическій элементъ, оказывается, необходимымъ въ дѣтской литературѣ—онъ долженъ поддерживать и развивать бодрое, идеальное настроеніе ребенка; онъ особенно уместенъ въ произведеніяхъ историческаго характера. Но при этомъ, конечно, не нужно пренебрегать и идеалами скромными, легко достижимыми, скромною, честною и серьезною работою. Что же касается до тѣхъ опасностей, на которыя указываютъ противники героическаго элемента, то эти опасности грозятъ только при ложномъ пониманіи героизма. Ложный, ходульный героизмъ создаетъ въ жизни Онегинскихъ, Печерныхъ, а равно и персонажей сумеречной литературы. Но такому героизму и не мѣсто въ дѣтской литературѣ.

Вотъ нѣсколько книгъ героическаго характера.

Для младш. возраста.

Лукашевичъ К. Аксютка—нянька. Изд. Сытина СПБ. 1905, ц. 30 к.

Вучетичъ Н. Красный фонарь СПБ. 1879, ц. 30 к.

Для средн. возраста.

Бернетъ Ф. Маленькая подвижница.

Лафбранъ (по), Жизнь за ласку. Изд. Чит. нар. шк. СПБ. 1902, ц. 10 к.

Маленькіе герои. Очерки и рассказы, пер. Рождественской. Изд. „Дѣт. чтен.“ 1900, ц. 35 к.

Потемкина В. Орлеанская дѣва. М. 1900, ц. 10 (предназн. собств. для народа).

Сысоева Е. Актеа. Повѣсть. СПБ. 1903, ц. 50 к.

Цюокке. Дѣлатели золота. М. 1897, ц. 25 к.

Для старш. возраста.

Гршинъ В. Сигналъ. Изд. Поср. СПБ. 1887, ц. 1½ к.

Желиховская В. Мала былинка, да вынослива. Повѣсть. Изд. Девр., съ рис. Дудина, 1903, ц. 2 р. 25 к.

— *Князь Илко.* Рассказъ. СПБ. 1898, ц. 2 р.

Потапенко И. Генеральская дочка. Повѣсть (въ собр. сочин.).

Станюковичъ К. Человѣкъ за бортомъ. Кіевъ, 1899, ц. 5 к.

Толычева Т. Бабушкино благословеніе. Повѣсть. М. 1905, ц. 50 к.

Теодоровъ-Давыдовъ А. Маленькіе герои. Очерки и разск. Изд. „Дѣт. чт.“, 1903, ц. 40 к.

Книги, гдѣ героизмъ носитъ, такъ сказать, характеръ будничнаго, незамѣтнаго подвига (для дѣтей средн. возр.):

Кругловъ А. Большакъ. Повѣсть. Изд. Девр. 1903, ц. 60 к.

Лукашевичъ К. Старый Памфиловичъ (въ сборн. „Ясное Солнышко“).

Самойловичъ В. Дѣдъ Кириллъ, Мечты и дѣйствительность (въ сборн. „Девять рассказовъ для дѣтск. чт.“).

Иллюстрированіе дѣтскихъ книгъ ¹⁾.

Нѣкоторые отрицаютъ пригодность иллюстрацій для дѣтскихъ книгъ на томъ основаніи, что рисунки разбиваютъ вниманіе ребенка, отвлекая его отъ содержанія книги. Но иллюстраціи дѣтскихъ книгъ находятъ свою защиту во всей исторіи дѣткой литературы. Первою иллюстрированою дѣтскою книгой является книга Амоса Коменскаго „Міръ въ картинахъ“, вышедшая въ 1657 году. Въ томъ же столѣтіи у насъ воспитатель Петра В. дьякъ Зотовъ, замѣтивъ, что его питомецъ любитъ разсматривать книги „съ кунштами“ (съ рисунками), приказалъ такими кунштами въ краскахъ изображать „города и палаты, зданія и дѣла военныя, и великіе корабли и исторіи лицевыя“. За иллюстрацію дѣтской книжки высказываются и сами дѣти. При опросахъ дѣтей по этому предмету за иллюстрацію высказывается до 68% дѣтей; для младшаго возраста показатель дѣтскаго интереса повышается до 76% ²⁾. Въ дошкольномъ возрастѣ—еще выше.

Итакъ вопросъ о томъ, нужна ли иллюстрація въ дѣтской книгѣ—рѣшается положительно. „Дѣтская книга непременно должна быть съ картинами“, говорилъ еще Бѣлинскій. Больше вниманія требуетъ вопросъ о томъ—какъ, по какимъ принципамъ должна иллюстрироваться дѣтская книга. Единственно правильнымъ путемъ разрѣшить этотъ вопросъ является тщательное изученіе самого дѣтскаго рисунка. Особенный интересъ къ рисункамъ для дѣтей замѣтенъ въ послѣднее время. Вопросъ этотъ создаетъ цѣлыя движенія, направленныя къ тому, чтобы сдѣлать рисунки понятными ребенку, близкими, доступными ему. А для этого оказалось необходимымъ изучить художественныя представленія и художественные вкусы дѣтей. Съ этою цѣлью на Западѣ предпринимаются крупныя работы по изученію дѣтскаго

¹⁾ *Л. Оршанскій*, Иллюстрированіе дѣтскихъ книгъ Р. Шк. 1911, 10. 12; *Проф. Ф. Чада*, Педагогическое значеніе дѣтск. рисунковъ. Изд. ж. „Нар. Обр.“ 1911.

²⁾ *В. Смирновъ*, Психологич. основы чтенія. Р. Шк. 1911, 9—11.

рисунка, и во главѣ этого дѣла тамъ можно поставить Лейпцигскаго профессора Лампрехта.

Въ своихъ капитальныхъ работахъ Лампрехтъ устанавливаетъ сходство, почти тождество въ рисункахъ: первобытнаго человѣка, современныхъ дикарей и дѣтей. Отсюда вытекаетъ, что ребенокъ въ своемъ художественномъ развитіи (какъ и въ другихъ сторонахъ своей духовной жизни) проходитъ тѣ же стадіи, что проходило и все человѣчество, и художественныя представленія дѣтей соотвѣтствуютъ представленіямъ первобытнаго человѣка. Къ такому же выводу приходятъ и другіе ученые, занимавшіеся этимъ вопросомъ ¹⁾. Зачаточными формами искусства современнаго человѣка, пишетъ Оршанскій, являются формы художественнаго творчества дѣтей. Эти формы не только характерны для дѣтской психологіи, но онѣ еще должны разсматриваться, какъ памятники отдаленныхъ ступеней, чрезъ которыя когда-то прошло человѣчество. Это—біогенетическія ступени. Но съ приведеннымъ положеніемъ нельзя вполне соглашаться. Если внимательно всмотрѣться въ рисованіе первобытнаго человѣка и рисованіе современнаго ребенка, то мы увидимъ, что *цѣли* у того и другого— *различныя*. Въ Кіевскомъ худож.-промышленномъ и научномъ музеѣ имѣется бивень мамонта—остатокъ древне-каменнаго вѣка. Бивень этотъ покрытъ довольно сложнымъ орнаментомъ съ изображеніемъ между прочимъ не то птицы, не то рыбы. Какую огромную энергію нужно было затратить первобытному человѣку, чтобы своими несовершенными кремешками орнаментировать твердую слоновую кость. Зачѣмъ онъ дѣлалъ это? Несомнѣнно изъ желанія сдѣлать тотъ бивень, которымъ онъ пользовался, болѣе красивымъ, какъ это дѣлаемъ теперь и мы съ предметами нашего обихода. Побужденія у первобытнаго человѣка—недовольство предметами окружающей его дѣйствительности и стремленіе усовершенствовать, украсить ихъ. Здѣсь зарожденіе эстетики. Но этихъ эстетическихъ

¹⁾ Таковы: Кершенштейнеръ (Die Entwicklung der zeichnerischen Begabung, Münch. 1905), Аментъ (Душа ребенка), Левинштейнъ, (Дѣтскіе рисунки до 14 лѣтъ) и др. К. Штейнъ, изучавшій жизнь бразильскихъ дикарей, устанавливаетъ сходство между рисунками дикарей и нашихъ дѣтей (его книга Unter den Naturvölkern Central-Brasilien).

задачъ мы не находимъ въ рисованіи ребенка: у него мы не видимъ стремленія художественно воспроизвести дѣйствительность или усовершенствовать ее. Рисуя, ребенокъ вовсе не думаетъ о созданіи художественнаго произведенія онъ хочетъ только дать себѣ видимый отчетъ въ своихъ знаніяхъ, въ своихъ представленіяхъ. Рисованіе служитъ для ребенка такимъ же средствомъ высказаться, какъ и жестикуляція. Рисуюнокъ, говоритъ проф. Чада, — это *видъ рчи ребенка*: ребенокъ говоритъ своимъ рисункомъ о всемъ видѣнномъ, пережитомъ имъ. Вотъ почему ребенокъ рисуетъ прежде всего не съ натуры, а по памяти. Даже въ томъ случаѣ, если предметъ находится передъ нимъ, ребенокъ рисуя, глядитъ только на свой листъ бумаги; рисуетъ не то, что видитъ, а то, что знаетъ и о чемъ хочетъ рассказать. Это можно доказать тѣмъ, что ребенокъ не находитъ пужнымъ считаться, напримѣръ, съ законами непроницаемости тѣлъ: рисуя домъ, онъ не ограничится внѣшнимъ его изображеніемъ, а не преминетъ нарисовать при этомъ и то, что по его понятіямъ, должно находиться *внутри* дома. Рисункомъ ребенокъ рассказываетъ, какъ рассказывалъ бы словами. Отсюда понятнымъ становится, почему ребенокъ на своемъ рисункѣ, снабжаетъ длиннымъ носомъ человѣка, гуляющаго въ саду: вѣдь онъ нюхаетъ цвѣты; или изображеніе любимаго дяди раскрашивается въ красный (тоже любимый дѣтскимъ) цвѣтъ.

Итакъ, въ цѣли рисованія у ребенка нѣтъ сходства съ первобытнымъ художникомъ. Но зато это сходство несомнѣнно въ техникахъ, въ приѣмахъ рисованія. Стремясь не изобразить, а описать предметъ, ребенокъ естественно стремится передать въ своемъ рисункѣ только главное, существенное, только выпуклыя черты, совершенно игнорируя детали; дѣтскій рисунокъ поэтому простъ, схематиченъ, не замысловатъ, онъ отличается, по словамъ проф. Чада, выразительною простотою. Изображеніе человѣка на первыхъ порахъ ограничивается головою, зачатками туловища, ногами и руками; причемъ послѣднія, если онѣ не требуются для того, чтобы держать что-нибудь, часто опускаются. Но таковы же и рисунки первобытнаго человѣка. Таково, напримѣръ, относящееся къ эпохѣ неолита изображеніе человѣческой

фигуры на глиняномъ черепкѣ въ названномъ выше киевскомъ музеѣ. Затѣмъ — расположеніе частей, пропорція, перспектива, оттѣнки въ краскахъ, въ силу указанныхъ причинъ, тоже должны мало занимать мѣста въ дѣтскомъ рисункѣ. Въ психологіи Амента приводится образчикъ дѣтскаго рисунка — лугъ, покрытый цвѣтами; цвѣты здѣсь располагаются просто другъ надъ другомъ. Но въ рисункахъ древнихъ народовъ, какъ египтянъ, перспектива тоже отсутствуетъ.

Дальше при изученіи дѣтскихъ рисунковъ оказывается, что рисунки дѣтей направлены на то, что имѣетъ для нихъ интересъ и на тѣ образы, которые имъ извѣстны. Когда ребенокъ рисуетъ свободно, безъ опредѣленнаго руководства взрослыхъ, то можно замѣтить, что въ его рисункахъ повторяются только извѣстные опредѣленные образы. Какіе же сюжеты интересуютъ ребенка? Собранные различными наблюдателями рисунки дѣтей разныхъ національностей показываютъ, что ребенокъ всего болѣе склоненъ рисовать человѣка, вѣрнѣе даже — близкихъ къ нему людей. По замѣчанію Селли, онъ какъ бы перевертываетъ естественный порядокъ мірозданія и начинаетъ съ человѣка. Далѣе дитя рисуетъ и тѣ предметы, которые преимущественно затрагиваютъ его вниманіе, останавливающееся скорѣе всего на домашнихъ животныхъ. Съ большимъ интересомъ ребенокъ изображаетъ деревья, цвѣты; дальше зданія — дома, церкви, будки; большой интересъ направляется на средства передвиженія — телѣги, паровозы, пароходы. Гораздо рѣже встречаемъ въ полѣ его зрѣнія предметы потребления и домашняго обихода; вѣщи — окружающія его, но не находящія въ немъ отклика.

Наконецъ, нѣмецкій педагогъ Шарельманъ обратилъ еще вниманіе на то, что дѣтей интересуютъ изображенія предметовъ въ движеніи, не въ статическомъ, а въ динамическомъ состояніи. Дѣйствительно, въ его книжкахъ, на примѣръ — *Berni aus seiner ersten Schulzeit* (Hamb. 1912), каждая картина заключаетъ массу движенія и разсматривается дѣтьми, даже самыми маленькими, съ огромнымъ вниманіемъ. Совершенно въ такомъ же родѣ рисунки въ

книжкѣ, составленной Гертрудой и Вальтеромъ Каспаромъ *Kinderland du Zauberland* (Leipz).

Составляя предметъ значительнаго интереса ребенка, рисунки естественно должны имѣть большое значеніе въ дѣтской книгѣ. Давая конкретные образы, они расширяютъ знанія ребенка, ставя его на правильный путь познанія дѣйствительности. Затѣмъ рисунки помогаютъ работѣ дѣтскаго воображенія, расширяя и углубляя ее. Рисунки, наконецъ, содѣйствуютъ эстетическому развитію ребенка. Оригинальный взглядъ на значеніе иллюстраціи въ дѣтской книгѣ высказываетъ Кругловъ. По его мнѣнію, иллюстрировать нужно не тѣ моменты, которые и безъ того наглядны, а тѣ, которые безъ рисунка могли бы проскочить незамѣченными. Иллюстрація должна быть художественнымъ комментариемъ и ея содѣйствія требуетъ все недоговоренное писателемъ, все, что только угадывается — тѣ тонкости и красоты, мимо которыхъ можетъ равнодушно скользнуть вниманіе читателя. Иллюстрація должна служить какъ бы въ качествѣ микрофона для усиленія нѣжныхъ и слабыхъ звуковъ, относительно которыхъ можно опасаться, что они именно въ силу своей тонкости не совсѣмъ замѣтны. Взглядъ довольно резонный, хотя онъ слишкомъ суживаетъ значеніе иллюстраціи.

На основаніи всего сказаннаго въ основу иллюстрированія дѣтской книги должны быть положены слѣдующіе принципы.

1. Въ цѣляхъ того, чтобы дать ребенку интересующій его рисунокъ, слѣдуетъ по возможности привлекать самихъ дѣтей къ иллюстрированію дѣтской книги — или непосредственно, какъ подобные опыты дѣлаются на Западѣ¹⁾, или же — изучая художественное творчество ребенка и приближая иллюстраціи съ характеромъ его пріемовъ, съ областью его сюжетовъ. Послѣднимъ обстоятельствомъ приходится объяснять необыкновенный успѣхъ книги Г. Гофмана (дѣтскій врачъ, любившій и знавшій дѣтей) *Der Struwwelpeter* (нашъ „Степка Растрепка“), которая въ Германіи выдержала болѣе

¹⁾ См. о подобной попыткѣ нѣмецкаго педагога Шарельмана съ книгою *Der Geburtstag* въ Вѣст. Воспит. 1908 г. 8.

300 изданий. И сюжеты, и выполнение картинокъ здѣсь, какъ разъ, удовлетворяютъ поставленному требованію.

2. Въ цѣляхъ сближенія рисунка съ областью дѣтскихъ запросовъ слѣдуетъ прибѣгать къ сюжетамъ и стилю стариннаго народнаго искусства: они ближе дѣтямъ, а своими рѣзкими, выпуклыми штрихами, своею образностію они понятнѣе имъ.

3. Имѣя въ виду комментирующее значеніе иллюстрацій, слѣдуетъ больше мѣста отводить имъ въ книгахъ для младшаго возраста. Количество иллюстрацій, такимъ образомъ, должно быть обратно пропорціонально возрасту читателей. Излишекъ ихъ потомъ можетъ вредить, служа причиной разсѣянности, невниманія къ тексту.

4. Картинка въ дѣтской книжкѣ должна отличаться простотою и избѣгать сложности; вмѣстѣ съ этимъ она должна избѣгать и полной законченности представляя сюжетъ только въ основныхъ абрисахъ. Картинка можетъ стать любимой, когда она вызываетъ у ребенка работу воображенія, а картинка вполне законченная и не даетъ къ этому простора. Копія предметовъ, говоритъ Неккеръ де Соссюръ, слишкомъ вѣрныя, скоро наскучиваютъ. Ребенокъ удивляется имъ, онъ ими восхищается, но воображеніе его молчитъ, стѣсненное формою, слишкомъ точною.

5. Наконецъ, относительно каррикатуръ слѣдуетъ замѣтить, что онѣ вообще желательны, поскольку необходимы въ дѣтской книгѣ элементы смѣшныя, забавныя. Но здѣсь нужна большая осторожность: для пониманія каррикатуры нужна развитая способность понимать иронию, а присутствіе этой способности у дѣтей не всегда замѣтно. Затѣмъ не слѣдуетъ здѣсь забывать и словъ Гете: „Вздоръ, поставленный передъ глазами, имѣетъ магическую силу: онъ овладѣваетъ, чувствами, а умъ остается въ рабствѣ“.

Въ новое время на западѣ въ дѣлѣ иллюстрированія дѣтскихъ книгъ замѣтны цѣлыя направленія. Въ Англіи иллюстраторы преимущественно сосредоточиваются на изображеніи жизни дѣтей во всѣхъ ея многообразныхъ проявленіяхъ. Здѣсь можно назвать: А. Гугеса („Алиса въ странѣ чудесъ“, „Школьные годы Тома Брауна“), В. Крѣна (сказки Гриммовъ, „Спящая красавица“, „Маски дней“, „Дѣт-

скій букетъ“ и др.; краски и контуры страдаютъ нѣкоторой блѣдностію, отсутствіемъ той выразительности, которая такъ нравится дѣтямъ), Р. Кальдекотта (*Nursery Rhymes*—стишки дѣтской комнатки въ 16 вып.), Кэтъ Гринвэй („День въ жизни ребенка“, „Гусыня-матка“, „Языкъ цвѣтовъ“, „Яблочный пирогъ“), Ч. Робинсона („Джэкъ Всезнайка“—карикатурнаго характера) и А. Ракгама (сказки Гриммовъ). Нѣмецкіе иллюстраторы по преимуществу даютъ историко-бытовые сцены. Изъ художниковъ, работающихъ для дѣтей, замѣчательны: А. Менцель („Жизнь Лютера“) Спектеръ (сказки Андерсена, „Котъ въ сапогахъ“), Рихтеръ, Плечъ („Въ дѣтской“), Л. Мегендорферъ (*Im Winter* и др.; книжки для младш. возр.), П. Туманъ (*Für Mutter und Kind alte Reime mit neuern Bildern*), Э. Крейдольфъ („Сказки цвѣтовъ“—интересныя для дѣтей всѣхъ возрастовъ, особенно маленькихъ, „Спящія деревья“¹⁾, Пелларъ („Маленькій король“), Мейергеймъ (сказки Гриммовъ), каррикатуристъ—Буншъ и рисовальщики силуэтовъ—Фрелихъ, Кремеръ, Коневка, Шарельманъ, Г. и В. Каспари, которые упоминались раньше. Иллюстраціи французскихъ художниковъ (Бутэ-де-Мельвиль и др.) отличаются тщательностію и изящствомъ. Наши русскіе художники тоже много сдѣлали для иллюстрированія дѣтскихъ книгъ. Тутъ можно назвать имена И. С. Панова (рядъ книжекъ изд. Ступина), Н. Каразина, М. Микѣшина, М. Клодта, Самокишъ-Судковской (повѣсти Лухмановой и Чарской) Г. Я. Нифтрика и Эйснера („Любины книжки“ Висковатова; рисунокъ простъ и захватывающе интересенъ для дѣтей младшаго возраста, особенно Нифтрика—Первая книжка), Е. Бамъ съ ея прекрасными силуэтами, В. Каррика съ его интересными иллюстраціями народныхъ сказокъ; рисунокъ его часто близокъ къ каррикатурѣ. За послѣднее время замѣтно новое теченіе среди нашихъ художниковъ: они увлекаются главнымъ образомъ народными сказками, давая рисунки въ старинномъ русскомъ народномъ стилѣ. Таковы художники: Н. Д. Бартрамъ („Сказка про царя Гороха“—„Мамина Сибиряка“), С. В. Малютинъ („Ай-ду-ду“), И. Били-

¹⁾ Крейдольфъ, равно какъ англійск. художн. Крэнъ, Кальдекоттъ и Гринвэй, работаютъ подъ сильнымъ влияніемъ на нихъ японскаго искусства.

бинъ („Сказки“, изд. Эксп. загот. Госуд. бумагъ), Е. Д. Полѣнова („Русскія народн. сказки“, Изд. Кнебеля 8 вып.), В. Д. Васнецовъ, Неручевъ, Дудинъ, Ткаченко, Бенуа.

Изъ издательствъ, дающихъ въ дѣтской книгѣ хорошіе художественные рисунки, можно назвать Девріена, Лиссера, Малютина, отчасти—Вольфа, Кнебеля и за послѣднее время—Сытина.



Глава II.

Главные виды дѣтской литературы.

Русская художественная литература, какъ матеріалъ для дѣтскаго чтенія ¹⁾.

Вопросъ о томъ, можно-ли пользоваться произведеніями представителей нашей художественной литературы въ цѣляхъ дѣтскаго чтенія является очень спорнымъ. Сами дѣти вопросъ о томъ, насколько ихъ интересуютъ классики литературы, рѣшаютъ утвердительно. По даннымъ анкетъ и библиотечныхъ записей видно, что самыми любимыми и наиболѣе читаемыми писателями у нихъ являются не спеціально дѣтскіе, а классическіе писатели и въ такомъ приблизительно порядкѣ: Пушкинъ, Гоголь, Лермонтовъ, Тургеневъ, Толстой; затѣмъ уже идутъ Чарская, М.-Ридъ, Ж. Вернъ и проч. (Анкета Кіев. дѣтск. библиот. Доброй). При этомъ, интересъ къ спеціальной дѣтской литературѣ съ возрастомъ у дѣтей прогрессивно падаетъ. По анкетнымъ даннымъ г. Смирнова этотъ интересъ опредѣляется: въ 10

¹⁾ В. Острогорскій, Русскіе писатели какъ, воспитательно-образовательный матеріалъ для занятій съ дѣтьми, М. 1899; Н. Абрамовъ, Дѣтская художественная литература, Вѣстн. Восп. 1905,2; А. Навимовъ, Произведенія А. П. Чехова, какъ дѣтское чтеніе, Восп. и Обуч. 1904, май; Н. Саввинъ, В. М. Гаршинъ, какъ дѣтскій писатель, В. Восп. 1913,4; Его же, В. Г. Короленко въ школѣ, П. Лист. 1914,3; Н. Демидовъ, Русск. писатели, какъ восп.—образоват. матеріалъ для занят. съ дѣтьми (Полонскій, Тютчевъ, Фетъ, Л. Толстой) П. Лист. 1899, 2—8.

л.—34%, 11 л.—25%, 12 л.—11%, 13 л.—18%, 14 л.—14%, 15 л.—8%. Но насколько увлечение юных читателей классическими авторами является желательным с педагогической точки зрения?—Вот это и оказывается спорным. В 1891 году появилась книга Теокистова („Къ вопросу о дѣтск. чтеніи“), по которому дѣти должны развиваться только на чтеніи общелитературныхъ произведений. Того же мнѣнія держится и Острогорскій. Позднѣе Ц. П. Балталонъ выступаетъ съ мнѣніемъ совершенно противоположнымъ. —Большая часть произведений нашихъ классическихъ писателей: Гоголя, Тургенева, Л. Толстого и др., писавшихъ для взрослыхъ, говоритъ Балталонъ, не могутъ быть поняты и, какъ слѣдуетъ, оцѣнены дѣтьми въ возрастѣ отъ 10 до 15 лѣтъ; все, что есть въ этихъ произведенияхъ самаго лучшаго и великаго, пройдетъ для нихъ незамѣченнымъ; все случайное, внѣшнее и второстепенное, напротивъ, остановитъ на себѣ ихъ исключительное вниманіе; останавливать же ихъ вниманіе на разъясненіи именно тѣхъ сторонъ жизни и художественнаго творчества, которыя въ этихъ произведенияхъ всего болѣе замѣчательны и важны, было бы преждевременно и бесплодно“. Слѣдуетъ еще принять въ соображеніе и то обстоятельство, что, познакомившись съ тѣмъ или другимъ писателемъ и не почувствовавъ его красоты, не заинтересовавшись имъ, многого не понявъ въ немъ, ребенокъ въ будущемъ, когда онъ станетъ взрослымъ человекомъ, не захочетъ перечитывать того, что читалось въ дѣтствѣ, и такимъ образомъ сокровища русской литературы пропадутъ для него, не давъ ничего для его развитія.

Конечно, при нормальномъ развитіи читательскихъ способностей ребенка подобныя опасенія не имѣли-бы силы. Вѣдь мы постигаемъ всѣ стороны литературнаго произведенія не съ одного раза чтенія; съ каждымъ разомъ мы открываемъ все новыя и новыя красоты въ творествѣ автора. Но для этого нужно умѣть читать, нужно развить въ себѣ способность не ограничиваться одной фабулой произведенія, а находить удовольствіе въ созерцаніи другихъ сторонъ литературнаго произведенія.

При такомъ условіи произведеніе автора-классика, конечно, не разъ будетъ прочитано и оцѣнено надлежащимъ

образомъ. Но если этого нѣтъ, если у насъ создалась нежелательная привычка при чтеніи сосредоточиваться на фабулѣ, и произведеніе со знакомою уже фабулой для насъ теряетъ свой интересъ, тогда, конечно, приведенныя опасенія остаются во всей своей силѣ. На основаніи сказаннаго здѣсь можно принять, какъ принципъ, то положеніе, что не закрывая совершенно для дѣтей произведений классиковъ, однако не нужно особенно спѣшить ознакомленіемъ ихъ съ классическою литературой; нѣкоторое опозданіе здѣсь во всякомъ случаѣ бѣды не принесетъ, а руководителя предохранитъ отъ опасности дать дѣтямъ преждевременный для ихъ чтенія матеріалъ. Если дѣти въ возрастѣ 10—15 лѣтъ мало будутъ знакомы съ извѣстными въ исторіи литературы писателями, то жалѣть объ этомъ, говоритъ Балталонъ нѣтъ основаній, такъ какъ они пополняютъ еще этотъ пробѣлъ въ юношескомъ и въ болѣе зрѣломъ возрастѣ.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній можно перейти къ обзору того, что изъ общехудожественной литературы можно дать дѣтямъ. При этомъ здѣсь должны имѣться въ виду произведенія, не предназначенныя специально для дѣтей, произведенія характера общелитературнаго, общехудожественнаго.

Прекраснымъ руководствомъ въ этомъ случаѣ является книга В. Острогорскаго „Русскіе писатели, какъ воспитательно-образовательный матеріалъ для занятій съ дѣтьми“. Самъ Острогорскій стоитъ за общехудожественную литературу для дѣтскаго чтенія.

Воспитаніе посредствомъ беллетристики должно быть только на произведенияхъ художественныхъ, говоритъ онъ. Но при этомъ Острогорскій соблюдаетъ большую осторожность и произведенія классиковъ русской литературы подвергаетъ самому тщательному анализу, отбирая только то, что можетъ быть доступнымъ, интереснымъ и полезнымъ дѣтямъ. Вотъ для примѣра его отборъ для дѣтскаго чтенія стихотвореній Кольцова. У Кольцова онъ насчитываетъ всего 124 стихотворенія; изъ нихъ 62 признаетъ слабыми, малохудожественными, 18—недоступными дѣтямъ (думы о смыслѣ жизни), 28—неподходящими для дѣтей вслѣдствіе заключающихся въ нихъ любовныхъ мотивовъ и только 14—

желательными: „Пѣсня пахаря“, „Удалецъ“, „Крестьянская пирушка“, „Урожай“, „Косарь“, „Раздумье селянина“, „Первая и Вторая пѣсни Лихача-Кудрявича“, „Что ты спишь мужичекъ?“, „Доля бѣдняка“, „Разступитесь, лѣса темные“, „Могила“, „Ночлегъ чумаковъ“, „Размышленіе поселянина“. Эти стихотворенія Острогорскій рекомендуетъ дѣтямъ младшаго возраста (9—10 лѣтъ). Съ такою же строгостью у Острогорскаго разбираются произведенія Жуковскаго, Батюшкова, Крылова, Пушкина, Веневитинова, Баратынскаго, Языкова, Лермонтова, Майкова, Мей, Плещеева, Никитина, Некрасова, Шевченко, Гоголя, Тургенева, Григоровича, Гончарова, Л. Толстого, Погоскаго и С. Аксакова.

Нельзя, конечно, не согласиться съ Острогорскимъ, что давать дѣтямъ классиковъ литературы полностью не слѣдуетъ, а нужно выбирать у классиковъ только то, что по своему содержанію можетъ подходить къ дѣтскому кругозору. Но и передѣлывать произведенія, сокращать, приспособлять ихъ для дѣтей тоже нельзя: это значило-бы лишать ихъ художественной цѣнности. Вѣдь, никто изъ насъ не художниковъ не возьмется передѣлывать картину Рѣпина или статую Антокольскаго, а всякое истинно литературное произведеніе есть тоже своего рода картина, за передѣлку которой могъ бы взяться только человѣкъ, владѣющій талантомъ, равнымъ таланту автора. Поэтому нельзя согласиться съ приѣмомъ Острогорскаго, который рекомендуетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда всего произведенія еще нельзя дать ребенку—давать выдержки. Напримѣръ „Обрывъ“ Гончарова во 2-ой части читается по нему такъ: глава 1 читается; гл. 2 тоже („о Маркѣ на стр. 215 пропустить“); гл. 3 не читается; гл. 4 читается,—какъ Райскій отправляется въ городъ отыскивать школьнаго товарища и красивое описаніе глухого городка въ жаркій день, но только до словъ на 244 стран. „Широкая рама для картины... причѣмъ о Марейникѣ опустить“. Такъ можно читать, конечно, только вслухъ, дѣлать же размѣтки въ книгѣ, данной для чтенія ребенку, это значитъ только наталкивать его на чтеніе вычеркнутыхъ мѣстъ.

Лучше всего—спеціальныя изданія классиковъ, гдѣ были-бы собраны произведенія, подходящія для дѣтей и

изложенныя полностью, безъ передѣлокъ. Такихъ изданій въ нашей русской литературѣ имѣется достаточно, и здѣсь можно указать главнѣйшія изъ нихъ.

Аксаковъ С. Т. Дѣтскіе годы Багрова—внука, изд. К. Тихом. съ рис., ц. 60 к.

— Семейная хроника. Изд. его-же, съ рис. цѣна 80 коп. (для дѣтей 9—11 л.)

Григоровичъ Д. И. Вѣднѣй мальчикъ. Изд. Суворина, съ рис. Соломко, ц. 1 р. (тоже).

— Прохожій. Пахарь. Свѣтлое Христова-Воскресеніе. Есть дешев. изд. отдѣльными брошюрами (тоже).

— Антонъ Горемыка. Изд. Март. ц. 60 к. (для дѣтей 12—14 л.)

— Переселенцы. С.П.-Б. 1883, ц. 2 р. 50 к. (для дѣтей 13—15 л.)

— Рыбаки. С.П.-Б. 1904, ц. 2 р. (тоже).

Достоевскій для дѣтей школьнаго возраста, подѣ ред. и съ біографич. очеркомъ А. В. Круглова. С.П.-Б. ц. 2 р. (тоже).

Жуковскій В. А. Избранныя сочиненія для дѣтей. Съ біограф. А. Алтаева. Изд. К. Тихом., ц. 60 к. (для дѣтей 10—11 л.)

— Ундина. Съ рис. Арт. Рѣкгама. Роскошн. изд. Девр., ц. 4 р. 75 к. (тоже).

Гаршинъ В. М. Медвѣди. Разсказъ съ рис. Е. Бѣмъ. Изд. Посредн. ц. 1½ к. (для дѣтей 12—14 л.)

— Сигналъ. Изд. Посредн. ц. 1½ к. (тоже).

— Четыре дня. Изд. Посредн. ц. 3 к. (для дѣтей 14—15 л.)

Гоголь Н. В. Старосвѣтскіе помѣщики. Ссора Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ. Тарасъ Бульба. Есть изд. отдѣлн. брошюрами (для дѣтей 10—11 л.)

— Шинель (для дѣтей 12—14 л.)

— Вечера на хуторѣ близъ Диканьки. Миргородъ. Съ рис. Дудина и Ткаченко. Роскошн. изд. Девр., ц. 10 руб. (Относительно этихъ произведеній Гоголя слѣдуетъ напомнить, что въ нихъ много съ одной стороны пугающей чертовщины—Вій, Страшная мѣсть, съ другой—масса картинъ и подробностей не для дѣтей, а потому вообще съ чтеніемъ этихъ вещей дѣтьми не слѣдуетъ спѣшить).

Короленко В. Г. Дѣти подземелья (передѣлка повѣст. „Въ дурн. обществѣ“) М. 1899, ц. 5 к.; Послѣдній лучъ (для дѣтей 10—11 л.)

— Слѣпой музыкантъ С.П.-Б. 1906, ц. 75 коп.; Сонъ Макара; Старый звонарь. Изд. Кн. Дѣла, ц. 7 к. (для дѣтей 12—14 лѣтъ).

Лермонтовъ М. Ю. Избранныя сочиненія. Съ предисл. В. Острогорскаго. Изд. С.П.-Б. Ком. Грам. Съ рис. ц. 25 к. (для дѣтей 10—11 л.)

Пушкинъ А. С. Избран. произведенія для школъ. Со статьей Н. Бунакова. Изд. Рус. Нар. Учит. 1899, ц. 30 к. (тоже).

Станюковичъ К. Разсказы изъ морской жизни. Изд. Морева 1897, ц. 1 р. 50 к. (тоже).

— Для дѣтей. Сборн. разсказовъ. Изд. Ключкина 1913, ц. 1 р. 25 к. (тоже).

Тургеневъ И. С. для дѣтей подъ редакціей Н. Котляревскаго, изд. Глазунова, С.П.-Б. 1908, съ портр. автора ц. 90 к. (тоже).

Толстой Л. Н. Сказки, басни, рассказы, съ рис. Маныкина, Невструева, Изд. Сытина 1913, ц. 1 р. 25 к. (для дѣтей 8—9 л.).

— *Чѣмъ* люди живы, съ рис. Шервуда. Изд. Общ. распростр. полезн. кн. ц. 35 к. (для дѣтей 11—12 л.).

— Рассказы и сказки. Съ рис. Е. Бамъ и Н. Ге. Изд. Горбун.-Посад. 1909, ц. 75 к. (тоже).

— Дѣтство и отрочество, съ рис. Ж. Ру и Беннета. М. 1905, ц. 2 руб. (тоже).

Толстой Л. и Тургеневъ И. Рассказы съ рис. Васнецова и Маковского. Изд. Берсъ, 1883, ц. 3 р. 50 к. (тоже).

Толстой Л. Н. Хозяинъ и работникъ (для дѣтей 12—14 л.).

Толстой А. К. Иоаннъ Дамаскинъ. М. 1876, ц. 8 к. (для дѣтей 12—15 лѣтъ).

— Драматическ. трилогія: Смерть Иоанна Грознаго, Царь Θεодоръ Иоанновичъ, Борисъ Годуновъ, С.П.-Б. 1901, ц. 2 руб. 50 к. (для дѣтей 12—15 лѣтъ).

— Князь Серебряный. Повѣсть. С.П.-Б. 1901, ц. 1 р. 50 к. (тоже).

Туръ Е. (гр. Салиасъ) Сергій Боръ-Раменскій. Повѣсть М. 1900, ц. 1 р. 50 к. (для дѣтей 12—14 лѣтъ).

Княжна Дубровина (тоже).

Чеховъ А. П. Вѣлолѣбий. Рассказъ ц. 3 к. (для дѣтей 10—11 л.).

— Каштанка. Изд. Суворина съ рис. Каразина ц. 50 к. Роскошное изд. Маркса, съ рис., ц. 2 р. 50 к. (для дѣтей 10—11 л.).

Въ приведенномъ списокѣ нѣкоторые пункты нуждаются въ нарочитомъ раскрытіи и потому необходимо подробнѣе остановиться на произведеніяхъ нѣкоторыхъ изъ указанныхъ здѣсь писателей.

Между прочимъ въ списокѣ названо имя Достоевскаго. Насколько Достоевскій можетъ быть писателемъ для дѣтей? Если братъ Достоевскаго въ цѣломъ, то, конечно, объ этомъ и вопроса не можетъ быть, и нельзя не согласиться съ тѣмъ, что въ произведеніяхъ Достоевскаго слишкомъ много мрачнаго, много тяжелыхъ, ужасныхъ переживаній, въ сочиненіяхъ его затронуты глубочайшія психологическія проблемы, въ которыхъ и взрослому не всегда подъ силу разобраться; однимъ словомъ Достоевскій—не для дѣтей. Но рѣчь здѣсь идетъ не о всемъ Достоевскомъ, а только о вещахъ, вошедшихъ въ указанный сборникъ, а сюда вошли только отрывки изъ такихъ произведеній Достоевскаго: „Дневникъ писателя“, „Бѣдные люди“, „Подростокъ“, „Нечотка Незванова“ и

„Братья Карамазовы“¹⁾. Здѣсь тоже много тяжелаго, грустнаго, но тутъ нѣтъ безнадежной мрачности какъ пѣтъ ея, впрочемъ, и вообще у Достоевскаго; на ряду съ мрачнымъ печальнымъ, здѣсь масса свѣта и тепла, внутренняго, сердечнаго. Взять хотя-бы мужика Марей, который такъ ласково, чисто матерински привѣтилъ и успокоилъ барчука, испугавшагося крика въ лѣсу и бросившагося на поле къ пахарю-Марей. — „Ну, полно-же, ну Христось съ тобой, октись.“

Углы губъ моихъ вздрагивали, и кажется, это особенно его поразило. Онъ протянулъ тихонько свой толстый, съ чернымъ ногтемъ, запачканный въ землѣ палецъ и тихонько дотронулся до вспрыгивающихъ моихъ губъ.

— Ишь, вѣдь, ай... улыбнулся онъ какою-то материнской и длиною улыбкой. („Дневникъ писателя“).

Или взять хотя-бы даже городского, который въ рождественскій вечеръ встрѣчаетъ несчастнаго оборванца мальчика. Блюститель порядка отвернулся, „чтобы не замѣтить мальчика“; а не хотѣлъ замѣтить мальчика потому, что, очевидно своимъ служебнымъ долгомъ полагалъ дать бродяжкѣ подзатыльника. Поэтому нельзя не признать справедливыми словъ редактора сборника: „на книжку эту капнуть слезы, но не слезы отчаянія, злобы, а сочувствія, состраданія и любви. Эти слезы не отравятъ сердца, а задѣнутъ лучшія силы души, заставятъ сильнѣе любить“.

Въ пользу этого изданія дальше говорить стремленіе редактора дать выборку изъ произведеній Достоевскаго безъ передѣлки, безъ измѣненія самаго текста. „Я не измѣнилъ ни одного штриха великаго писателя, заявляетъ онъ, не посягнувъ на передѣлки, считая всякія искаженія преступной дерзостью“. Но противъ этой книги говорить ея отрывочность. Въ такомъ видѣ произведеніе дѣтямъ не можетъ нравиться; имъ нужна завязка, да еще интересная, нужны начало и конецъ.

¹⁾ Есть еще сборникъ изъ произведеній Достоевскаго подъ редакц. В. Я. Стоюнина (С.П.-Б., 1887, ц. 2 р.), куда входятъ: „Бѣдные люди“ (съ пропусками) „Господинъ Прохарчинъ“, „Нечотка Незванова“ и отрывки изъ „Мертваго дома“.

Вотъ почему, хотя отрывки здѣсь большею частью затрагиваютъ сюжеты изъ дѣтской жизни, хотя многое изъ книги, по словамъ редактора, читалось съ дѣтьми и вызывало ихъ вниманіе, но все-же особенно желательной эту книжку признавать не приходится. Матеріалъ ея вреда дѣтскому развитію не принесетъ, неподходящаго для себя дѣти здѣсь не встрѣтятъ, но и особаго интереса въ нихъ книжка не вызоветъ, какъ я успѣлъ въ этомъ убѣдиться на основаніи опыта чтенія ея дѣтьми IV-го класса (14—15 л.) женскаго училища.

Особенно сильно отрывочность чувствуется въ изложеніи рассказовъ изъ „Братьевъ Карамазовыхъ“, составляющихъ почти половину книжки. Какъ очень желательные для дѣтскаго чтенія можно выдѣлить только такіе рассказы: „Мужикъ Марей“, „Мальчикъ у Христа на елкѣ“, „Столѣтняя“ (изъ „Дневника писателя“), „Въ барскомъ пансіонѣ“ (изъ „Подростка“) и пожалуй „Двѣ Дѣвочки“ (изъ „Нечистики Незвановой“). Первый, третій и четвертый рассказы существуютъ въ изданіи и отдѣльными брошюрами. Есть отдѣльное изданіе и помѣщенного въ книгѣ рассказа „Вѣрующія бабы“. По отзыву Алчевской, читавшей этотъ рассказъ съ деревенскими дѣтьми, послѣдніе нашли этотъ рассказъ неинтереснымъ (Что чит. нар. II, стр. 507).

Дальше нѣсколько словъ о И. С. Тургеневѣ. Тургеневъ, наравнѣ съ Пушкинымъ, Гоголемъ, Лермонтовымъ и Л. Толстымъ, принадлежитъ къ числу нашихъ классиковъ, наиболѣе читаемыхъ нашею молодежью; интересъ и симпатіи ея къ Тургеневу въ этомъ случаѣ совершенно ясны, и не приходится поднимать вопроса о томъ, есть-ли у Тургенева элементы, удовлетворяющіе запросамъ юныхъ читателей; вопросъ здѣсь можетъ быть только о возрастѣ читателей Тургенева. Какъ писатель удивительной нравственной чистоты, Тургеневъ не будетъ вреднымъ въ рукахъ никакого возраста, но дѣло здѣсь не во вредѣ, а въ пользѣ; надлежащее усвоеніе всего Тургенева возможно конечно только при надлежащей зрѣлости читателя; о романахъ его здѣсь поэтому и не будетъ рѣчи. Здѣсь имѣются въ виду только многочисленныя повѣсти Тургенева, которыя и создаютъ ему обширный кругъ читателей среди дѣтей. Въ этомъ случаѣ у насъ есть

прекрасное изданіе „Тургеневъ для дѣтей“ подъ редакціей П. Котляревскаго. Здѣсь только въ пов. „Пунинъ и Бабуринъ“ сдѣланы нѣкоторые пропуски, остальные же рассказы, взятые большею частью изъ „Записокъ Охотника“ и „Стихотвореній въ прозѣ“, изложены цѣликомъ, чѣмъ, конечно, сохраняется для дѣтей цѣлость впечатлѣнія художественнаго рассказа. Къ помѣщеннымъ въ этомъ изданіи произведеніямъ Тургенева можно бы прибавить также его рассказы „Бурмистръ“, „Однودворецъ Овсянниковъ“ и „Малиновая вода“. Что же касается до „Стихотвореній въ прозѣ“, то кромѣ стихотворенія „Деревня“, они едва-ли по своей глубинѣ будутъ доступны дѣтямъ; особенно это нужно сказать о помѣщенномъ здѣсь стихотвореніи „Христосъ“. (Здѣсь имѣются въ виду дѣти 10—11 лѣтъ, для которыхъ можно рекомендовать этотъ сборникъ).

Насколько Тургеневскія произведенія желательны для дѣтскаго чтенія съ точки зрѣнія педагогической? Балтагонъ въ этомъ случаѣ совершенно отрицаетъ всякую пользу. Многіе полагаютъ, говорить онъ, что такіа сочиненія, какъ напримѣръ „Бѣжинъ лугъ“, какъ бы созданы для дѣтскаго чтенія, потому-что въ нихъ фигурируютъ исключительно дѣти. Совершенно упускаютъ при этомъ изъ виду, что основная общественно-бытовая мысль этого рассказа, тѣсно связанная съ общимъ содержаніемъ „Записокъ Охотника“,—представить въ яркой картинѣ неблагопріятныя условія воспитанія въ крѣпостную эпоху крестьянскихъ дѣтей, лишенныхъ вліянія школы, погруженныхъ во тьму невежества и суевѣрій, на фонѣ поэтическихъ описаній природы, тонко рисующихъ переходы отъ непроглядной ночной темноты къ яркому дневному свѣту—все это не можетъ еще занимать, интересовать, а слѣдовательно и воспитывать читателей—дѣтей, для которыхъ неестественно и преждевременно было бы задумываться надъ условіями воспитанія дѣтей въ какую бы то ни было эпоху.

Но, если бы даже и согласиться съ приведенными соображеніями, то здѣсь же намъ слѣдуетъ признать и то, что въ произведеніяхъ Тургенева есть не только отмѣченные элементы. При болѣе вдумчивомъ отношеніи мы найдемъ въ нихъ элементы глубоко воспитательные и при томъ вполне

доступные дѣтямъ. Если нѣкоторыя детали крестьянской жизни и ускользнутъ отъ вниманія юныхъ читателей, то все же въ общемъ Тургеневъ заставитъ ихъ заинтересоваться сѣрою крестьянскою массою, въ которой онъ находитъ такіе высокохудожественные типы. Тургеневъ рассказываетъ о своихъ герояхъ, какъ о людяхъ близкихъ ему; онъ самъ страдаетъ и радуется вмѣстѣ съ лицами, имъ созданными, говоритъ одинъ критикъ Тургенева; самъ увлекается той поэтической обстановкой, которой любитъ всегда окружать ихъ. И его увлеченіе овладѣваетъ симпатіею читателя, заставляетъ и его пережить и перечувствовать тѣ моменты, въ которыхъ являются предъ нимъ Тургеневскія лица.

Дальше нельзя не отмѣтить въ произведеніяхъ Тургенева еще одной черты, чрезвычайно важной въ цѣлхъ дѣтскаго чтенія. Какія-бы потрясающія мрачныя явленія жизни онъ не описывалъ, какія-бы отрицательныя стороны ея ни изображалъ, онъ всегда, говоритъ Острогорскій, знаетъ мѣру въ своемъ изображеніи. Зло, ложь, грязь чувствуются, но они никогда не оскорбляютъ нравственнаго чувства читателя, не заставляютъ его любоваться ими. Какія бы уродства жизни авторъ ни выводилъ, онъ все-таки любитъ человѣка и даже при его паденіи умѣетъ отыскать въ немъ хоть что-нибудь человѣческое. Смѣясь надъ уродствами жизни, Тургеневъ все-таки любитъ жизнь и вѣритъ въ то, что она должна быть и будетъ когда-нибудь лучше.

Наконецъ Тургеневъ въ своихъ произведеніяхъ рядомъ прекрасныхъ описаній знакомитъ читателя съ русской природой. „Поля, глухіе, нетронутые рукой человѣка лѣса, болота съ ихъ птичьимъ населеніемъ, озера, рѣки, ручьи, неприглядные выселки, бѣдныя деревушки, самыя глухія мѣстечки,—всюду ведетъ съ собою авторъ читателя, заинтересовываетъ его типичною роскошными пустырей, едва охватываемыхъ глазомъ, красотою глуши, однообразными помѣщичьими усадьбами родной страны“ (Острогорскій).

Изъ позднѣйшихъ писателей остановимся на Гаршинѣ и Чеховѣ.

Гаршинъ является однимъ изъ немногихъ нашихъ писателей, который близко къ сердцу принималъ интересы

дѣтскаго чтенія. Имъ былъ созданъ для дѣтей рядъ сказокъ, о которыхъ рѣчь будетъ ниже. Имъ же совмѣсно съ А. Я. Гердомъ былъ составленъ специальный „Обзоръ дѣтской литературы“. Но, поскольку Гаршинъ пишетъ для взрослыхъ, онъ является писателемъ сильныхъ переживаній, а потому хотя у него вообще много гуманно-воспитательнаго матеріала, все же дѣтямъ съ повышенной „нервозностью“ не слѣдуетъ слѣпить съ чтеніемъ Гаршина. Въ писательской манерѣ Гаршина Саввинъ справедливо отмѣчаетъ задержанный темпъ разсказа и медлительность повѣствованія. А это обстоятельство опять едва-ли будетъ отвѣчать запросамъ юнаго читателя, который любитъ дѣйствіе, которому нужна быстрая смѣна сценъ и явленій.

Что касается Чехова, то его произведенія — большаго частью небольшіе разсказы—хотя по формѣ и доступны дѣтямъ, но въ нихъ слишкомъ много мрачнаго, сумеречнаго; Чеховъ—писатель лишнихъ людей, нытиковъ, не знающихъ, къ чему приложить свои руки. Все это настроенія, которыя едва-ли найдутъ себѣ откликъ въ душѣ ребенка, еще и не подошедшаго къ жизни. Вотъ почему изъ произведеній Чехова, кромѣ отмѣченныхъ выше двухъ вещей, гдѣ мало отразилось общее настроеніе Чехова, трудно указать еще что-нибудь подходящее для дѣтскаго чтенія. Впрочемъ, называютъ еще разсказы: „Святою ночью“, „Ванька“ и „Холодная кровь“.

Произведенія народнаго творчества въ дѣтскомъ чтеніи.

Мотивы народнаго творчества могутъ проникать въ дѣтскую библіотеку двумя путями. Прежде всего народныя произведенія—сказки, былины—могутъ поступать къ маленькому читателю въ своемъ подлинномъ видѣ, и въ этомъ видѣ онъ всегда находилъ себѣ мѣсто въ дѣтскомъ чтеніи. Дальше—произведенія народнаго творчества могутъ давать сюжеты и болѣе или менѣе подходящій матеріалъ для художественной обработки его дѣтскими писателями. Подобное использованіе древнихъ народныхъ легендъ и сказаній

въ цѣляхъ дѣтскаго чтенія тоже находило себѣ мѣсто и раньше какъ въ западной литературѣ, такъ и у насъ. Еще о Фребелѣ рассказывали, что онъ по цѣлымъ часамъ лежалъ, спрятавшись въ кустахъ, и подслушивалъ народныя дѣтскія пѣсенки играющихъ ребятъ, чтобы использовать потомъ эти пѣсенки въ своемъ дѣтскомъ саду. У насъ многія народныя легенды изъ собраній Аванасьева вошли въ составъ школьных хрестоматій. Но до сихъ поръ попытки въ этомъ родѣ носили случайный характеръ, въ настоящее-же время намѣчается цѣлое движеніе въ этомъ направленіи, стремящееся къ историзаціи не только матеріала для дѣтской литературы, но до нѣкоторой степени, пожалуй, и ея формы. Особенно это было замѣтно въ работахъ писателей, группировавшихся вокругъ недавно закрывшагося дѣтскаго журнала „Тропинка“. Старинныя народныя легенды, повѣрья, „сказы“, присловья—все это довольно широко использовалось работниками „Тропинки“. (Съ закрытіемъ журнала участники его продолжаютъ свою литературную дѣятельность подъ фирмою издательства „Библіотека Тропинки“). Съ особенною талантливостію въ такомъ направленіи пишетъ Н. Манасейна; ея произведенія: „Медвѣдь — грамотей“ изъ старинныхъ сказаній, „Веснянка“, „Сонъ трава“—малороссійское преданіе, „Марейныя святки“ и др. Рассказъ „Медвѣдь грамотей“ („Тропинка 1908, 6) представляетъ собою прекрасно написанную вещь, повѣствуящую о томъ, какъ поваръ по приказу своего барина научилъ медвѣдья грамотѣ; повару въ этомъ дѣлѣ помогла жена; въ общемъ получается живая картинка изъ временъ крѣпостного права. Нужно полагать, что г-жа Манасейна использовала при этомъ одну изъ нашихъ старинныхъ „Повѣстей о мудрыхъ женахъ“; повѣсть эта находится въ V томѣ „Лѣтописей русской литературы“, изд. И. Тихонравовымъ (М. 1859). По крайней мѣрѣ сюжетъ первой повѣсти о женѣ „которая медвѣдья грамотѣ научила“, тождественъ съ сюжетомъ рассказа г-жи Манасейной, только въ рассказѣ крѣпостнымъ поваромъ замѣненъ попъ, фигурирующий въ „повѣсти“, а бариномъ замѣненъ „нѣкій благоплеменный и честный человѣкъ, иже имѣя въ селѣ своемъ попу“. Впрочемъ, этотъ сюжетъ затрагивается и въ другихъ ста-

ринныхъ памятникахъ, и русскихъ, и иностранныхъ. Въ такомъ-же родѣ пишетъ П. Соловьева.

Изъ прежнихъ писателей талантливыя попытки въ этомъ родѣ можно находить у Д. Н. Мамина-Сибиряка („Сказка о царѣ Горохѣ“, Сударь Пантелей-свѣтъ Ивановичъ). Въ новое время замѣчательныя работы по использованию для дѣтскаго чтенія народнаго творчества находимъ у извѣстной шведской писательницы Сельмы Лагерлефъ¹⁾, на работахъ которой слѣдуетъ остановиться подольше.

Сельма Лагерлефъ—бывшая сельская учительница; за долгіе годы учительства она успѣла сжиться съ дѣтьми и полюбить ихъ.

Какъ писательница, Сельма Лагерлефъ въ большинствѣ своихъ работъ выступаетъ съ чисто романтическимъ настроеніемъ, о чемъ она и говоритъ сама въ предисловіи къ своему роману „Іеста Берлингъ“.

Виднымъ элементомъ романтической настроенности въ произведеніяхъ Сельмы Лагерлефъ является начало религіозное. Это начало, съ нѣкоторымъ отбѣнкомъ мистики, проникаетъ въ ея „Сказки и Легенды“, ея „Легенды о Христѣ“, не говоря уже о такой вещи, какъ „Чудеса Антихриста“—вещи, не предназначенныя для дѣтей.

Важную роль въ произведеніяхъ Сельмы Лагерлефъ играетъ и фантазія, въ нихъ много фантастическаго элемента.

Но какіе бы образы ни проходили предъ нами въ сочиненіяхъ Сельмы Лагерлефъ, фантастическіе или реальные,—за всѣми этими образами скрывается живая человѣческая личность—благородная, чуткая, отзывчивая на всякую бѣду ближняго или же павшая, несчастная, ожесточившаяся, но и въ самомъ паденіи своемъ не утратившая своего благородства, тоскующая по своей утраченной чистотѣ. И какъ бы низко ни опустился человѣкъ, искра добра всегда способна поднять его и сдѣлать сильнымъ.

Результатомъ этой романтической настроенности писательницы является ея близость къ источникамъ стариннаго народнаго творчества. Въ силу такой своей настроен-

¹⁾ См. В. Родниковъ, Сельма Лагерлефъ и новые пути въ дѣтской литературѣ. Вѣстн. Восп. 1913, 1.

ности она естественно не можетъ удовлетвориться грубою дѣйствительностью настоящаго, а тяготеетъ въ прошлое, гдѣ контуры всѣхъ образовъ мягче, воздушнѣе, гдѣ грубая реальность смягчается туманными далями, опускается сѣдинами древности. И прошлое, какъ общечеловѣческое, такъ и прошлое родного народа, одинаково привлекаетъ писательницу. Отсюда и матеріалъ свой она отыскиваетъ въ творчествѣ прошлаго, въ немъ черпаетъ свое вдохновеніе.

Общечеловѣческія сказанія прошлаго даютъ Сельмѣ Лагерлефъ матеріалъ для ея „Легендъ о Христѣ“. Легенды эти при посредствѣ книгоиздательствъ Саблина и Сытина успѣли уже довольно глубоко проникнуть въ среду нашей читающей молодежи и встрѣчены этой послѣдней довольно привѣтливо. Чтеніе нѣкоторыхъ легендъ дѣвочкамъ младшихъ классовъ одного женскаго учебнаго заведенія глубоко захватывало маленькихъ слушательницъ и вызывало на ихъ глазахъ даже слезы.

Среди многочисленныхъ поэтическихъ мѣстъ въ этихъ легендахъ особенно интересно рисуется ночь Рождества Христова.

Легенда эта называется „Видѣніе императора“; написана она красиво и сильно, но при чтеніи съ дѣтьми не замѣтно, чтобы она производила на нихъ захватывающее впечатлѣніе. Интересная для дѣтей по своему сюжету легенда эта разработана не вполне примѣнительно къ маленькому читателю. Зато съ большимъ интересомъ и глубокимъ вниманіемъ дѣти читаютъ сами и слушаютъ легенду о птичкѣ красношейкѣ. Вотъ краткое содержаніе этой легенды.

Это было въ то время, когда Господь творилъ не только небо и землю, но также и животныхъ и растенія, которымъ онъ сейчасъ же давалъ имена.

И вотъ однажды Господь былъ въ раю и красилъ птицъ, и у Него не хватило красокъ, такъ что щегленокъ рисковалъ остаться безцвѣтнымъ, если бы Творецъ не вытеръ объ его перья всѣ кисти. Господь, величественный и кроткій цѣлый день провелъ въ раю, творилъ и пробуждалъ къ жизни, и къ вечеру Онъ рѣшилъ создать маленькую сѣрую птичку.

— Помни, что тебя зовутъ красношейка, — сказалъ Господь птичкѣ, и она улетѣла. Смотря на свое отраженіе въ водѣ, она увидѣла, что вся она сѣренькая и даже шейка сѣрая, ни одного краснаго перышка. Тогда она полетѣла обратно къ Господу. Господь возсѣдалъ, милостивый и кроткій, изъ Его рукъ вылетали птички и рѣяли надъ Его головой, голуби ворковали на Его плечахъ, кругомъ у Его ногъ распускались розы, лиліи и другіе цвѣты.

— Почему меня зовутъ красношейкой, когда я вся сѣрая, когда у меня нѣтъ ни одного краснаго перышка? — вопрошаетъ маленькая птичка Господа. Кругомъ она видѣла разноцвѣтныхъ красивыхъ птицъ, и ей казалось, что довольно маленькаго краснаго пятнышка на груди, и она была бы прелестною птичкой и по праву носила бы свое имя.

Господь тихо улыбнулся на ея вопросъ и сказалъ: „Я называлъ тебя красношейкой, и ты будешь носить это имя. Но ты сама должна будешь заслужить красныя перышки на груди“. Съ этими словами Онъ поднялъ руку и снова пустилъ летать птичку. Птичка задумчиво полетѣла по раю. Что можетъ сдѣлать такая маленькая птичка, чтобы добыть себѣ красныя перышки?

Прошли долгіе вѣка, но красношейкамъ ничѣмъ не удалось заслужить себѣ красныхъ перышекъ. И вотъ снова наступилъ день, который долгіе годы останется памятнымъ въ исторіи человѣческой. Въ этотъ день маленькая сѣренькая красношейка сидѣла на краю своего гнѣзда въ кустѣ шиповника. Что-то страшное видитъ она, грозящее ея малюткамъ.

— Смотрите, — говоритъ она имъ, — прижмитесь хорошенько другъ къ другу и не шевелитесь. Вотъ идетъ лошадь прямо на насъ! Вотъ идетъ воинъ, сандалии его подбиты желѣзомъ! На насъ несется вся толпа! — Птичка сразу смолкла и притихла. Она почти забыла грозящую имъ опасность.

Вдругъ она бросилась въ гнѣздо и прикрыла крыльями птенчиковъ. — Нѣтъ, это слишкомъ ужасно, — сказала она, — я не хочу, чтобы вы это видѣли, — это ведутъ на распятіе трехъ разбойниковъ.

И она боязливо распустила крылья, чтобы птенцы ничего не видали. Они слышали только громовые удары мо-

лота, жалобные стоны и дикіе крики народа. Красношейка слѣдила взглядомъ за всѣмъ происходившимъ. Ея широко раскрытые отъ ужаса глазки не могли оторваться отъ трехъ несчастныхъ.

— Какъ жестоки люди,—думала птичка.—Имъ мало того, что они пригвоздили ко кресту этихъ трехъ бѣдняковъ,—нѣтъ, они еще надѣли на голову одного изъ нихъ терновый вѣнокъ. Я вижу, какъ иглы ранятъ его чело въ кровь. А этотъ человѣкъ такъ прекрасенъ, и взглядъ его такъ кротокъ, что его нельзя не любить. Когда я вижу, какъ онъ страдаетъ, мнѣ кажется, что въ мое сердце вонзается остріе стрѣлы.

Птичка чувствовала все большую и большую жалость къ распятому съ терновымъ вѣнкомъ.

— Если бы я была орломъ,—думала она,—я вырвала бы гвозди изъ его рукъ и сильными когтями разогнала бы его мучителей.

Она видѣла, какъ капли крови выступали на лбу распятаго, и не могла больше усидѣть въ гнѣздѣ.

— Хотя я мала и слаба, но все-таки я должна сдѣлать что-нибудь для несчастнаго мученика,—подумала птичка. Она вылетѣла изъ гнѣзда и полетѣла высоко въ небо, описывая широкіе круги надъ головой распятаго.

Она долго летала кругомъ, не рѣшаясь подлетѣть близко, потому что она была маленькая, пугливая птичка, никогда не приближавшаяся къ человѣку. Но мало-по-малу она расхрабрилась, подлетѣла совсѣмъ близко и вырвала клювомъ одинъ изъ шиповъ, вонзившійся въ чело распятаго. Въ это время на горлышко птички упала капля крови этого несчастнаго. Она быстро растеклась и окрасила маленькія нѣжныя перышки на шеѣ и груди птички.

Когда птичка прилетѣла обратно въ гнѣздо, птенчики закричали:

— Перышки на твоей груди красныя! Они красивѣе розы!

— Это просто капля крови съ чела этого бѣднаго человѣка,—отвѣчала птичка.—Она исчезнетъ, когда я выкупаюсь въ ручьѣ.

Но сколько ни купалась маленькая птичка, красное пятнышко не исчезало, и когда птенчики подросли, ихъ гор-

лышко и грудь были окрашены въ ярко-красный цвѣтъ, и такъ это идетъ до нашихъ дней.

Особенно сильное впечатлѣніе на дѣтей производить моментъ, когда красношейка вынимаетъ шипы изъ чела Страдальца. „Добрая птичка!“—прерываютъ они чтеніе легенды.

Сильно нравится дѣтямъ и прелестная легенда „Виелемскій младенецъ“. Трогательно изображаются здѣсь дѣтскія забавы малютки Христа. Онъ помогаетъ пчелкамъ, отягченнымъ цвѣточною пылью, перенося ихъ въ улей; и пчелки не жалили ребенка, а охотно позволяли ему брать себя въ руки. Сердобольный крошка спасаетъ затѣмъ отъ ливня нѣжныя бѣлыя лиліи и этимъ возмущаетъ суроваго римскаго легіонера, наблюдавшаго за нимъ; воинъ смѣется надъ чувствительностью ребенка. Но пчелки и лиліи отблагодарили заботливаго малютку—онѣ спасли его, когда Иродъ замышлялъ его погубить. Тронутъ былъ въ концѣ концовъ и самъ суровый легіонеръ. Посланный въ погоню за бѣжавшими отъ ярости Ирода родителями малютки, онъ настигъ ихъ вмѣстѣ съ младенцемъ спящими въ пещерѣ. И мечъ его уже направлялся на ребенка, но тутъ онъ припомнилъ, что и ему этотъ малютка когда-то оказалъ благодѣяніе: онъ принесъ ему воды, когда ему, стоявшему на часахъ, грозилъ солнечный ударъ. И при мысли объ этомъ краска выступила у воина на лицѣ. Развѣ можетъ римскій легіонеръ забыть оказанную ему услугу? И онъ, забывъ о щедрой наградѣ, которая предстояла ему за голову ребенка, склонился и положилъ свой мечъ рядомъ съ младенцемъ, чтобы бѣглецы, проснувшись, узнали, какой опасности они избѣгли. Уходя, онъ увидѣлъ, что ребенокъ проснулся. Малютка лежалъ и глядѣлъ на него своими прекрасными глазами, сіявшими, какъ звѣзды. И легіонеръ преклонилъ колѣни предъ ребенкомъ.

„Владыко, ты—Всемогущій,—сказалъ онъ, ты—Побѣдитель, ты—Тотъ, Котораго любятъ боги, ты—Тотъ, Который можетъ спокойно наступать на скорпіоновъ и змѣй“.

Онъ поцѣловалъ ножку ребенка и тихо вышелъ изъ пещеры; мальчикъ продолжалъ лежать и глядѣлъ ему вслѣдъ большими, удивленными дѣтскими глазами.

Инымъ нѣсколько характеромъ проникнуты легенды въ книгѣ С. Лагерлефъ „Чудесное путешествіе мальчика на гусахъ по Швеціи“. Въ легендахъ здѣсь оживаетъ, одухотворяется все прошлое, родной для писательницы страны. Она сама такъ любитъ это прошлое, и когда мысли о немъ проносятся у нея въ головѣ, ее „охватываетъ такая жгучая тоска по старымъ временамъ, что на глазахъ ея выступаютъ слезы“. Содержаніе этой книги не замысловато.—Маленькій лѣнтяй, непослушный шалунъ, злой и безжалостный къ животнымъ мальчикъ Нильсъ Холгерсонъ, обидѣвшій гнома, самъ оказывается превращеннымъ въ маленькаго гнома. И въ такомъ видѣ Нильсъ долженъ путешествовать надъ родною страной съ стаей дикихъ гусей, на спинѣ бѣлаго домашняго гусака, примкнувшаго къ стаѣ. Гуси показываютъ ему всю его родину. Они несутъ его надъ хижинами, городами съ фабриками, заводами, церквами, памятниками, прекрасными садами; надъ портами съ верфями, надъ округами, въ которыхъ сосредоточены различные промыслы—то рыбные, то лѣсопильные, то рудные; надъ лѣсами и горами; надъ морскимъ берегомъ и скалистыми островами; надъ красивыми рѣками, озерами. Предъ мальчикомъ разстилаются красоты родной природы. Вотъ предъ нимъ область Іестрикландъ. „Эта земля въ еловой юбочкѣ и въ гранитномъ корсажѣ. А вокругъ талии у нея поясъ, которому цѣны нѣтъ, такъ какъ онъ вышитъ голубыми озерами и цвѣтущими лужайками; большіе заводы сверкаютъ на немъ словно драгоценные камни и вмѣсто пряжки у него цѣлый городъ съ дворцами, церквами и массой домовъ“. Но не только въ своемъ настоящемъ видѣ предстаетъ страна предъ созерцателемъ,—въ цѣломъ рядѣ сагъ и легендъ воскрешается и ея прошлое.

Вотъ легенда о происхожденіи Стокгольма. На мѣстѣ теперешняго Стокгольма когда-то лежали три маленькихъ, ничѣмъ незамѣчательныхъ острова. Никто не хотѣлъ тамъ надолго селиться. Но вотъ одному рыбаку съ острова удалось поймать русалку. Русалки приплыли на островъ въ тюленьихъ шкурахъ и когда онѣ рѣзвились, побросавъ шку-

ры, рыбакъ спряталъ одну шкуру, и одной изъ русалокъ нельзя стало возвратиться въ морскую глубину. Ему стало жаль плачущей русалки.

„Пойдемъ со мной,—сказалъ онъ, — моя мать позаботится о тебѣ“. И онъ говорилъ съ ней очень привѣтливо, пока она не послушалась его и не вошла въ лодку. Рыбакъ и его мать—оба были необыкновенно добры къ бѣдной русалкѣ, и она тоже, казалось, чувствовала себя у нихъ совсѣмъ хорошо. Съ каждымъ днемъ она становилась веселѣе, помогала старухѣ при работѣ и была совсѣмъ какъ всякая другая дѣвушка, только гораздо красивѣе, чѣмъ всѣ другія въ округѣ.

И вотъ однажды рыбакъ предложилъ русалкѣ стать его женою, она согласилась, и они въ лодкѣ поплыли въ глубь Мелара (заливъ), чтобы обвѣнчаться въ первой встрѣтившейся по дорогѣ церкви.

Любуясь сидѣвшею рядомъ съ нимъ счастливою и нарядною невѣстой, женихъ невольно усмѣхнулся своей удачѣ и, не вытерпѣвъ, рассказалъ ей, какъ онъ спряталъ принадлежащую ей шкуру. Они были теперь какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ все это произошло, и невѣста проситъ показать ей шкуру. Рыбакъ причалилъ къ берегу и вытащилъ шкуру изъ-подъ камня, куда онъ спряталъ ее тогда. Но едва увидѣла невѣста тюленью шкуру, какъ она вырвала ее и набросила себѣ черезъ голову. Шкура охватила ея тѣло, какъ что-то живое, и русалка моментально бросилась въ воду. Женихъ видѣлъ, какъ она уплывала. Быстро прыгнулъ онъ за ней въ воду, но не могъ настигнуть ея. Когда онъ увидѣлъ, что больше не можетъ удержать ее, въ своемъ отчаяніи онъ бросилъ ей вслѣдъ свое копье. Оно попало лучше, чѣмъ хотѣлъ рыбакъ, потому что бѣдная русалка громко вскрикнула и исчезла въ глубинѣ.

Рыбакъ остался на берегу и надѣялся, что она опять выплыветъ на поверхность. Но тутъ онъ увидѣлъ, какъ по водѣ разлился нѣжный блескъ, который придалъ ей поразительную красоту. Никогда не видѣлъ рыбакъ ничего подобнаго; вода блестѣла и сверкала, и играла розовымъ и бѣлымъ цвѣтами, совсѣмъ какъ перламутръ въ раковинѣ. И когда сверкающія волны ударили о берегъ, рыбакъ уви-

дѣлъ, что и берегъ преобразился. Повсюду начали распускаться и благоухать цвѣты; мягкій блескъ распространился надъ землей, и она приобрѣла красоту, которой раньше не имѣла.

И рыбакъ догадался, откуда шло все это. Дѣло же въ слѣдующемъ: кто видитъ русалку, находитъ ее прекраснѣе всѣхъ другихъ смертныхъ. Это не можетъ быть иначе, а когда кровь русалки смѣшается съ водой и потомъ вмѣстѣ съ волнами разольется по берегамъ, часть ея красоты передается и имъ, какъ наслѣдство, такъ что всѣ, кто ихъ видѣлъ, увлекаются ими и полны тоски по нимъ.

Съ этихъ поръ люди стали селиться на островахъ. Сначала это были только крестьяне и рыбаки, но въ одинъ прекрасный день сюда пріѣхалъ король со своимъ ярломъ. Когда онъ увидѣлъ три острова, онъ сейчасъ же рѣшилъ воспользоваться ими. На самомъ большомъ изъ трехъ острововъ ярлъ выстроилъ крѣпость съ могучей башней, которую называли Кернанъ. А вокругъ острова онъ обвелъ стѣны. На югѣ сдѣлалъ онъ въ стѣнѣ ворота, а сверху—крѣпкую башню. Онъ построилъ мосты на другіе острова, снабдивъ и ихъ высокими башнями. Эти берега и проливы здѣсь притягивали людей, и скоро со всѣхъ сторонъ потекли сюда люди, которые селились на островахъ.

Потомъ наступилъ день, когда ярлъ могъ уйти на покой послѣ своей большой работы; но въ Стокгольмѣ не было недостатка въ строителяхъ. Пришли монахи, которыхъ звали „черные братья“. Стокгольмъ понравился имъ, и они попросили разрѣшенія построить тамъ монастырь. Кромѣ нихъ пришло еще много и другихъ людей; прежде всего большое количество нѣмецкихъ ремесленниковъ и купцовъ; и такъ какъ они были дѣльнѣе шведскихъ, то ихъ приняли хорошо. Они основались въ городѣ за стѣнами, сломали маленькіе бѣлые домики, которые стояли здѣсь раньше, и выстроили вмѣсто нихъ большія роскошныя зданія изъ камня. Стокгольмъ притягивалъ людей.

Да, Стокгольмъ притягивалъ къ себѣ и людей, и сокровища изъ всей Швеціи. Это городъ не только для себя и ближайшей округи,—нѣтъ, это городъ для всего государства, для всего народа. Здѣсь никому не надо чувствовать

себя чужимъ или тосковать по родинѣ. Здѣсь всѣ шведы у себя дома. Любопытна также легенда о происхожденіи областей Смоланда и Шонена.

Такъ писательница, черпая свои сюжеты, образы, строенія изъ далей прошлаго, знакомить маленькаго читателя съ родною страной, заставляя его живо заинтересоваться ею, воскрешая предъ нимъ минувшее во всемъ его очарованіи и непосредственности картинъ, создавшихся въ народной фантазіи.

Мотивы стариннаго народнаго творчества находятъ себѣ мѣсто и въ поэзіи для дѣтей. Вотъ стихотвореніе О. Бѣлявской „Егорій“.

Выѣзжаетъ Егорій на бѣломъ конѣ,
Свѣтозарнымъ доспѣхомъ блистая,
О зарѣ выѣзжаетъ на встрѣчу веснѣ,
По доламъ и угорьямъ прядая.
Гдѣ ступилъ его конь, запестрѣютъ цвѣты:
Златоцвѣтъ съ девясиломъ и дрема,
Развернутся изъ почекъ червонныхъ листы,
Закудрявится пышно урема.
Прободаетъ Егорій копьемъ золотымъ
Взбороненнаго поля уклоны,
И зеленая ярь вырастаетъ предъ нимъ
Изъ земли живоноснаго лона.

Еще въ такомъ родѣ у нея стихотворенія: „Спиридонъ-Поворотъ“, „Радуница“ и др. Замѣтно стремленіе использовать для дѣтской книги мотивы народнаго творчества и у нашихъ художниковъ: Билибина, Бартрама, Малютина, Васнецова, Полѣновой, отчасти Каррика.

Но насколько рассматриваемый элементъ желателенъ въ дѣтской книгѣ, насколько онъ отвѣчаетъ запросамъ маленькаго читателя?

Уже говорилось о томъ, что если не тождество, то по крайней мѣрѣ аналогію, приблизительное сходство между развитіемъ индивидуума и цѣлаго рода признать можно. Ребенокъ, какъ устанавливаетъ современная психологія, въ своихъ переживаніяхъ близокъ тому, что переживалось человечествомъ или отдѣльнымъ народомъ въ прошломъ. А

если это такъ, то прошлое изъ глубинъ своего творчества и должно прежде всего доставлять матеріалъ для удовлетворенія читательской жажды ребенка. Этими глубинами пользоваться и изъ нихъ между прочимъ черпать свой матеріалъ должна и дѣтская литература. Тутъ можно использовать народныя сказанія, легенды, житія, повѣрья, хожденія — произведенія, отъ которыхъ вѣетъ духомъ дѣтства, которыхъ поэтому не могутъ не привлекать къ себѣ ребенка. Припомнимъ любовь дѣтей къ сказкамъ. Вѣдь сказки въ значительной степени являются произведеніями первобытной старины, въ значительной степени являются тѣмъ, что было дорого народу или вѣрнѣе человѣчеству во время его младенчества, поэтому до сихъ поръ онѣ и дороги человѣку въ періодъ его дѣтства. Наконецъ нужно еще принять здѣсь во вниманіе и такое соображеніе. Дѣтская книжка, являющаяся продуктомъ индивидуальнаго творчества, естественно будетъ выражать личную точку зрѣнія ея автора; нерѣдко въ ней могутъ отражаться мысли и чувства, присущія взрослымъ, а не дѣтямъ: ей нерѣдко можетъ вредить точка зрѣнія сверху внизъ на ребенка, къ которому нужно снизойти, къ которому нужно приспособиться. Произведенія народнаго творчества свободны отъ этихъ недостатковъ.

Итакъ въ народной поэзіи вѣетъ духомъ дѣтства, простоты, непосредственности, и потому то дѣти любятъ ее. Но эта особенность народной поэзіи не есть особая принадлежность одной какой-либо народности, нѣтъ, она достояніе всего человѣчества, стоявшаго на низкихъ ступеняхъ культуры, достояніе, преемственно переходившее и переходящее отъ поколѣнія къ поколѣнію. Народная поэзія является международною сокровищницей идей и понятій, подверженной медленно, но постоянному процессу видоизмѣненій: каждый отдѣльный народъ, наследуя поэтическія сказанія отъ предковъ, привноситъ въ нихъ отличительныя черты своего духа, приспособляетъ ихъ къ условіямъ жизни своей эпохи. Отсюда, значить, въ цѣляхъ разработки въ дѣтской литературѣ нужно имѣть въ виду старинное творчество какъ общечеловѣческое, такъ и особенно творчество родного народа. Вотъ что нѣмецкій историкъ Гервинусъ пишетъ о томъ значеніи, какое для него въ дѣтствѣ имѣло чтеніе

Гомера.— „Весь мой умъ и все существо было проникнуто гомеровскими мотивами, и чтеніе его доставляло мнѣ величайшее наслажденіе; помимо того оно открыло мою душу воспріятію чистой формы и непосредственной красоты, вселило въ меня любовь къ простотѣ въ природѣ и въ жизни, научило чувствовать здоровую свѣжесть народнаго творчества“.

Значеніе народныхъ произведеній для дѣтскаго чтенія, какъ видимъ, ясно само собою. „Увлекаясь простодушной народной фантазіей, говоритъ извѣстный собиратель народныхъ сказаній—Аванасьевъ, дѣтскій умъ нечувствительно привыкаетъ къ простотѣ эстетическихъ требованій и чистотѣ нравственныхъ побужденій и знакомится съ народнымъ языкомъ, его мѣткими оборотами и художественно вѣрными описаніями природы... Былины нечувствительно для дѣтей знакомятъ ихъ съ народнымъ бытомъ и полагаютъ на всю жизнь въ юную воспріимчивую душу начала любви къ родному народу“. Не даромъ новѣйшая американская педагогика стремится къ усиленному использованию народнаго эпоса для такъ называемыхъ часовъ разсказыванія дѣтямъ. Используется при этомъ не только эпосъ родной страны, но также и интересныя эпосы другихъ странъ.

Установленное положеніе находитъ для себя сильную защиту, полное раскрытіе и отчетливую формулировку въ новой работѣ Г. Вольгаста „Проблемы дѣтскаго чтенія“. „Старинный эпосъ, доказываетъ Вольгастъ, болѣе всего годится къ обработкѣ для дѣтскаго чтенія. Въ частности у мальчиковъ Вольгастъ отмѣчаетъ раннее проявленіе склонности къ исторіи и этой наклонности, по его мнѣнію, лучше всего можетъ удовлетворять чтеніе народныхъ сказаній и сагъ. Признаніе старинныхъ литературныхъ сокровищъ народнаго творчества наиболѣе подходящимъ чтеніемъ для дѣтей, по словамъ Вольгаста, все болѣе и болѣе завоевываетъ себѣ право гражданства. Они подходятъ для этого не только по духу и формѣ, но, являясь лѣтописью жизни болѣе простой по мыслямъ, чувствамъ и условіямъ, они доступны для дѣтей, чѣмъ современная литература.—Уваженіе къ родинѣ въ ея поэтическихъ преданіяхъ — сказкахъ, сагахъ, поговоркахъ, историческихъ воспоминаніяхъ—дол-

жно воспитываться въ дѣтяхъ и занимать въ дѣтской литературѣ соотвѣтствующее мѣсто. Большую роль здѣсь играютъ и народныя дѣтскія пѣсенки—эти древнѣйшія остатки старины“.

Итакъ сближеніе съ сокровищами народнаго творчества и художественная ихъ разработка примѣнительно къ дѣтскому пониманію—вотъ одинъ изъ новыхъ намѣчаемыхъ въ теоріи видовъ дѣтской литературы.

Изъ книгъ съ произведеніями народнаго творчества слѣдуетъ обратить вниманіе на слѣдующія:

И. Θεокτισтовъ, Русскія народныя дѣтскія пѣсенки, прибаутки, побасенки, пословицы, загадки и пр. Изд. Ледерле, СПб. 1895. Изд. Сытина ц. 40 к. (для младш. возр.).

О. Шмидтъ-Москвитина (Рогова), Русскіе богатыри. Былины въ пересказѣ для юношества. Изд. Девріена, съ рис. Каразина, ц. 3 р. 50 к.

Г. Штоль, Миры классической древности, М. 1888. 2 т. ц. 4 р. (для старш. возраста).

Швабъ, Миры классической древности, ц. 2 р. 50 к. (проще и доступнѣе книги Штоля)

А. Ирасекъ, Старинныя сказанія чешскаго народа. Изд. Девр., ц. 3 р. 50 к. (для старш. возр.).

Е. Балобанова, Легенды о старинныхъ замкахъ Бретани, СПб. 1896, ц. 1 р. (тоже).

Ея-же, Рейнскія легенды. СПб. 1897, ц. 1 р. (тоже)

Авенариусъ В. Книга былинъ. М. 1907, ц. 1 р. 50 к. (тоже).

Бунаковъ Н. Народныя былины о русскихъ могучихъ богатыряхъ СПб. 1900, ц. 40 к. (тоже).

Стихотворенія, басни и драматическія произведенія для дѣтей ¹⁾.

Въ новое время не рѣдко проводится мысль о непригодности стихотвореній для дѣтскаго чтенія. Въ книгѣ Ц. Б. Балталона „Воспитательное чтеніе, какъ основа преподаванія“

¹⁾ *А. Рождественскій*, Воспит. значеніе поэзіи, Пед. Сб. 1901, 10; *А. Флеровъ*, Польза и вредъ поэзіи для учащейся молодежи, Пед. Сб. 1899, 5; *Ф. Адлеръ*, Воспитател. значеніе басенъ. Вѣст. Восп. 1895, 8; *А. Навимовъ*, Басни, какъ матеріалъ для дѣтск. чтенія, Нар. Обр. 1913, 7; *Л. Тихова*, Драматич. литерат. и театр въ дѣтск. жизни, Восп. и Обуч. 1897, 3.

даванія русскаго языка“ устанавливается положеніе, что дѣти вообще не любятъ стихотвореній. Опросъ дѣтей далъ г. Балталону такіе результаты: изъ 320 опрошенныхъ дѣтей—что они больше любятъ: прозу или стихотворенія—интересъ къ прозѣ высказало 77%, а интересъ къ стихотвореніямъ всего 23%, т. е. значительно меньше. Подобный же опросъ, произведенный мною, далъ такія цифры: въ приготов. классѣ одной гимназіи на 15 любителей прозы нашлось 10 любителей стихотвореній; въ другой гимназіи за прозу высказалось 9 ученицъ, а за стихотворенія—13.

Но къ приведеннымъ цифрамъ нужно относиться съ большою осторожностью; даже при точности всѣхъ вычисленій онѣ намъ могутъ говорить собственно только о томъ, что дѣти *предпочитаютъ* прозу, а не о томъ, что они вовсе не любятъ стихотвореній. Вотъ почему больше значенія приходится признать за опытомъ г. Смирнова, который не спрашиваетъ, что дѣти любятъ больше читать, а ставитъ прямой вопросъ—любите ли вы читать стихотворенія? Положительные отвѣты даютъ: дѣти 10 лѣтъ—75%, 11 л.—75%, 12 л.—62%, 13 л.—68%, 14 л.—76%, 15 л.—76%, 16 л.—84%. Эти цифры констатируютъ не только наличность интереса дѣтей къ стихотвореніямъ, но и постепенное съ возрастомъ повышеніе этого интереса. И дѣйствительно, не разъ приходится убѣждаться, что дѣти чрезвычайно любятъ стихотворенія и пѣсенки, съ интересомъ ихъ читаютъ, съ усердіемъ ихъ заучиваютъ и съ большою охотой декламируютъ и распѣваютъ. Часто приходится встрѣчаться даже съ авторскими наклонностями дѣтей по части стихотвореній. Попытки риэмованія мнѣ приходилось наблюдать у дѣвочки 2½ лѣтъ. А. Толстой въ своей автобіографіи вспоминаетъ о сборникѣ стиховъ, который онъ часто читалъ въ дѣтствѣ; и видъ этой книги, говоритъ онъ, „будить во мнѣ массу дорогихъ воспоминаній, заставляетъ сильно биться мое сердце“. А вотъ мѣсто изъ школьнаго дневника моей ученицы — педагогички. — Дѣло идетъ о чтеніи съ дѣтьми на урокъ стихотворенія. „Дѣвочки третьей группы (11—12 л.), пишетъ она, какъ видно, очень любятъ читать стихотворенія, и каждая проситъ вызвать читать ее тотъ

отрывокъ, который ей больше всего понравился, и читаетъ его уже тогда съ выраженіемъ“.

Какія же требованія слѣдуетъ предъявлять къ стихотвореніямъ, предназначеннымъ для дѣтей? Какъ и др. виды литературы, они должны быть прежде всего доступны и интересны дѣтямъ, занимательны для нихъ; отсюда простота, образность, близость сюжета дѣтскимъ интересамъ являются здѣсь прежде всего необходимыми. Богатая рѣзма, высокая изящность, конечно, здѣсь желательны, но не въ нихъ суть, хотя, съ другой стороны, стихотворенія не должны быть и антихудожественными виршами. Главное здѣсь искренняя теплота чувства, нѣжный, мягкій и сердечный тонъ, который будилъ бы лучшія чувства въ душѣ ребенка—любовь къ людямъ, къ природѣ, отзывчивость ко всему живому, ко всему окружающему. Такія стихотворенія заставляютъ ребенка полюбить поэта и въ будущемъ быть отзывчивымъ, когда другіе поэты будутъ обращать къ нему свои призывы къ лучшему.

Много доступнаго для дѣтей можно найти у классиковъ нашей лирики—Жуковского (для самыхъ маленькихъ дѣтей подойдутъ: „Птичка“, „Котикъ и козликъ“, „Мальчикъ съ пальчикъ“), Пушкина („Зимняя дорога“, отрывки изъ „Евгенія Онѣгина“, „Бѣсы“, „Утопленникъ“, „Туча“ и др.), Лермонтова („Бородино“, „Вѣтка Палестины“, „Воздушный корабль“, „Споръ“; но при этомъ нельзя не согласиться съ г. Балталономъ, что излюбленное стихотвореніе дѣтскихъ хрестоматій „Когда волнуется желтѣющая нива“, гласящее о томъ, какъ у созерцателя „смирняется души тревога... расходятся морщины на челѣ“, нельзя считать подходящимъ для дѣтей). Дальше идутъ: Некрасовъ („Дядюшка Яковъ“, „Мазай и зайцы“, „Генераль Топтыгинъ“), Майковъ („Весна“, „Дождь“), Полонскій („Ангелъ“, „Птичка“), Л. Модзалевскій („Ахъ, попалась, птичка, стой“, „Слети къ намъ, тихій вечеръ“), Фетъ, Мей и въ особенности—Плещеевъ. Задушевность и простота послѣдняго дѣлаютъ его стихотворенія образцомъ дѣтскихъ стихотвореній (сборникъ его стихотвореній для дѣтей и юношества—„Подснѣжникъ“. Изд. Сувор. СПб. 1894, съ карт., ц. 1 р. для средн. и млад. в.). Нравятся дѣтямъ и стихотворенія нашихъ народныхъ

поэтовъ—Кольцова, Никитина („Утро на берегу озера“ съ рис. Неручева, изд. Сыт., ц. 50 к.), Сурикова („Дѣтскіе годы“, М. 1901, ц. 3 к.), Дрожжина („Родная деревня“. Изд. Г.-Пос. М. 1905, ц. 1 р. 20 к.; „Четыре времени года“. Изд. Сытина 1914, ц. 30 к.; „Сказки, легенды и были“. Издан. Сытина 1914, ц. 30 к.). Не даромъ въ Ясно-Полянской школѣ „Кольцовская книга“ (сборникъ стихотвореній Кольцова) была любимая, какъ говоритъ Толстой. Это и понятно—простота мотивовъ и переживаній народныхъ поэтовъ ближе сравнительно несложной психикѣ ребенка.

Въ новое время съ дѣтскими стихотвореніями выступаютъ Бунинъ, Бѣлоусовъ, Медвѣдевъ, М. Моравская (можно порекомендовать ея сборникъ „Апельсиныя корки“, съ рис. Чехонина, СПб. 1914, ц. 1 р. для средн. и млад. возр.). Выступаютъ даже и наши крайніе модернисты, какъ Бальмонтъ, Блокъ, Городецкій и др., рѣчь о которыхъ будетъ ниже.

Въ связи со стихотвореніями стоитъ вопросъ о *басняхъ*. По Балталону, показатель степени интереса къ нимъ въ дѣтяхъ достигаетъ всего лишь 6%. Но съ другой стороны есть факты, говорящіе повидимому объ интересѣ нѣкоторыхъ дѣтей къ баснямъ. Такъ Н. И. Пироговъ въ своихъ дѣтскихъ воспоминаніяхъ съ восторгомъ останавливается на басняхъ Крылова „Квартетъ“, „Демьянова уха“ и „Тришкинъ кафтанъ“. Такое сильное впечатлѣніе онъ произвели на него въ дѣтствѣ. На статистическія данныя особенно полагаться здѣсь не приходится, хотя нѣкоторая холодность дѣтей къ баснямъ—какъ будто бы фактъ достаточно установленный. Чѣмъ объяснить это?

Причина съ одной стороны—лежитъ въ томъ, что басни пишутся не для дѣтей: баснописецъ отражаетъ въ своихъ произведеніяхъ пороки и добродѣтели именно взрослыхъ людей, и со своими совѣтами житейской мудрости, со своими укорами, осмѣяніемъ недостатковъ человѣческихъ онъ обращается именно къ взрослому человѣку (Елаичъ). Съ другой стороны—и сами по себѣ, по своей сущности „Эзоповы словеса“ непонятны и значить—не интересны дѣтямъ, которыя не могутъ схватить всей сути басни, соли ея. Въ частности, напримѣръ, въ баснѣ большую роль иг-

раетъ иронія, а дѣти повидимому лишены самой способности понимать ее. Ссылаюсь на такой фактъ (изъ личнаго опыта автора). Читается басня „Лисица и Оселъ“. Отколѣбъ умная, бредешь ты, голова?“ спрашиваетъ здѣсь лисица осла. Почему лисица называетъ осла „умною головою?“ На этотъ вопросъ дѣти (ученики приготовительнаго класса 8—10 лѣтъ) пытаются дать разные отвѣты—потому, что у осла большая голова, потому, что лиса маленькая, а оселъ большой, потому, что онъ смотритъ внизъ и какъ бы все думаетъ и проч. И только съ трудомъ удается довести дѣтей до сознанія, что здѣсь говорится не въ правду, а въ шутку—въ насмѣшку.

При такихъ условіяхъ рассчитывать на поучающее значеніе басенъ, конечно, не приходится. „Можно ли до того заблуждаться, говорить Руссо, чтобы называть басни нравоученіемъ для дѣтей? Мы упускаемъ изъ вида, что басни... вводятъ ихъ въ заблужденіе, что обольщенные ложно, дѣти упускаютъ изъ вида истину... Басни могутъ поучать взрослыхъ, но дѣтямъ нужно говорить голую правду; какъ скоро ее прикрываютъ покровомъ, они не даютъ себѣ труда приподнимать его“.

Вотъ почему нельзя не согласиться съ мнѣніемъ Елачича, по которому ознакомленіе дѣтей съ большею частью басенъ Крылова слѣдуетъ оставить на то время, когда дѣти уже доразовьются до пониманія художественной цѣнности этихъ замѣчательныхъ и удивительно своеобразныхъ произведеній, когда они настолько ознакомятся съ жизнью, людьми, добромъ и зломъ нашей обыденной жизни, что смогутъ понять ту оцѣнку, которую баснописецъ даетъ порокамъ и добродѣтелямъ людскимъ. Но впрочемъ и тогда не слѣдуетъ дѣтей при чтеніи ими басенъ оставлять безъ руководства старшихъ. Острогорскій совѣтуетъ при этомъ обращать главное вниманіе не на мораль басенъ а на выводимые въ нихъ типы. Располагая басни по типамъ, мы легче достигнемъ того, что басни сознательнѣе будутъ усваиваться дѣтьми.

Изъ изданій басенъ можно указать: *Крыловъ И. А.* Басни. Изд. Егорова, СПб. 1888, съ рис. Панова, ц. 50 к.; Изд. Панафидина, съ біограф. Плетнева и рис., 1897, ц. 1 р.; Изд. Вольф. 1895, съ біограф. и рис., ц. 75 к.; Изд. Сувор.,

1899, ц. 15 к. Изд. роскошн. Девр. 1911, съ рис. А. Жаба ц. 10 руб.

Вопросъ о *драматической литературѣ для дѣтей* является чрезвычайно спорнымъ. Въ свое время Н. И. Пироговъ рѣшительно возставалъ противъ выступленія дѣтей на всякаго рода публичныхъ подмосткахъ (статья „Быть и казаться“). Большія возраженія противъ себя вызываютъ въ литературѣ и пьесы для дѣтскаго театра, какъ матеріалъ для дѣтскаго чтенія. Драматическая поэзія, говоритъ Вольгасть, обыкновенно чужда дѣтской природѣ. Если дѣти читаютъ драму, они относятся къ ней, какъ къ разсказу.

Но при всемъ сказанномъ нельзя не обратить вниманіе на то, что дѣтямъ присущъ, такъ сказать, драматическій инстинктъ, сказывающійся хотя-бы въ играхъ ребенка, и на этотъ инстинктъ въ новое время обратила усиленное вниманіе американская педагогика, пожелавшая использовать его въ учебныхъ цѣляхъ. Драматическій инстинктъ, пишетъ С. Холль, который обнаруживается, судя по многочисленнымъ статистическимъ изслѣдованіямъ въ необыкновенной любви дѣтей къ театру и кинематографу и ихъ страсти къ самостоятельному разыгрыванію всевозможныхъ ролей, является для насъ, педагоговъ, прямо открытіемъ новой силы въ человѣческой природѣ. У насъ наклонность дѣтей къ драматизаціи отмѣтилъ еще Бунаковъ, а въ новое время поднимается вопросъ и о педагогическомъ использованіи этихъ наклонностей¹⁾.

Наконецъ въ новое время работами Э. Гросса устанавливается и то, что драматическая литература древнѣе и элементарнѣе всѣхъ прочихъ формъ, а потому нельзя не согласиться съ мнѣніемъ г. Бахтина, что знакомство дѣтей съ драматической литературой (въ ея наиболѣе элементарныхъ видахъ) можетъ быть начато въ очень раннемъ возрастѣ. Да оно такъ и бываетъ въ дѣйствительности. Стоитъ

¹⁾ См. *Н. Бахтинъ*, Театръ и его роль въ воспитаніи (въ кн. „Въ помощь семья и школы“ М. 1911). Его же и Берви-Кайдановой Доклады о дѣтскомъ театрѣ на 1-мъ съѣздѣ по семейн. воспитанію, Труды съѣзда, т. I; *Н. Тичеръ*, Драматизація, какъ одинъ изъ методовъ совр. школы. Нар. Обр. 1910, 11—12; *Я. Яворская*, Драматическ. методъ обученія. Пед. Обзор. 1914, 1—4.

только посмотрѣть, какъ дѣти рассказываютъ сказки, чтобы убѣдиться въ естественности и первоначальности для нихъ драматически оживленной манеры изложенія. Въ этомъ случаѣ сходство между ребенкомъ и первобытнымъ человѣкомъ или по крайней мѣрѣ—дикаремъ, дѣйствительно большое. И тѣ и другіе совершенно не въ состояніи сообщить какое-либо извѣстіе, не сопровождая словъ соотвѣтственной мимикою и жестикуляціей. А взаимодѣйствіе языка и мимики—это суть драмы.

Конечно, въ своей полной и совершенной формѣ драма съ ея развитіемъ дѣйствія, съ обрисовкою характеровъ является произведеніемъ, слишкомъ труднымъ для дѣтскаго пониманія, но это не исключаетъ возможности упрощенныхъ пьесъ для дѣтскаго чтенія и дѣтскаго театра. Писать такіе пьесы не легко и этимъ, вѣроятно, приходится объяснять отмѣчаемый А. М. Калмыковой фактъ, что существующая дѣтская литература для театра и бѣдна, и чрезвычайно плоха. Репертуаръ для дѣтскаго театра еще долженъ быть созданъ („Дѣти и театр“. Пед. Лист. 1913, 3).

Лучшіе авторы пьесъ для дѣтей — Allegro, отчасти Лукашевичъ, Авилова, Васильевъ. Изъ указателей можно назвать Н. Бахтина Обзоръ пьесъ для дѣтскаго и школьнаго театра. СПб. 1912, ц. 25 к.

Сказки¹⁾.

I.

Еще Толль называлъ себя „врагомъ сказокъ“. Но вопросъ о нихъ, какъ матеріалъ для дѣтскаго чтенія, особенно обостренную форму начинаетъ принимать за послѣднее время. Все болѣе и болѣе оспаривается старое положеніе, что сказка, какъ произведеніе первобытнаго человѣчества, является особенно подходящимъ чтеніемъ для ребенка—своего рода тоже первобытнаго человѣка. Е. А. Елачичъ въ своей

¹⁾ А. М. Калмыкова, Сказка, какъ матеріалъ для дѣтск. чтенія. Труды 1-го съѣзда по семейн. восп. т. I; В. Родниковъ, Новый взглядъ на сказку, какъ матеріалъ для чтенія дѣтей младш. возр. Дошк. Восп. 1914, 2.

книгѣ „Сборникъ статей по вопросамъ дѣтскаго чтенія“ рѣшительно настаиваетъ на томъ, что сказки есть продуктъ не первобытнаго народнаго творчества, а развитого человѣческаго ума, и потому не всякая сказка и не всякому ребенку можетъ быть доступна, ребенокъ долженъ еще доразвиться до пониманія ея. Суть вопроса, значитъ, здѣсь сводится къ тому, *какъ произошла сказка*, насколько ей можетъ быть свойственна первобытная простота¹⁾.

Теоріи о происхожденіи сказокъ въ настоящее время существуетъ три: миеологическая, теорія литературнаго заимствованія и антропологическая. Главнѣйшими представителями *миеологической теоріи* являются бр. Гриммы, О. Миллеръ, Буслаевъ, Аванасьевъ и Пыпинъ. Основываясь на томъ, что въ сказкахъ фигурируютъ несомнѣнно миеические элементы (Баба-Яга, Кощей-Безсмертный, Жарь-птица—солнце и др.), эта теорія всю сказочную литературу выводитъ изъ миеологическихъ источниковъ. Зародились же сказочные мотивы въ ту пору, когда всѣ арійцы составляли еще одно цѣлое, этимъ и объясняется то удивительное сходство, которое мы находимъ въ сказкахъ различныхъ арійскихъ народовъ. Идентичность миеовъ арійскихъ племенъ обуславливаетъ и сходство сказочныхъ сюжетовъ. Итакъ, сказки являются переработкою древне-арійскихъ миеовъ, олицетворяющихъ всю окружающую природу, обломками древняго эпоса о солнцѣ, мѣсяцѣ, громѣ. При такихъ воззрѣніяхъ даже сказочный Балда у Аванасьева чуть-ли не отождествляется съ миеическимъ Вальдуромъ, во всякомъ случаѣ его имя производится отъ санскритскаго bhar. bhal—разить, поражать (молніей). Но при болѣе внимательномъ изученіи сказокъ отмѣченное сходство удалось установить не только между сказками арійскихъ народовъ. Сходные сюжеты нашлись какъ въ древнихъ египетскихъ и индійскихъ сказкахъ, такъ равно и въ сказкахъ новыхъ африканскихъ, американскихъ и австралійскихъ народовъ. Такъ у готтентотовъ и зулусовъ въ сказкѣ „Бѣлый человѣкъ и змѣя“ можно видѣть варіантъ сюжета, разработаннаго въ

¹⁾ См. о происхожденіи сказокъ книгу С. Савченко Русская народная сказка. Исторія собиранія и изученія. Кіевъ, 1914.

нашей сказкѣ о бирюкѣ, попавшемъ въ капканъ, а въ сказкѣ „Кража рыбы“ вариантъ сказки о лисѣ, воровавшей рыбу съ воза (см. кн. „Басни и сказки дикихъ народовъ“, перев. съ англійск. 1874). Наша сказка о Ерусланѣ Лазаревичѣ тождественна по сюжету съ персидскимъ сказаніемъ о Рустемѣ и Зорабѣ, а сказка о Бовѣ-королевичѣ — пересказъ итальянскаго рыцарскаго романа XIV — XVI в.в. *Buova d'Ancona*.

На смѣну мифологической теоріи выступила новая теорія — *литературнаго заимствованія* (Бенфей, В. Миллеръ, Веселовскій). По этой теоріи сходство сказочныхъ сюжетовъ у разныхъ народовъ объясняется путемъ устной передачи сказокъ отъ однихъ народовъ другимъ, при чемъ эту передачу нужно относить къ эпохамъ глубокой древности. Переходя отъ однихъ народовъ къ другимъ, сказочные сюжеты сводятся къ опредѣленному числу первоначальныхъ темъ, неизвѣстно гдѣ появившихся впервые. Въ Индіи и въ древнемъ Египтѣ, въ Россіи и у китайцевъ, у дикарей и у современныхъ европейцевъ въ сказкахъ одинаково фигурируютъ: злая мачеха, преслѣдующая падчерицу, доброта которой въ концѣ награждается; угнетаемая всѣми дѣвочка, которая терпитъ отъ своихъ сестеръ, но оказывается лучше нихъ и въ концѣ торжествуетъ; два брата — богатый и бѣдный; хитрая и ловкая лисица и пр.

Третья теорія — *антропологическая* или теорія самозарожденія сказки, разработанная въ Англіи Тэйлоромъ и Лангомъ, исходитъ изъ того положенія, что природа человѣка, его психика однообразны на всемъ земномъ шарѣ, а потому и продукты человѣческаго творчества также должны обнаруживать извѣстное единообразіе. Тутъ же нужно учесть и возможность одинаковыхъ историческихъ переживаній у разныхъ народовъ, что можетъ являться тоже причиною сходства сказочныхъ сюжетовъ.

Если разобраться въ приведенныхъ теоріяхъ, то оказывается, что онѣ не исключаютъ другъ друга, такъ какъ двѣ послѣднія говорятъ собственно не о происхожденіи, а только о распространеніи и такъ сказать модификаціи сказки. Соперничать, значитъ, могутъ только эти двѣ послѣднія, причемъ антропологическая теорія, какъ опираю-

щаяся на сомнительномъ положеніи — единство психической организаціи людей всего земного шара — должна быть признана слабѣе теоріи литературнаго заимствованія. Въдѣ психику человѣка не безъ вліянія остаются условія страны, гдѣ онъ живетъ, а кто же будетъ говорить объ одинаковыхъ природныхъ условіяхъ всего земного шара? Такимъ образомъ, вопросъ о первоначальномъ происхожденіи сказокъ этими теоріями оставляется открытымъ и вопросъ этотъ дѣлается всецѣло достояніемъ мифологической теоріи. На ней теперь и приходится остановиться.

Какъ уже сказано, эта теорія источникъ сказокъ видитъ въ арійской мифологіи, но установленное теоріей литературнаго заимствованія сходство сказочныхъ сюжетовъ у различныхъ народовъ земного шара явно опровергаетъ это положеніе. Но если не арійскую, то, можетъ быть, слѣдуетъ признать вообще мифологическую основу сказокъ? Конечно, нѣкоторой доли первобытныхъ мифическихъ элементовъ въ сказкѣ нельзя отрицать; припомнимъ хотя бы Бабу-ягу и пр. Но это не значитъ, что въ сказкѣ *все* мифическаго происхожденія, что *вся* сказка въ цѣломъ является плодомъ первобытнаго творчества.

Прежде всего, наряду съ сказками, вытекающими изъ мифовъ, нельзя отрицать возможности сказокъ, возникавшихъ и не на мифологической основѣ; сказка можетъ зародиться въ сферѣ тѣхъ жизненныхъ, бытовыхъ рамокъ, которыя даютъ основу и для самыхъ схемъ природнаго мифа, по которыя даютъ также основу и пнямъ — не мифическимъ построеніямъ, а хотя бы героическимъ сагамъ съ чисто реальнымъ содержаніемъ.

Дальше, даже въ тѣхъ сказкахъ, мифическое содержаніе которыхъ несомнѣнно, далеко не все принадлежитъ первичному мифу; многими своими подробностями эти сказки обязаны исключительно лишь творческой фантазіи, которая становится тѣмъ свободнѣе въ обращеніи съ матеріаломъ, чѣмъ меньше сказывается потребность выразить мифъ точно, что бываетъ особенно часто при замѣнѣ одной мифологической или религіозной системы другою. Такимъ образомъ происходитъ осложненіе сказочнаго сюжета. Даже одинъ и тотъ же сказочникъ не можетъ повторить своего рассказа

безъ измѣненія, а всегда внесеть прибавки или вообще извѣстнымъ образомъ модифицируетъ его. Есть основанія допускать и сознательную литературную обработку сказки отдѣльными талантливыми личностями. Мы же знаемъ фактъ, когда народнымъ сознаніемъ ассимилировано содержаніе чисто литературной работы—романа *Viola d'Ancona* и передѣлано въ сказку о Бовѣ-Королевичѣ. То же самое могло происходить и съ народными сюжетами, попадавшими въ руки человѣка, обладавшаго литературнымъ вкусомъ и стилемъ, и затѣмъ въ обработанномъ видѣ снова возвращавшимся къ народу, снова попадавшими въ народное обращеніе.

Особенно сильныя возраженія противъ сведенія всего сказочнаго содержанія къ мифологическимъ началамъ строятся на почвѣ палеонтологіи. Въ сказкахъ есть много подробностей, немислимыхъ въ эпохи первобытныя, когда зарождались мифы; эти подробности могли появиться только въ позднѣйшія эпохи, и отнесеніе ихъ къ первобытнымъ временамъ является прямою нелѣпостью. Такъ Афласевъ, видя въ сказочной связкѣ золотыхъ ключей „метафору молній, отмыкающихъ облачныя подземелья, скалы, крипицы“, относитъ знакомство съ золотомъ къ первобытнымъ мифическимъ эпохамъ. Но тѣ эпохи знали изъ металловъ лишь мѣдь, да и то въ необработанномъ состояніи. Точно также гораздо естественнѣе, казалось бы, объяснять всякія сказочныя золотыя украшенія—кольца и т. п.—дѣйствительными украшениями, какія вполне подобають имѣть, скажемъ, царевичу или царевнѣ; эти украшения могли и даже должны были явиться въ сказкѣ позднѣе и по простой прихоти рассказчика. Допускать же наличность ихъ въ древнѣйшихъ мифахъ, это значило бы опять противорѣчить даннымъ палеонтологіи: въ тѣ поры золота не знали.

Итакъ, исторія происхожденія сказокъ заставляетъ сильно задуматься надъ тѣмъ, насколько сказкѣ свойственна та первобытная простота и непосредственность, которая подкупають сторонниковъ сказки, какъ чуть-ли не единственнаго вполне годнаго для ребенка чтенія.

II.

Теперь переходимъ къ вопросу о томъ, *насколько сказка находитъ себѣ фактический спросъ у маленькаго читателя*, насколько, значить, она отвѣчаетъ читательскимъ запросамъ ребенка.

„Дѣти и сказки, пишетъ Н. В. Чеховъ, это что-то неотдѣлимое, что-то созданное другъ для друга... и если бы всѣ педагоги соединились противъ сказокъ, они были бы не въ силахъ изгнать ихъ изъ дѣтскихъ“. Правда, анкетныя данныя, которыя будутъ указаны ниже, не позволяютъ въ отношеніяхъ дѣтей къ сказкѣ видѣть такую исключительность и такой энтузіазмъ, какъ это представляется въ приведенныхъ выше словахъ Н. В. Чехова, но все же фактъ несомнѣнный — сказки находятъ себѣ большой спросъ у дѣтей. Объ этомъ прежде всего намъ говоритъ исторія. И у древнихъ народовъ, и у новыхъ, и у дикихъ, и у цивилизованныхъ сказка являлась и является любимымъ чтеніемъ дѣтей. Ве мы находимъ и у древнихъ китайцевъ, у египтянъ и жителей Индіи. У грековъ народными сказками пользуются Геродотъ, Плутархъ; Платонъ даетъ кормилицамъ инструкціи, какія сказки слѣдуетъ рассказывать дѣтямъ, а Лукіанъ самъ сочиняетъ философскія сказки. Рѣчь о сказкахъ мы находимъ и у римскихъ писателей—у Діодора Сицилійскаго и Апулея (II в. по Р. Х.). У послѣдняго, между прочимъ, мы находимъ такую картину. Напугавшись досыта, дѣти собирались около бабушки или старой рабыни и заслушивались ея сказокъ, нерѣдко начинавшихся, подобно нашимъ: „жили-были царь да царица“. Молодое воображеніе живо переносилось въ чарующій міръ чудесъ. Вотъ молодая царевна, такая прекрасная, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать; она младшая дочь; сестры ненавидятъ ее за красоту; она все терпитъ и наконецъ находитъ своего красавца жениха, обращеннаго чародѣйствомъ въ дракона. Но до этого она много видѣла горя, много исполнила трудныхъ работъ, паломленныхъ на нее злою мачехой, и могла исполнить ихъ только при помощи волшебной силы: то муравьи помогаютъ ей, когда она до вечера должна собрать большую кучу разсыпанныхъ зеренъ, то волшебный ка-

мышь шепчетъ ей, какъ добыть для злой мучительницы шерсть съ золоторуныхъ овецъ, то, когда она задумалась, какъ достать воды изъ колодца, охраняемаго дракономъ, откуда ни возмись, спыый орелъ несетъ цѣлое ведро той заколдованной воды (см. Ф. Велишскій, „Быть грековъ и римлянъ“. Прага, 1878, стр. 314).

Изъ матеріаловъ анкетно-статистическихъ по вопросу о чтеніи дѣтьми сказокъ здѣсь можно указать такіе. На Всероссийской выставкѣ 1913 года въ Кіевѣ дѣтскою бібліотекою Д. Ю. Доброй были выставлены анкетныя таблицы, изъ которыхъ видно, что интересъ къ сказкамъ дѣтей дошкольнаго возраста (5—7 л.) выразился 40%; младшаго возраста (8—10 л.)—57,6%; средняго возраста (11—13 л.)—31%; старшаго возраста (14—16 л.)—17,2%; подростковъ (17 л.)—12,2%. Въ „Вѣстникѣ Воспитанія“ за 1912 г. (кн. 1) помещена статья г. А. Юкана „О выборѣ книгъ для дѣтскаго чтенія“. Здѣсь приведены данныя анкеты, произведенной въ 240 начальныхъ школахъ Курляндск. и Лифл. губерній; дѣти 8—10 л. за сказки даютъ 40%; 10—12 л.—25%; 12—14 л.—15½%. Изъ анкеты, произведенной Мин. Нар. Просвѣщ. въ 1912 г. среди учащихся городскихъ училищъ, видно, что дѣти 3-го отдѣленія еще сильно интересуются сказками (пятая часть учениковъ); въ 4-мъ отдѣленіи интересъ къ нимъ уже небольшой, а ученики 6-го отдѣленія сказками уже совершенно не интересуются (Шк. и Ж. 1913, № 31). У г. Вахтерова („Основы новой педагогики“) интересъ дѣтей къ сказкамъ на основаніи анкетныхъ данныхъ изображенъ въ такомъ видѣ: дѣти 9-ти лѣтъ—26%; 10 л.—27,7%; 11 л.—13%; 12 л.—10,3%; 13 л.—3,6%. У г. В. Смирнова въ статьѣ „Психолог. основы постановки внѣклассн. чтенія“ сообщаются такія данныя. На вопросъ, любите-ли вы читать сказки, получены утвердительные отвѣты дѣтей: 10 л.—67%; 11 л.—63%; 12 л.—60%; 13 л.—50%; 14 л.—52%; 15 л.—49%; 16 л.—43%. На вопросъ же, какое изъ всѣхъ читанныхъ произведеній наиболѣе понравилось, дѣтскій интересъ къ сказкамъ даже въ 8—10-ти лѣтнемъ возрастѣ не превышаетъ 8%, а въ другихъ еще меньше.

Приведенныя цифры позволяютъ сдѣлать такіе выводы. Маленькіе читатели въ *значительной степени* любятъ сказ-

ки и интересуются ими, хотя интересъ этотъ не исключительный: наряду съ сказками они интересуются и другими видами литературы, въ особенности разсказами съ изображеніемъ дѣйствительной жизни. Съ возрастомъ интересъ къ сказкамъ понижается.

Почему дѣтямъ можетъ нравиться сказка? Прежде всего хотятъ объяснить это необыкновенно развитымъ и сильнымъ воображеніемъ ребенка. Но это не справедливо. Воображеніе ребенка, по справедливому замѣчанію Ушинскаго, и „бѣднѣе, и слабѣе, и однообразнѣе, чѣмъ у взрослого человѣка“, хотя и менѣе дисциплинировано, чѣмъ у послѣдняго. Вѣрнѣе искать причину въ особенностяхъ общей организации ребенка.

Душевный міръ ребенка бѣденъ представленіями, по зато имѣющіяся, почти совершенно свободныя отъ давленія другихъ представленій, всецѣло властвуютъ надъ душою ребенка, населяя ее сравнительно немногими, но яркими, рѣзкими образами. Ребенокъ обнаруживаетъ большую склонность къ дѣятельности воображенія, но у него слишкомъ мало средствъ для творческой работы и потому „созданія дѣтскаго воображенія поразительны по своей однообразности и неразумности“¹⁾. Этой ступени дѣтскаго воображенія и соответствуетъ сказка: она тоже бѣдна образами и образы ея тоже грубо рельефны, рѣзко очерченны, ярко окрашены и повторяются. Образы, даваемые сказкою, легко поэтому усвоятся ребенкомъ и становятся его полною собственностью и, доставляя удобный и сильный матеріалъ для работы дѣтскаго воображенія, доставляютъ ему большое наслажденіе. Чтобы составить вполне соответствующій дѣйствительности образъ какого нибудь реальнаго предмета, ребенку придется много трудиться и чрезъ это испытать чувство неудовольствія; сказка же сводитъ эту трудность до минимума.

Ребенокъ радуется каждому созданному имъ образу и дорожитъ каждымъ удачнымъ результатомъ работы своего неумѣлаго воображенія, почему сказки, дважды разсказанныя ему въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ, пріятнѣе для

¹⁾ И. Петровъ, О чтеніи дѣтей дошк. возр. В. и О. 1895, 5.

него, чѣмъ двѣ разныя сказки. До какой степени для дѣтской природы необходимы сказки, видно изъ того, что дѣти, лишеныя сказокъ, сами создаютъ себѣ ихъ.

Какъ рано пробуждается дѣтскій интересъ къ сказкѣ? По этому вопросу любопытный взглядъ высказанъ Е. А. Елачичемъ въ книгѣ „Сборникъ статей по вопросамъ дѣтскаго чтенія“. По мнѣнію г. Елачича, сказки являются совсѣмъ не подходящимъ матеріаломъ для чтенія маленькихъ дѣтей. Причина—та, что такія дѣти не въ силахъ понять сказокъ и, значитъ, заинтересоваться ими. Давать маленькому (4—5 лѣтъ) читателю обычныя дѣйствующія лица сказокъ, какъ „дѣдъ-морозъ“, „фея грезъ“, „лѣсные и морскіе цари“, „принцессы весны“ и др.—это значитъ производить своего рода насилие надъ воображеніемъ ребенка.

Дѣло въ томъ, что обычные персонажи сказокъ являются олицетвореніями, символами, по Елачичу—своего рода отвлеченіями. Баба-яга,—образъ вѣи, кощей—стужа зимняя и т. д. А между тѣмъ „психологія ясно учить насъ, что способность къ отвлеченному мышленію развивается у ребенка значительно позже, что ребенокъ младшаго возраста мыслить чисто реалистически, не иначе какъ конкретными, реальными образами. А здѣсь, въ вопросѣ со сказками, допускается двойная ошибка противъ психологіи ребенка. Мало того, что ребенку предлагаютъ отвлеченіе, символы, образы,—ему предлагаютъ символикъ того, чего онъ еще совсѣмъ не знаетъ. Вѣдь, казалось бы, раньше надо ясно усвоить себѣ опредѣленные, конкретные образы, а потомъ уже подняться до отвлеченія, символизаціи.

Кто знаетъ море, воспринималъ всѣмъ существомъ своимъ его могучее вліяніе, видѣлъ его въ тихую и бурную погоду—тотъ можетъ понимать и отвлеченіе—могучее царство морское, гнѣвный морской царь, ласковая дочь морского царя и т. д. Но для маленькаго ребенка, который никогда ничего этого не видѣлъ—развѣ могутъ для него всѣ эти образы представлять собою что-нибудь, кромѣ пустого звука, слова безъ содержанія? Маленькіе пятилѣтки—это такіе упорные реалисты, которые никакой символикѣ не воспринимаютъ. Для нихъ всѣ сказочные образы существуютъ совсѣмъ не въ отвлеченіи, а чисто реалистически.

Дѣдъ-морозъ—это совсѣмъ не олицетвореніе зимы, а самый настоящій дѣдушка съ подлинной реальною бородой и въ настоящей вещественной шубѣ. Одинъ мой знакомый мальчуганъ, рассказываетъ Елачичъ, такъ однажды даже и повстрѣчался съ самимъ дѣдомъ морозомъ, подметавшимъ улицу большою метлою и оказавшимся, къ сожалѣнію, только дворникомъ въ тулупѣ.

Говорятъ о живости воображенія ребенка, которому легко преодолѣть всѣ затрудненія сказочной фантастики. Правда, говоритъ Елачичъ, дѣтское воображеніе живо и богато. „Стулъ, изображавшій горячую лошадь, при смѣлѣхъ игры можетъ моментально стать лодкой или вагономъ. Всѣ эти перемѣны происходятъ такъ просто и быстро. Но тѣмъ не менѣе, все это неизмѣнно реальныя образы, все это воображеніе, построенное на какомъ-нибудь чисто реальномъ, чаще всего вещественномъ объектѣ, все это воображеніе исчерпывается комбинированіемъ лично ребенкомъ воспринятыхъ реальныхъ образовъ и представленій“.

Изъ сказаннаго понятно, что такимъ дѣтять сказки не подходятъ. Впрочемъ среди сказокъ можно выдѣлить группу болѣе простыхъ—сказки о предметахъ и о растеніяхъ и въ особенности сказки о животныхъ. Вотъ *только* изъ числа этой группы, говоритъ Елачичъ, „и можно выбрать нѣсколько сказокъ, вполне подходящихъ, какъ чтеніе для маленькихъ дѣтей. И чѣмъ сказка проще, чѣмъ въ ней меньше отвлеченій и больше самыхъ реальныхъ конкретныхъ образовъ, тѣмъ она болѣе приемлема для ребенка и, быть можетъ, самая лучшая сказка для маленькихъ дѣтей будетъ та, въ которой все реально, кромѣ нѣкоторой перестановки свойствъ отъ одного существа къ другому“.

Съ этой точки зрѣнія одною изъ лучшихъ сказокъ для маленькихъ дѣтей представляется знаменитая сказка „Про дѣдку и рѣпку“. „Въ ней все понятно, все реально. Сказочность заключается лишь въ нѣкоторой утрировкѣ размѣровъ рѣпки и въ помощи со стороны животныхъ—собачки и кошки“. Въ сказкѣ этой есть добавленіе, котораго нѣтъ въ Афанасьевскомъ народномъ подлинникѣ: „позвала кошка на помощь мышку“. Елачичъ противъ этого добавленія. Сказка должна имѣть свою сказочную правду и указаннымъ

добавленіемъ эта правда нарушается. Неестественно, чтобы мышка пришла на помощь кошке, кошка врагъ мышки даже въ сказкѣ.

Всѣмъ сказаннымъ, какъ видимъ, Елачичъ вовсе не отрицаетъ сказку въ качествѣ матеріала для дѣтскаго чтенія. „Я упорно отмѣчаю, говоритъ онъ, что имѣю здѣсь въ виду только самыхъ маленькихъ дѣтей“. Потомъ съ возрастомъ, съ расширеніемъ общаго умственного развитія и съ обогащеніемъ ума представленіями, потомъ дѣти смогутъ понимать и отвлеченныя мысли, и символы, и аллегоріи, потомъ они смогутъ исполнѣ понять и сказку.

Итакъ, вопреки прежнему взгляду, по Елачичу, выходитъ, что количество сказокъ должно быть не обратно, а прямо пропорціонально возрасту читателей. Чѣмъ меньше дѣти, тѣмъ и сказокъ они должны получать меньше.

Въ словахъ г. Елачича много справедливаго, поскольку онъ выступаетъ противъ злоупотребленія сказками. Но исполнѣ согласиться съ его доводами нельзя. Въ этомъ случаѣ, какъ на защитника ранняго знакомства ребенка со сказками, можно указать на Д. Селли. („Очерки по психологіи дѣтства“). Дитя, говоритъ онъ, не должно быть совершенно лишено сказокъ, доступъ же въ страну сказокъ возможенъ для ребенка тогда, когда ключъ языка уже находится въ его рукахъ, ибо самая дѣятельность воображенія зависитъ отъ того, въ какой степени слова (слышимыя ребенкомъ въ сказкѣ) связаны съ представленіями, насколько сильный толчекъ они даютъ воображенію. Кругъ реальныхъ представленій маленькаго ребенка, конечно, не обширенъ, но при этомъ, говоритъ Селли, нельзя слишкомъ низко оцѣнивать то дѣйствіе, которое слова непосредственно оказываютъ на дѣтскую душу; эта душа гораздо болѣе чутка и воспримчива, чѣмъ мы обыкновенно полагаемъ. Для юныхъ душъ, быстро создающихъ образы и не умѣющихъ отвлеченно мыслить, слова являются не мертвыми символами мысли, но истинно живыми. Вотъ почему можно утверждать, продолжаетъ Селли, что „для уха маленькаго ребенка произнесенное слово обладаетъ, какъ звукъ, такую же непосредственной объективной реальностью, какую онъ приписываетъ всѣмъ чувственнымъ воспріятіямъ, такъ что

произнесенное названіе предмета для него въ нѣкоторомъ смыслѣ есть то же, что и наличность этого предмета. Во всякомъ случаѣ слова въ качествѣ чувственныхъ воспріятій сильно возбуждаютъ дѣятельность дѣтскаго воображенія, вызывая особенно живыя представленія о названныхъ предметахъ. Въ этомъ случаѣ при помощи какого-то таинственнаго дѣтскаго искусства маленькая головка самостоятельно распутываетъ выслушиваемую сказку, сводя слышимое на одно только то, что просто и понятно, и не нуждаясь въ нашихъ объясненіяхъ. Селли приводитъ въ примѣръ эпизодъ съ одной матерью, которая, читая своему шестилѣтнему сыну какое-то стихотвореніе, сказала: „Я боюсь, что ты не поймешь этого, мой милый“, на что получила такую отвѣдь: „Нѣтъ, мама, я очень хорошо пойму все, если только ты не станешь мнѣ объяснять“.

Конечно, правъ Елачичъ, указывая на неспособность маленькихъ реалистовъ къ отвлеченію, къ постиженію символа сказки и, значитъ, ея смысла. Но символъ въ сказкѣ играетъ далеко не первенствующую роль. Сказка это прежде всего олицетвореніе, а олицетвореніе, оживленіе не есть еще символизация, отвлеченіе. Анимизмъ—вотъ главный элементъ сказки. А въ анимистическихъ способностяхъ ребенку, кажется, нельзя отказать.

Наконецъ здѣсь нужно обратить вниманіе и на то, что по даннымъ, почерпаемымъ изъ наблюденій надъ дѣтьми—эти послѣднія начинаютъ рано интересоваться сказками, и съ возрастомъ этотъ интересъ постепенно понижается.

Природѣ здороваго ребенка, живущаго активно всѣми способностями своей маленькой, но богатой силами души, пишетъ А. М. Калмыкова, не свойственно противопоставлять сказочное, воображаемое—реальному. Онъ слишкомъ мало еще знакомъ съ причинною связью явленій, съ законами природы. Все для ребенка, для его широко открытыхъ глазъ равно интересно, равно „чудесно“ въ этомъ впервые предъ нимъ открывающемся мірѣ. Вопросы ребенка 5—6 лѣтъ: „а это правда?“—„можетъ это быть?“ мнѣ кажется—или отголосокъ данныхъ нами взрослыми неудачныхъ объясненій и разсужденій о дѣйствительномъ и вымышленномъ, или показатели душевной вялости, того, что разсказанное не за-

хватило души ребенка, не переживалось имъ. У ребенка живого, слушающего хорошую сказку, хорошо по дѣтски играющего, такихъ вопросовъ быть не можетъ. *Что такое вся дѣтская игра какъ не удивительное сочетаніе реальнаго и воображаемаго.* Ребенокъ отлично знаетъ, что его кукла, лошадка не совсѣмъ живыя, что комната—не лѣсъ, стулья—не экипажъ, не поѣздъ, коверъ—не плоть, не лодка, полъ—не рѣка, но это не мѣшаетъ игрѣ съ этими предметами, какъ съ живыми, настоящими. И когда стулья оказываются нужными въ столовой въ часъ завтрака или обѣда, а коверъ въ гостиной долженъ быть спѣшно очищенъ отъ *охотничьяго груза* въ виду неожиданнаго прихода гостей, какъ больно ощущается дѣтьми это вторженіе разумной дѣйствительности, какими криками и капризами защищаютъ играющіе свои лодки, экипажи, свой лѣсъ... въ глубинѣ души сознавая, что взрослые по своему правы, но только по своему, и не менѣе правы они, играющіе, защищая свое достоинствѣ. Прекрасное подтвержденіе сказаннаго можно находить въ воспоминаніяхъ С. Аксакова. „Съ какимъ ненасытнымъ любопытствомъ, говоритъ онъ, читалъ я сказки и въ то же время зналъ, что все это выдумка, настоящая сказка, что этого нѣтъ на свѣтѣ и быть не можетъ. Гдѣ же тайна такого очарованія? Я думаю—въ страсти къ чудесному, которая болѣе или менѣе врождена всѣмъ дѣтямъ и которая у меня не обуздывалась разсудкомъ“ („Дѣтскіе годы Багрова внука“). „Сказки интересны, хотя я знаю, что въ нихъ все неправда“, такими мыслями дѣлится 10-ти лѣтняя школьница съ дежурною по школѣ ученицею педагогич. класса (Изъ школн. дневниковъ).

По вопросу о томъ, какъ поступить, когда ребенокъ не вѣритъ несообразностямъ сказки и требуетъ объясненій, даютъ иногда такіе совѣты: сказать ребенку, что такъ бывало прежде, давно, а теперь этого уже не бываетъ (Е. Травлинская, В. и Обуч. 1895). Но едва-ли слѣдуетъ прибѣгать къ такимъ приемамъ. Лучше понятнымъ образомъ объяснить ребенку сущность сказочнаго олицетворенія: вѣтеръ поетъ, тростникъ говоритъ—конечно, этого не бываетъ; но вѣдь и игрушки твои не говорятъ, не спятъ, не ѣдятъ, а это не мѣшаетъ тебѣ говорить съ ними, угощать ихъ.

III.

Желательны ли сказки съ педагогической точки зрѣнія?

Говорятъ, что сказки вредны, такъ какъ онѣ развиваютъ неправильно фантазію и мѣшаютъ развитію правильныхъ реальныхъ представленій ребенка, мѣшаютъ правильному познанію дѣйствительности. Подобныя утвержденія возможны только въ томъ случаѣ, если къ сказкѣ подходитъ съ точки зрѣнія интеллектуальной, смотрѣть на сказку, какъ на источникъ сужденій ребенка объ окружающемъ мірѣ. Но смотрѣть такъ на сказку нельзя. Достаточно небольшой наблюдательности, чтобы видѣть, что дѣтей въ сказкѣ привлекаетъ не интеллектуальная сторона (для удовлетворенія интеллектуальныхъ запросовъ ребенка есть другіе пути), а сторона эмоціональная, тѣ чувства и переживанія, какія волнуютъ ребенка, слушающего и читающего сказку.... „Слушаю я сказку—сердце такъ и мретъ“, вспоминаетъ Суриковъ въ своемъ „Дѣтствѣ“. Этимъ именно фактомъ и объясняется пристрастіе дѣтей къ любимымъ сказкамъ; въ сказкѣ все уже извѣстно, новаго она ничего не скажетъ, и все таки ребенокъ съ неослабѣвающимъ вниманіемъ готовъ снова и снова слушать ее. При этомъ слѣдуетъ обратить вниманіе и на тотъ фактъ, что ребенокъ повидимому даже и не допускаетъ новизны въ любимой сказкѣ: онъ не позволяетъ ни малѣйшихъ отступленій, никакой варіаціи въ своей сказкѣ, требуя, чтобы и въ сотый разъ сказка рассказывалась такъ же точно, какъ она рассказывалась девятно девять разъ. Конечно, слѣдуетъ избѣгать сказокъ, вызывающихъ слишкомъ жуткое настроеніе, страхомъ щекочущихъ нервы ребенка и тѣмъ захватывающихъ его; впрочемъ, объ этомъ будетъ ниже.

Итакъ, сказка не ставитъ своею цѣлью ознакомленіе ребенка съ дѣйствительностью, для этого, какъ сказано, есть другіе пути, другіе виды чтенія. Но, можетъ быть, сказка загромождастъ для ребенка эти другіе пути, лишаетъ ихъ надлежащей дѣйственности, вводя ребенка въ иллюзорныя сферы, мѣшаетъ правильному восприниманію имъ дѣйствительности.

Уже было сказано, что дѣти не смѣшиваютъ сказки съ дѣйствительностью, не считаютъ сказочнаго міра дѣйстви-

тельно существующимъ; а потому сказка не мѣшаетъ ихъ воспріятію дѣйствительности точно такъ же, какъ намъ—взрослымъ созерцаніе театральныхъ декораций не мѣшаетъ считать солнце солнцемъ, а не мѣднымъ кружкомъ, вставленнымъ въ полотняное небо. Театръ—одно, сказка—одно, а жизнь и дѣйствительность—другое.

Любопытныя указанія того, что сказка можетъ дать ребенку, мы находимъ въ воспоминаніяхъ матери Гете—Екатерины Гете—о дѣтствѣ ея Вольфганга. Она любила рассказывать своимъ дѣтямъ сказки, которыми и сама увлекалась не меньше дѣтей. — „Воздухъ, огонь, землю, воду я представляла въ видѣ принцессы, всѣмъ явленіямъ стихійнымъ придавала особый сказочный смыслъ. Рассказывала о путяхъ, ведущихъ отъ одной звѣзды къ другой, о нашемъ будущемъ переселеніи на звѣзды, о великихъ геніяхъ, съ которыми мы тамъ встрѣтимся... Я рассказывала, а Вольфгангъ слушалъ, уставивъ на меня свои черные глаза, и если судьба кого-либо изъ его сказочныхъ любимцевъ не соотвѣтствовала его ожиданіямъ, онъ былъ недоволенъ, жилы напрягались на его вискахъ, и онъ глоталъ слезы, прерывая иногда рассказъ: „Но, мама, принцесса не выйдетъ за сквернаго портного, даже если онъ убьетъ великана!“ Когда за позднимъ часомъ окончаніе рассказа откладывалось, то я была увѣрена, что онъ станетъ дѣлать разныя предположенія о томъ, что будетъ дальше, и надо было видѣть, съ какимъ энтузіазмомъ слушалъ Вольфгангъ, какъ глаза его сіяли восторгомъ, когда его предположенія оправдывались“. Вотъ почему Гете потомъ и говорилъ, что именно своей матери онъ былъ обязанъ главнымъ въ своей жизни, что отъ нея онъ получилъ *froh Natur und Lust zu fabulieren*. Изъ біографіи Лермонтова тоже видно, что его творческое воображеніе развилось въ значительной степени подъ вліяніемъ тѣхъ сказокъ, какія ему рассказывала его бонна-нѣмка Христина Осиповна Ремеръ.

Всю сказочную литературу можно подѣлить на двѣ категоріи—народныя сказки и сказки искусственныя, являющіяся плодомъ индивидуальнаго творчества того или иного писателя. Ко всѣмъ сказкамъ второй категоріи вполнѣ можетъ быть приложено названіе волшебныхъ, названіе,

прекрасно характеризующее ихъ сущность. Главный элементъ, дѣлающій эти произведенія именно сказками — это фантастичность содержанія; безъ этого элемента онѣ превратились бы въ простые очерки и рассказы. Общее воспитательное значеніе такого рода сказокъ по сравненію съ народными значительно меньше.

Что касается до сказокъ народныхъ, то онѣ имѣютъ огромное значеніе. Народная сказка знакомитъ ребенка съ бытомъ народа, передаетъ ему народное міросозерцаніе и при томъ въ доступной для ребенка формѣ.

Далѣе—сказка воспитываетъ въ дѣтяхъ привычку различать добро и зло, любить первое и ненавидѣть второе, является источникомъ нравственныхъ привычекъ, воспитываетъ любовь къ правдѣ, создаетъ гуманное настроеніе. Изображая жизнь людей и животныхъ въ самыхъ характерныхъ ихъ положеніяхъ, сказка возбуждаетъ состраданіе къ слабому, несчастному, обиженному, вызываетъ отвращеніе къ лицемерію, лжи, коварству, насилію—вообще къ неправдѣ, злу. Изъ сказокъ дѣти безсознательно какъ бы впитываютъ въ себя идею торжества добра и правды. По мнѣнію А. М. Калмыковой, сказка является единственнымъ проводникомъ высшихъ чувствъ и понятій, къ которымъ безсознательно, но сильно стремится душа каждого здороваго ребенка; сказка—источникъ эмоций, которыхъ не могутъ еще дать дѣтямъ впечатлѣнія обыденной жизни. Взять хотя бы высокую и трудную идею стремленія души человѣческой къ идеальной красотѣ. Эта идея просто и легко проводится въ сознаніе ребенка сказками „О серебряномъ блюдечкѣ и наливномъ яблочкѣ“ и „Аленькій цвѣточекъ“.

Наконецъ, сказки, развивая фантазію ребенка, воспитываютъ его эстетически; развиваютъ въ немъ любовь къ родной природѣ, родной поэзіи; развиваютъ также даръ мѣткого, образнаго слова, находчивость. Примѣръ такого благотворнаго вліянія сказки на ребенка мы видимъ въ сказкахъ Арины Родіоновны Пушкину.

Въ виду сказаннаго понятно, какое огромное воспитывающее значеніе имѣютъ народныя сказки, особенно сказки родного народа, особенно русская народная сказка для русскихъ дѣтей. Русская народная сказка, говоритъ одинъ изъ

слѣдователь, по своей простотѣ, живости, картинности, по глубинѣ жизненной и идейной правды должна занять одно изъ первыхъ мѣстъ среди сказокъ всего міра. Тутъ же умѣстно припомнить, правда, нѣсколько парадоксальныя слова Лермонтова, по которому въ русскихъ народныхъ сказкахъ больше поэзія, чѣмъ во всей французской словесности.

Но придавая большое воспитывающее значеніе народнымъ сказкамъ и признавая ихъ желательнымъ матеріаломъ для дѣтскаго чтенія, все же, вводя ихъ въ дѣтскую бібліотеку, нужно соблюдать большую осторожность.

Прежде всего народные сказки должны оставаться въ своемъ подлинномъ видѣ, не искажаясь искусственными передѣлками. Сказки хороши только въ томъ видѣ, какъ ихъ создалъ народъ—говорилъ еще Вѣлинскій. Передѣлка лишаетъ сказки той простоты и плавности разсказа, которыя составляютъ важнѣйшія достоинства народныхъ произведеній; изъ сказокъ пропадаетъ духъ, характеръ народности и вносится въ нихъ фальшивый элементъ. Между прочимъ Θεоктистовъ въ своей книгѣ указываетъ одинъ очень любопытный признакъ подлинности народной сказки: полное отсутствіе въ ней описаній природы. И вотъ почему. Природа въ сказкѣ сама—дѣйствующее лицо; она живетъ въ томъ или другомъ героѣ: въ кощѣѣ, бабѣ-ягѣ, змѣѣ-горынычѣ, царь-дѣвницѣ, даже въ неодушевленныхъ предметахъ и вещахъ: живой и мертвой водѣ, скатерти-самобранкѣ, волшебномъ прутикѣ и т. п.

Но съ другой стороны и въ своемъ народномъ первоисточникѣ сказка постепенно портилась, воспринимая вредные элементы. Первобытная наивность въ ней часто уступала мѣсто элементамъ грубости, циничности, содержаніе сказокъ вульгаризировалось. Такъ взять хотя-бы изъ книги Аванасьева („Русскія дѣтск. сказки“) сказки: „Вороватый мужикъ“, „Солдатскія проказы“, „Мудрые отвѣты“; обманъ, мошенничество, плутовство въ этихъ сказкахъ изображаются, какъ что-то положительное, возводятся въ своего рода идеалъ.

Къ числу позднѣйшихъ вредныхъ наслоеній въ народныхъ сказкахъ нужно относить и обиліе пугающей дѣтей чертовщины и прочихъ страховъ (мертвецы, медвѣдь съ

деревянною ногой, отыскивающей свою отрубленную ногу, и проч.). Вредъ страшныхъ сказокъ доказывалъ еще Локкъ. Послѣдствія ихъ на себѣ испыталъ Фонъ-Визинъ. „Приѣжавшій изъ нашей деревни мужикъ, разсказываетъ онъ о своемъ дѣтствѣ, сказывалъ намъ сказки и такъ настраивалъ меня мертвецами и темнотою, что я до сихъ поръ неохотно одинъ остаюсь въ потемкахъ“. То же говоритъ Гончаровъ.— „Сказка не надѣ одними дѣтьми, но и надѣ взрослыми до конца жизни сохраняетъ свою власть. Если съ возрастомъ пропадаетъ самая вѣра въ призраки, то остается какой-то осадокъ страха и безотчетной тоски. Обломовъ и увидитъ послѣ, что просто устроенъ міръ, что не встаютъ мертвецы изъ могилы, что нѣтъ бѣды отъ чудовищъ, но все-таки на каждомъ шагу онъ ждетъ чего-то страшнаго и боится. И теперь еще, оставшись въ темной комнатѣ или увидя покойника, онъ трепещетъ отъ зловѣщей, въ дѣтствѣ зароненной въ душу тоски. Смѣясь надѣ страхами своими по утру, онъ опять предѣ ними блѣднѣетъ вечеромъ“.

Все эти вредные элементы въ народныхъ сказкахъ, являющіеся ихъ позднѣйшими наслоеніями, и нужно изгонять изъ сферы дѣтскаго чтенія; но не нужно при этомъ искажать народныхъ сказокъ передѣлкою, а только не давать неподходящимъ народнымъ сказкамъ мѣста въ сборникахъ сказокъ для дѣтей.

Если не прямо вреднымъ, то чрезвычайно сомнительнымъ и спорнымъ является распространеннѣйшій мотивъ въ нашихъ сказкахъ—объ Иванушкѣ-Дурачкѣ. Этотъ сказочный мотивъ потребовалъ даже специальныхъ изслѣдованій, съ такими изслѣдованіями и выступаетъ г. А. Смирновъ-Кутачевскій ¹⁾.

По мнѣнію послѣдняго, народъ высоко цѣнитъ этого своего убогаго героя. Любовно, заботливо, словно художникъ любимое твореніе, лепѣя, какъ мать несчастное дѣтище, создавалъ народъ въ теченіе вѣковъ и поколѣній своего запечника—Иванушку, воплощая въ немъ свои задушевные

¹⁾ См. его кн. „Иванушка-Дурачокъ“, СПб. 1912 и его же статьи: „Иванушка-Дурачокъ въ русск. художеств. литературѣ“, Р. Мысль, 1908, 2; „Иванушка-Дурачокъ“, Вопр. Жизни, 1905, дек.

думы о смыслѣ жизни, о задачахъ бытія, о правдѣ и кривдѣ и о житейской борьбѣ, о кровавыхъ пораженіяхъ и свѣтлой побѣдѣ. Частіе, въ Иванушкѣ-Дурачкѣ г. С. Кутачевскій видитъ: воплощеніе культурной проблемы, при чемъ Иванушка сближается съ Лаврецкимъ, Пьеромъ Безухимъ и Гриневымъ (простота и непосредственность); натуралистической проблемы, Иванушка сближается съ Тургеневскимъ Касьяномъ съ Красивой Мечи (идея человѣка, живущаго одною жизнью съ природой); психологической, — Иванушка сближается съ княземъ Мышкинымъ изъ „Идіота“ Достоевскаго (идея дѣтской безхитрости, дара интуитивнаго прозрѣнія въ тайны человѣческой души); моральной — идея безкорыстной и самоотверженной помощи другимъ („Дуракъ“ Лѣскова) и наконецъ — проблемы историко-соціальной, когда въ Иванушкѣ-Дурачкѣ олицетворяется низшее крестьянское сословіе, олицетворяется „мужикъ“, который, хотя и „сѣръ“, но умъ у него не волкъ съѣлъ“ и который въ концѣ концовъ окажется разумнѣе своихъ старшихъ братьевъ — умниковъ. Увлекается сказочнымъ Иванушкой и А. М. Калмыкова. Въ русскихъ народныхъ сказкахъ, говоритъ она, образъ Ивана-Дурака занимаетъ первое мѣсто. Кто же они — эти сказочные дураки и дурочки. Это — униженные, обиженные, осмѣянные, тѣ послѣдніе, которые станутъ первыми. Они — носители искры Божіей, гениальности. Они — чудачки, оригиналы, искатели добра, правды, красоты, которымъ чужда будничная суета, стремленіе къ наживѣ, обогащенію. Народное сознаніе рѣзкими чертами отмѣтило, что „дуракъ“ во всемъ прямая противоположность своекорыстнымъ умникамъ и для этого изобразило „дурака“ въ грязномъ платьѣ, измазанномъ сажей и пепломъ, такъ какъ мѣсто ему въ родномъ домѣ не въ красномъ углу съ братьями и гостями, а за печкой. Русская литература имѣетъ право такъ же гордиться идеальнымъ типомъ, художественнымъ образомъ Ивана-Дурака, какъ испанская литература со временъ Сервантеса образомъ Донъ-Кихота. Смѣшное, дурачливое въ подробностяхъ русской сказки такъ же мало мѣшаетъ величію духовнаго облика Ивана-Дурака, какъ комическое во внѣшности и поступкахъ — образу благороднаго рыцаря Ламанскаго.

Совершенно иной взглядъ на сказку объ Иванушкѣ мы находимъ у Гончарова. Недоступная ребенку въ своемъ философско-историческомъ смыслѣ, эта сказка является для него повѣствованіемъ о волшебной странѣ, гдѣ „текутъ рѣки меда и молока, гдѣ никто круглый годъ ничего не дѣлаетъ, а день-деньской только и знаютъ, что гуляютъ все добрые молодцы... Тамъ есть и добрая волшебница, которая изберетъ себѣ какого-нибудь любимца, тихаго, безобиднаго, другими словами — какого-нибудь *лнтя* (Иванушка-дурачокъ), котораго все обижаетъ, да и осыплетъ его, *ни съ того, ни съ сего*, разнымъ добромъ, а онъ, знай, кушаетъ себѣ да наряжается въ готовое платье, а потомъ женится на какой-нибудь неслышанной красавицѣ — Милитрисѣ Кирбитъ-евнѣ“ („Сонъ Обломова“). Для натуръ апатичныхъ, вродѣ Обломова, такіа сказки были бы положительнымъ ядомъ.

Нельзя, конечно, отрицать того значенія сказочнаго мотива объ Иванушкѣ-Дурачкѣ, какое установлено выше, но нельзя также забывать и того, что едва-ли все здѣсь можетъ быть настоящимъ образомъ понято дѣтьми; слѣдуетъ признать, что въ словахъ Гончарова много справедливаго. Вотъ почему, не изгоняя изъ сказочной литературы мотива объ Иванушкѣ-Дурачкѣ, все же къ этому мотиву нужно относиться осторожно, не оставляя здѣсь ребенка безъ своего руководства.

IV.

Переходя къ *обозрѣнію существующей сказочной литературы*, остановимся сначала на *народныхъ* сказкахъ и въ частности — на *русскихъ*.

Первымъ собирателемъ и издателемъ русскихъ народныхъ сказокъ для дѣтей былъ въ 40-хъ годахъ Казакъ Луганскій (Даль); затѣмъ въ 50-хъ годахъ выступаетъ Аванасьевъ. Полное собраніе народныхъ сказокъ въ 4-хъ томахъ было имъ выпущено въ изданіи Солдатенкова („Народныя русскія сказки“). Но это изданіе преслѣдуетъ цѣли научныя, а не педагогическія, полноту, а не доступность дѣтямъ; поэтому сюда входитъ много элементовъ, неумѣстныхъ для дѣтей (вульгаризмъ, цинизмъ, обиліе чертовщины), и давать это изданіе въ руки дѣтямъ не слѣдуетъ. Въ значительной

степени пригоднымъ для дѣтей можно признать другой сборникъ Аванасьева „Русскія дѣтскія сказки“, въ изданіи „Сотрудника Школѣ“, съ иллюстраціями Н. Каразина, ц. 1 руб. 75 к. Стремясь устранить вредныя для дѣтей сказки, остальные сборники передаетъ въ ихъ подлинномъ, неприкрашенномъ видѣ, сохраняя и неподдѣльные образы, и языкъ народный. Нельзя не видѣть, конечно, въ этомъ большого достоинства сборника. Впрочемъ, и сюда успѣли проникнуть нѣкоторыя сказки сомнительнаго характера, отмѣченныя раньше (см. стр. 31).

Во всѣ дальнѣйшія изданія русскихъ сказокъ находятся, такъ сказать, въ матеріальной зависимости отъ Аванасьева, черпая у него собранные имъ матеріалы. Лучшими изъ такихъ изданій слѣдуетъ признать: *О. Роговой* „Русскія сказки для маленькихъ дѣтей“. Изд. Ступ. 1905, съ рис., ц. 1 р. 25 к.; *И. Теохтистова* „Русскія народн. сказки“. Изд. Ледерле, 1895, съ рис., ц. 1 р.; *его же* Русскія народн. басни и сказки о звѣряхъ, Изд. Ледерле, 1895, ц. 1 р. 25 к.; *Н. Тулунова* „Родныя сказки“. Изд. Сыт. ц. 1 р. и отдѣльн. выпускъ по 15 к.; *О. Корочевской* „Народныя русскія сказки“, съ рис. Е. Бемъ, СПБ. 1900, ц. 50 к.; *Ступина* (издан.) „Сказки русскаго народа“, подъ ред. В. Гатцука, съ рис. 20 вып., ц. по 25 к., 4 т. ц. по 1 р. 50 к. И вниманіе къ дѣтскимъ интересамъ, и бережное отношеніе къ источнику характеризуютъ эти сборники. Пересказъ малорусскихъ сказокъ мы имѣемъ въ книгѣ *Г. Данилевскаго* Украинскія сказки, изд. Сувор. 1889, ц. 20 к.

Дальше идутъ передѣлки сказокъ какъ въ прозѣ, такъ и въ стихахъ. Первые по сравненію со вторыми имѣютъ то достоинство, что ближе стоятъ къ оригиналу. Стихотворныя же передѣлки имѣютъ значеніе только при исключительномъ талантѣ автора (какъ Жуковский, Пушкинъ) и именно въ силу авторской талантливости; въ остальныхъ же случаяхъ, при возможности для дѣтей ознакомиться со сказками въ ихъ близкомъ къ подлиннику видѣ, подобныя передѣлки даже и при своей безвредности должны быть признаны лишними въ дѣтской библіотекѣ (вѣдь, не однѣ сказки должны составлять чтеніе ребенка).

Жуковский В. А. Котъ въ сапогахъ, Война мышей и лягушекъ, изд. Сыт. съ рис., ц. 30 к.; Сказка объ Иванѣ царевичѣ и Сѣромъ волкѣ, изд. Сыт. съ рис. ц. 40 к.; Сказка о спящей царевнѣ и семи богатыряхъ, изд. Сыт. съ рис. ц. 30 к.; Сказка о царѣ Берендѣѣ, съ рис. изд. Сыт. ц. 30 к.; Овсяный кисель, изд. Сыт. съ рис. ц. 30 к.

Пушкинъ А. С. Сказки—о царѣ Салтанѣ, Рыбакѣ и рыбкѣ, Мертвой царевнѣ, Золотомъ пѣтушкѣ, рис. въ краск. Бартрама, изд. Павлен-

кова, ц. 1 р. 25 к. Изд. Ступ. подъ ред. Авенариуса, М. 1889, ц. 1 р.; Сказка о рыбацѣ и рыбкѣ, изд. Сувор. съ рис. Малышова, ц. 60 к.; изд. Крест. календ. съ рис. Афанасьева, ц. 40 к.; Сказка о царѣ Салтанѣ, съ рисун. Курдюмова, изд. Сыт. ц. 60 к.

Изъ другихъ свободныхъ передѣлокъ народныхъ сказокъ можно указать въ прозѣ: *Н. Ахшарумовъ*, Русскія сказки для дѣтей (СПБ. 1880, ц. 2 р.) и (значительно слабѣе) Народныя русскія сказки въ изложеніи *П. Полевого* (изд. Вольфа, съ рис. Попова, ц. 1 руб.); стихотворныя передѣлки: *А. Брячаниновъ*, Русскія народныя сказки въ стихахъ (СПБ. 1885, ц. 2 р. 50 к.); *В. Водовозовъ*, Русскія сказки въ стихахъ (СПБ. 1883, ц. 1 р. 50 к.; слабѣе первой кн.); *А. Кругловъ*, Иванушка-Дурачокъ, (съ силуэт. Каразина, СПБ. 1883, ц. 50 к.); *В. Авенариусъ*, Дѣтскія сказки (изд. Луковник. 1901, ц. 1 р. 25). Изданія сказокъ для маленькихъ дѣтей см. въ отдѣлѣ о чтеніи дѣтей младш. возраста.

Большое воспитывающее значеніе имѣютъ и *сказки другихъ народовъ*; вводя ребенка въ пониманіе духа и быта этихъ народовъ, онѣ расширяютъ его міросозерцаніе. Наибольшею популярностью у насъ пользуются *нѣмецкія* сказки, собранныя бр. *В. и Я. Гриммами*. Преслѣдуя, какъ и наше Аванасьевское собраніе, цѣли научно-этнографическія, въ полномъ видѣ сказки эти не могутъ служить дѣтскимъ чтеніемъ; изданіе для дѣтей—*Kinder und Hausmärchen*. Изъ русскихъ изданій заслуживаютъ вниманія: въ переводѣ подъ ред. *П. Полевого*, съ рис. Ф. Гротъ-Юганна и Р. Лейнвебера, изд. Маркса, 1895, ц. 4 р., лучшее изд.—ц. 12 руб.; въ переводѣ *Е. Снесаровой*, СПБ. 1885, ц. 3 р. Прекрасное и интересное содержаніе сказокъ, проникнутыхъ началами гуманности, производитъ сильное впечатлѣніе на дѣтей и въ этихъ изданіяхъ вполнѣ гармонируетъ съ хорошимъ легкимъ переводомъ. Въ цѣляхъ индивидуализаціи чтенія дѣтьми сказокъ слѣдуетъ обратить вниманіе на изданія отдѣльными брошюрами (Клюкина, Павленкова, Кнебеля), гдѣ даются или отдѣльныя сказки, или группами по возрастамъ читателей.

Такъ же популярны, хотя по своей излишней фантастичности не такъ полезны *арабскія* сказки „Тысяча и одна ночь“. Помимо фантастичности въ нихъ есть элементы и положительно вредныя, неудобныя для дѣтскаго чтенія и потому этихъ сказокъ дѣтямъ не слѣдуетъ давать въ переводѣ Ю. Дюппельмайера (изд. Кушнерева), гдѣ эти элементы—на лицо. Болѣе подходящими для дѣтей эти сказки можно

признать въ изложеніи А. Афанасьева-Чужбинова (изд. Вольфа ц. 1 р. 50 к. и (слабѣ) въ обработкѣ А. Энгельгардта (изд. Девриена, ц. 3 р.).

Изъ изданій сказокъ другихъ народовъ еще можно указать: А. Соколовъ, Славянскія сказки (собраны сказки какъ западныхъ, такъ и балканскихъ славянъ; съ рис. Микѣшина, изд. Девр. ц. 2 р.); С. Грундвигъ, Датскія сказки (есть отдѣлъ юмористическихъ сказокъ; по мѣстамъ въ это изданіе вкрадываются нежелательные вульгарные элементы, СПб. 1878, ц. 1 р.); О. Аниксинъ, Мордовскія народныя сказки (СПб. 1908, ц. 50 к.); П. Асбьерсенъ, Норвежскія сказки (пер. Макаровой, изд. Вольфа ц. 3 р. 50 к.; вкрадываются сюда и нежелательные элементы).

Переходимъ къ сказкамъ *искусственнымъ*. Фантастическій элементъ, занимая здѣсь двойное положеніе, даетъ основаніе дѣлить этого рода сказки на двѣ категоріи; именно—онъ является здѣсь или средствомъ для проведенія извѣстной нравственной или популярно-научной идеи, или же является самою цѣлью сказки. Въ первомъ случаѣ, при условіи наличности художественнаго таланта автора, такія сказки могутъ имѣть большее значеніе, во второмъ—онѣ, энервируя ребенка и питая только его фантазію, совершенно излишни. Къ первой категоріи слѣдуетъ отнести Г. Андерсена, Вагнера (Котъ Мурлыка), Жоржъ-Зандъ и Уйда.

Сказки *Андерсена* даютъ такое полное сліяніе фантастическаго съ реальнымъ, что одного безъ другого здѣсь нельзя и представить; яркая картинность, одухотвореніе всей природы составляютъ новую черту ихъ. Наконецъ, фантастическій элементъ служить автору только формою для проведенія своихъ завѣтныхъ убѣжденій, для проведенія началъ гуманности, состраданія ко всѣмъ обиженнымъ, ко всѣмъ несправедливо гонимымъ, страждущимъ. Искренняя любовь къ дѣтямъ и глубокое пониманіе ихъ интересовъ, ихъ природы—эти начала также проникаютъ сказки Андерсена. Все это и дѣлаетъ ихъ лучшими художественными сказками. Особенно хороши сказки: „Маргаритка“, „Ель“, „Стойкій оловянный солдатикъ“, „Безобразный утенокъ“, „Соловей“, „Маленькая морская царевна“, „Калоши счастья“, „Колоколъ“, „Ледяница“. Правда, въ сказкахъ Андерсена иногда отмѣчаютъ наличность нѣкоторыхъ неподходящихъ для дѣтей мотивовъ (любовныхъ и др.), но въ цѣломъ нельзя не признать огромнаго литературнаго талан-

та за Андерсеномъ и огромнаго значенія за его сказками. Вотъ какія впечатлѣнія отъ сказокъ Андерсена мы находимъ въ воспоминаніяхъ М. В. Крестовской.—„Милый, старый Андерсенъ... Иногда я беру его старыя пожелтѣвшіе томики и съ наслажденіемъ вчитываюсь въ нихъ. Сколько старыхъ любимцевъ дѣтства встаетъ съ ихъ страницъ! Маленькая русалочка, гадкій утенокъ, красные сапожки—все это приводило когда то въ первые сознательные восторги литературой, создавало любовь къ ней и развивало дѣтское воображеніе... И я жалѣю теперешнихъ дѣтей, незнакомыхъ съ Андерсеномъ; это большой пробѣлъ въ дѣтскомъ умѣ и сердцѣ, въ развитіи и богатствѣ воображенія, невольно черпавшаго оттуда первые идеальные образы. Маленькіе ребята, начитавшись Андерсена, безсознательно проникались прелестью поэзіи, заводили въ душѣ своей цѣлый волшебный міръ и невольно становились поэтами, сами не понимая того. А главное тамъ былъ цѣлый міръ животныхъ, птицъ и насѣкомыхъ, который становился понятнымъ, близкимъ и любимымъ, благодаря сказкамъ стараго дѣдушки, открывавшаго душу этого міра своимъ маленькимъ читателямъ и научавшаго ихъ любить и не бояться его. Я помню, какъ перестала бояться ящерицъ, улитокъ и даже лягушекъ послѣ того, какъ прочла его сказки. Цѣлый новый міръ открылся мнѣ вдругъ, міръ, въ которомъ все стало интересно и поучительно, въ которомъ я разомъ сдружилась съ его многочисленными представителями... И бѣгая въ саду и въ полѣ, я была уже не одна, у меня явилась сотня интересныхъ товарищей, и каждый изъ нихъ рассказывалъ мнѣ свои исторіи, непонятныя и не замѣчаемыя другими... Развили и обогатили мнѣ мое воображеніе милые первые учителя дѣтства волшебники Перро и дѣдушка Андерсенъ“¹⁾.

На русскомъ языкѣ есть много переводовъ Андерсена. Изъ лучшихъ—перев. подъ ред. В. Гатиука „Сказки и повѣсти Андерсена“, изд. Ступ. 1899, 10 вып. ц. по 25 к., 2 т. ц. по 1 р. 50 к. Очень удобна въ данномъ случаѣ „Сказочная бібліотека“ изд. Павленкова, гдѣ сказки, между прочимъ и Андерсена, изданы отдѣльными маленькими брошюрами; здѣсь поэтому есть полная возможность выбирать и давать дѣтямъ только самыя лучшія. Подобныя же изданія Клюкина и Кнебеля.

¹⁾ М. Крестовская. Въ Ольховатомъ. Вѣстн. Евр. 1912, 10.

Тѣми же чертами, какъ и сказки Андерсена, можно охарактеризовать сказки *Н. Вагнера* (Кота-Мурлыки); здѣсь та же красота и художественность, тѣ же идеи гуманности; особенно хороши здѣсь описанія природы („Мила и Нолли“, „Пимперла“). Отъ Андерсена Вагнера отличаетъ то, что у перваго больше тяготѣнія къ морализированію, у Вагнера же больше научно-философской тенденціи: къ свѣту знанія, къ правдѣ зоветъ онъ читателя. Лучшія сказки: „Пѣсни земли“, „Два вечера“, „Швея“, „Береза“, „Колесо счастья“, „Чудный мальчикъ“, „Новый годъ“, „Любовь великая“, „Безъ свѣта“, „Максъ и Волчекъ“. Но при всемъ сказанномъ сказки Вагнера ни въ какомъ случаѣ нельзя признать подходящими для дѣтскаго чтенія, такъ какъ въ нихъ часто затрагиваются темы совершенно недѣтскія и проводится слишкомъ мрачный, безотрадный взглядъ на жизнь. Черезъ всѣ сказки проходитъ настроеніе, которое такъ формулируется авторомъ въ предисловіи къ 3-му изданію сказокъ— „Нашимъ дѣтямъ“. — „Сыро, сѣро, холодно. Со всѣхъ сторонъ сѣрныя, зловѣщія тучи. Когда же настанетъ ясный день, когда проглянетъ свѣтъ сознанія и взойдетъ теплое солнце мира и любви?.. Повсюду бесплодная земля, повсюду мертвыя травы, погибшія въ неравной борьбѣ за воздухъ, за свѣтъ... Миръ вамъ! Труженики бесплоднаго времени! Но мира нѣтъ на землѣ. Кипитъ ожесточенная битва и тьма кругомъ, гнетущая, убійственная тьма! Въ ней человекъ не узнаетъ человека и становится звѣремъ... Когда же проглянетъ теплое солнце сознанія, мира и любви?.. Бѣдные... Вы, которыхъ не согреваетъ этотъ свѣтъ, которымъ приходится на первыхъ порахъ вашей молодой, чуткой жизни пить ту горькую чашу озлобленія, недовольства, которую пьемъ теперь мы—ваши отцы, вы будете свидѣтелями нашей звѣриной безчеловѣчной борьбы... Но настанетъ иной день, проглянетъ иное солнце и очнется бѣдный, связанный человекъ“. А вотъ изъ сказки „Максъ и Волчекъ“; „На землѣ постоянно борются зло и добро, и одно не можетъ быть безъ другого, таковъ удѣлъ земной жизни“. И хотя автору въ будущемъ свѣтятся проблески иной лучшей жизни, царство свѣта, торжество разума,

но осуществленіе этой новой жизни требуетъ страшныхъ жертвъ.

Что касается до сказокъ *Ж. Зандъ* („Бабушкины сказки“, пер. Толивѣровой, СПб. 1893, ц. 2 р.) и *Уйда* (пер. В. Гарпина и др. СПб. 1883, ц. 2 руб.), то въ нихъ идейная разсудочная сторона часто выдвигается настолько, что дѣлается ихъ непонятными, а подчасъ и скучными дѣтямъ.

Другая категорія искусственныхъ — „волшебныхъ“ — сказокъ гораздо многочисленнѣе, она даже можетъ похвалиться обиліемъ матеріала, но изъ этого обилія даже и немногое хорошее выбрать трудно. Фантастическое здѣсь царитъ безраздѣльно. Во главѣ авторовъ подобныхъ сказокъ слѣдуетъ поставить *В. Гауфа*. Онъ приближается къ арабскимъ сказкамъ; не даромъ у него въ сказкахъ фигурируетъ герой Тысячи и одной ночи—Гарунъ аль Рашидъ („Судьба Саида“). Вмѣстѣ съ этимъ у него много фантастически страшнаго, на примѣръ, сказка „Корабль мертвецовъ“. Вотъ почему, не смотря на то, что сказки его изящны и интересны, рекомендовать ихъ дѣтямъ не приходится.

Изъ современной русской искусственной сказочной литературы отмѣтимъ:

В. Авернѣусъ, Дѣтскія сказки. Изд. Луковн. 1901, ц. 1 р. 25 коп. Отдѣльно—„Сказка о пчелкѣ-мохнаткѣ“, ц. 50 к.

С. Аксаковъ, „Аленькій цвѣточекъ“ (народн. сказка). Изд. Г.Пос., съ рис. ц. 30 к.

Д. Маминъ-Сибирякъ, „Аленушкины сказки“. Изд. Библ. Дѣт. Чт. 1900, ц. 1 р.

Его же. „Сказка про славнаго царя Гороха“, съ рис. Бартрама Изд. Д. Тихомир. 1904, ц. 1 р.

В. Гаршинъ, „Лягушка путешественница“, „Сказка о жабѣ и розѣ“, „То, чего не было“. Изд. „Общ. Польз“, ц. 3 к.

К. Баранцевичъ, „Сказки черного таракана“ (въ сборн. „Золотые дни“).

С. Орловскій, „Вечернія сказки“. М. 1909, ц. 1 р.

Е. Чириковъ, Въ царствѣ сказокъ (приключенія маленькаго путешественника), съ рис. Фаусекъ, Изд. Вольфа.

А. Н. Толстой, Сорочьи сказки. СПб. 1910, ц. 1 р.

Дѣтскія книги научно-популярнаго содержанія.

Были эпохи, когда научные вопросы преобладали и даже считались единственно умѣстными въ дѣтской литературѣ. Такъ было на Западѣ въ XVIII в., когда книги „Маленькій натуралист“, „Маленькій астрономъ“, „Маленькій географъ“ и т. п. доминировали въ дѣтской библиотекѣ. Подобное направленіе является, конечно, крайностью, противъ которой справедливо ополчился Бѣлинскій. „Цѣлью дѣтскихъ книгъ, говорилъ онъ, должно быть не столько занятіе дѣтей какимъ-нибудь дѣломъ, сколько развитіе данныхъ имъ отъ природы элементовъ человѣческаго духа—развитіе чувства любви и чувства безконечнаго. Прямое и непосредственное дѣйствіе такихъ книжекъ должно быть обращено на чувства дѣтей, а не на ихъ разсудокъ. Чувство предпосредствуетъ знанію; кто не почувствовалъ истины, тотъ и не понималъ, и не узналъ ея“. Увлеченіе научными вопросами въ дѣтствѣ, по Бѣлинскому, грозитъ въ будущемъ одностороннею ограниченностью разсудочнаго созерцанія жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ, злоупотребляя слишкомъ серьезнымъ матеріаломъ, мы рискуемъ отбить у маленькаго читателя самую охоту къ чтенію.

Конечно, послѣднее можетъ грозить только при злоупотребленіи. Во всякомъ же случаѣ дѣти очень любознательны, ихъ не могутъ не интересовать въ доступной формѣ и научные вопросы, вопросы знанія. Вспомнимъ, съ какимъ интересомъ у Некрасова даже деревенскіе ребята слушаютъ рассказы прохожаго „про Кіевъ, про турку, про чудныхъ звѣрей“. Вотъ почему и научному отдѣлу слѣдуетъ отводить мѣсто въ дѣтской литературѣ.

Главнѣйшими вопросами разсматриваемаго отдѣла являются вопросы природовѣдѣнія, включая сюда и географію, а также вопросы исторіи.

На первомъ планѣ стоятъ вопросы *природовѣдѣнія*¹⁾.

1) С. Холль, Эволюція и воспитаніе чувства природы у дѣтей, СПб 1914; Е. Елачичъ, О чтеніи дѣтьми книгъ по естествознанію. Сборн. стат. по вопрос. дѣт. чт. СПб. 1914; его же Обзоръ сочиненій Э. Сет-Томпсона, Ч. Робертса и В. Лонга. Что и какъ чит. дѣт. 1911—12 № 2 и 7, 1912—13,

Едва-ли нужно много доказывать ту мысль, что дѣти природные естествовѣды, пишетъ одинъ современный педагогъ. Природа вся вообще, особенно же міръ животныхъ близки и дороги ихъ сердцу и уму. Дѣти — друзья животныхъ и любители природы; они чрезвычайно охотно собираютъ всякіе камешки, съ увлеченіемъ играютъ съ животными; не прочь бываютъ ухаживать за ними, съ большимъ интересомъ наблюдаютъ всякаго рода физическія явленія. Это и понятно, такъ какъ дитя прежде всего пробуждается къ душевной жизни и дѣятельности впечатлѣніями природы, книгу природы оно читаетъ прилежнѣе и чаще, на ней, на ея данныхъ растеть и крѣпнеть его умъ (см. П. Каптеревъ, „Основные начала семейнаго обученія“). И этотъ первоначальный интересъ ребенка къ природѣ нужно поддерживать и развивать. Любовь къ природѣ имѣетъ важное значеніе. Люди, любящіе природу, говоритъ Леббокъ, никогда не скучаютъ. Любовь къ природѣ предохраняетъ ихъ отъ придаванія слишкомъ большаго значенія разнымъ мелочамъ жизни. Природа любитъ въ свою очередь тѣхъ, кто ее любитъ, и награждаетъ ихъ радостнымъ и счастливымъ настроеніемъ и душевнымъ спокойствіемъ.

Какія же требованія нужно предъявлять къ дѣтскимъ книгамъ по природовѣдѣнію? Любопытныя разсужденія по этому вопросу мы находимъ у С. Холла. Въ ранней юности, говоритъ онъ, дѣти нормально приходятъ ко всякой отрасли науки тѣмъ же самымъ путемъ, какой проходила человѣческая раса въ донаучную эпоху. Необходима поэтому гуманистическая пропедевтика, потому-что сама юность переживаетъ гуманистическій стадій. Природа есть чувство прежде, чѣмъ она становится идеей, формулой или полезностью. Поэтому—поменьше логическихъ и математическихъ элементовъ, а побольше поэзіи. Духъ ботаники — тамъ, гдѣ растутъ цвѣты, духъ геологіи—въ полѣ, а не въ минералогическомъ кабинетѣ съ его петрографіей, а духъ астрономіи можно найти только среди ночной тишины. Раньше уже отмѣчалась невозможность въ рѣшеніи вопро-

№ 6, 1913—14, № 3; О. Шубинъ, Какія описанія природы интересны дѣтямъ? Восп. и Обуч. 1900, № 6; Я. Рудневъ, О географической литературѣ для дѣтей, Восп. и Обуч. 1899, № 12.

совъ дѣтскаго чтенія строго слѣдовать біогенетической теоріи, на которой въ данномъ случаѣ С. Холль обосновываетъ свои разсужденія. Но въ его словахъ есть и нѣчто чрезвычайнаго цѣнное. Мы не должны забывать того, что на первыхъ порахъ мы должны не столько учить маленькаго читателя, не столько обогащать его полезными знаніями, сколько будить въ немъ интересъ къ природѣ и охоту къ серьезному чтенію. А этого и можно достигнуть только путемъ, указываемымъ у Холла—путемъ внесенія въ книгу нѣкоторыхъ элементовъ поэзіи. При этомъ, конечно, требуется и соответствующая простота, доступность читаемаго ребенку. Но простота и занимательность должны имѣть мѣру, и ни въ какомъ случаѣ, конечно, въ жертву имъ не должна приноситься научная правдивость изложенія. Лучше совсѣмъ не говорить дѣтямъ о явленіи, которое трудно имъ объяснить, чѣмъ исказить его.

Большимъ зломъ популярно-научныхъ книжекъ является также моральная тенденція, стремленіе проводить чрезъ книжку какія-либо идеи, лежащія внѣ сферы природовѣдѣнія. Трудолюбіе пчелы, любвеобильная взаимопомощь муравьевъ, легкомысліе какой-нибудь стрекозы — все это, по своему существу не вѣрное—часто выставляется, какъ положительный примѣръ для маленькаго читателя. По этой части особенно грѣшатъ изданія Горбунова-Посадова („Милосердные звѣри“ и др.).

Дальше, наблюденія надъ дѣтьми показываютъ, что ихъ на первыхъ порахъ больше всего и прежде всего интересуетъ міръ животныхъ. Дѣти младшаго возраста, говоритъ проф. Э. Петри, имѣютъ несравненно большій интересъ къ живому міру, чѣмъ къ мертвымъ орографическимъ формамъ („Методы и принципы географіи“). Поэтому ознакомленіе съ міромъ животнымъ и можетъ здѣсь предшествовать всему остальному. При изображеніи же картинъ природы вообще нужно избѣгать длинныхъ описаній.

Слѣдуетъ съ популярно-научнымъ чтеніемъ дѣтей не слѣдуетъ, и здѣсь будетъ уместно привести слова Елачича—„Для ребенка младшаго возраста никакой книги по естествознанію еще быть не можетъ и не должно быть. Такому ребенку надо смотрѣть, видѣть, осязать, слышать,

ощущать природу... надо сначала доразвиться до пониманія хотя бы простыхъ обобщеній... Раньше природа — потомъ книга“.

Изъ авторовъ книгъ по естествознанію для дѣтей можно назвать: Лункевича, Рубакина, Богданова. Ю. Вагнера, Е. Елачича, Кайгородова, А. Нечаева; по географіи: Водовозову, Вольногорскаго, Меча, Чеглока; нравится дѣтямъ также Ворисгоферъ. Дальше нужно назвать писателей — представителей зоологической беллетристики: Богданова, Чеглока, В. Лонга, Сетона-Томпсона и Ч. Робертса. Наконецъ, здѣсь слѣдуетъ имѣть въ виду и книги, по существу не преслѣдующія популярно-научныхъ цѣлей, хотя и дающія беллетристическія описанія явленій природы, вродѣ книгъ Ж. Верна.

Наибольшую распространенность у насъ пользуются книги Лункевича и Рубакина, при чемъ дѣти, кажется, охотнѣе читаютъ Лункевича, такъ какъ онъ простъ, въ разсказѣ у него больше движенія и вводятся до нѣкоторой степени беллетристическіе элементы. Но популярность этихъ авторовъ еще не показатель того, что они самые лучшіе. Эта популярность скорѣе создается обиліемъ ихъ книжекъ, особенно—Рубакина; при чемъ самое обиліе и необыкновенная разносторонность содержанія скорѣе говоритъ не въ пользу этихъ авторовъ. Чтобы ознакомиться съ характеромъ книжекъ Рубакина, остановимся на одной изъ популярных—„Разказы о дѣлахъ въ царствѣ животныхъ“. Книжка написана доступно и пожалуй занятно. Матеріалъ систематизируется: какъ животныя добываютъ себѣ пищу, какъ спасаютъ себя отъ враговъ и т. д. Но вслѣдствіе этого получается большая дробность, а отсюда — отрывочность матеріала. Авторъ далеко не всегда остается на высотѣ научно-популярной серьезности, иногда впадая въ наивныя несообразности.—Извѣстно, что пингвины летать не могутъ, а между тѣмъ на стр. 59 (Изд. Трауцкой, СПб. 1909) помѣщена картинка—пингвины летаютъ надъ моремъ (другіе плаваютъ) и подписано: „пингвины ищутъ пищу надъ водой и подъ водой“. Недоразумѣніе это отмѣчается и въ статьѣ г. Елачича. На стр. 64 рѣчь идетъ объ американской лягушкѣ-волѣ: „Ее называютъ лягушкой — воломъ, потому что она

можетъ кричать такъ громко, какъ наши лягушки не могутъ". Но наши лягушки вѣдь не только по-волиному не могутъ кричать, но также хотя бы и по-соловьиному; почему же тогда американскую лягушку не назвать соловей-лягушкой? Говоря о прожорливости саранчи, авторъ рассказываетъ: Въ 1725 г. появились въ Италіи огромныя тучи саранчи. Жители не знали, какъ отъ нея избавиться. Тогда римскій папа Бенедиктъ XIII рѣшилъ торжественно проклясть ее. Онъ заклиналъ ее, чтобы она поднялась и вверглась въ море. Саранча осталась, какъ была, и полей объѣла немало. Она поднялась только тогда, когда все съѣла, а затѣмъ полетѣла дальше—не въ море, а на новыя поля". Но что можетъ подобная историческая справка дать для естественно-исторической характеристики природы этого насѣкомаго? Что саранча не боится и не признаетъ авторитета римскаго папы? Тенденція выходить за предѣлы популярно-научной сферы естествознанія видна и въ заключительномъ воззваніи автора: „Пусть читатель (прочитавъ книгу) подумаетъ о томъ, что въ дѣлахъ животнаго царства есть человѣческаго и что среди людей есть звѣринаго“.

Наиболѣе серьезными слѣдуетъ признать авторовъ — *А. Нечаева, Ю. Вагнера и Е. Елачича, С. Меча.*

По зоологической беллетристикѣ изъ русскихъ авторовъ можно порекомендовать для младшаго возраста: *А. Чеглока* („Родная природа“, два вып. СПб. 1904, ц. 2 р.; есть и отдѣльн. брошюр.) и отчасти *М. Богданова* („Мірскіе захребетники. Очерки изъ быта насѣкомыхъ, селящихся около человѣка“ СПб. 1903, ц. 1 р.); для старшаго возраста: *М. Богданова* („Изъ жизни русской природы“ СПб. 1904, ц. 2 р.) и *А. Никольскаго* („Лѣтнія поѣздки натуралиста“ СПб. 1900, ц. 2 р.).

Изъ переводной литературы, которая въ бо шинствѣ годится для дѣтей средняго возраста, прежде всего приходится остановиться на *Э. Сетонъ-Томпсонъ.*

Въ описаніи жизнедеятельности животныхъ С.-Томпсонъ, по словамъ Елачича, все время старается стоять на объективно-научной почвѣ, ничего не приписывая животнымъ лишняго, своего, человѣческаго. Давая въ своихъ разсказахъ болѣею частью цѣлую біографію животнаго, онъ

стремится понять его психику такую, какая она есть на дѣлѣ; онъ тщательно старается отмѣтить особенности психики животныхъ, отмѣтить ея сильное отличіе отъ человѣческой. Стараясь быть научно-объективнымъ, въ то же время С.-Томпсонъ излагаетъ матеріалъ живо и интересно, показывая такимъ образомъ, что оставаясь вполне вѣрнымъ наукѣ и жизненной правдѣ, можно дать захватывающій по интересу матеріалъ для дѣтскаго чтенія. Впрочемъ, нѣкоторыя удлиненныя художественныя описанія и характеристики должны пропадать для дѣтей, не любящихъ, какъ сказано раньше, подобныхъ описаній. Лучшіе разсказы С.-Томпсона: „Рогачъ“, исторія горнаго барана (изд. Сыт.); „Снѣпъ“, исторія одного буль-терьера (изд. Сыт.); „Джекъ, король медвѣдей“ (изд. Г.-Посад.); „Жизнь сѣраго медвѣдя“ (изд. Г.-Посад.); „Лобо“, исторія одного волка“ (изд. Г.-Посад.); „Лихой скакунъ“, истор. одного кролика (изд. Г.-Посад.); „Бродячая кошка“ (изд. Сыт.). Для старш. возр.—„Рольфъ въ лѣсахъ“. Приключенія мальчика (изд. Луковн.); книга эта, впрочемъ, не подходитъ къ типу зоологическ. беллетристики.

Въ противоположность С.-Томпсону *В. Лонгъ* стремится не столько описать поступки животныхъ, сколько объяснить ихъ и при этомъ онъ становится на чисто субъективную точку зрѣнія, перенося на животныхъ черты человѣческой психики. Единственный способъ уяснить себѣ жизнь животныхъ, говорить самъ онъ, — это поставить на минуту себя на ея мѣсто и приложить къ ней мѣрку той жизни, которая одна мнѣ знакома и понятна, т. е. своей собственной. Это обстоятельство часто вноситъ въ книги Лонга элементъ фальшивый, искусственный. Въ остальномъ же, по справедливому замѣчанію Елачича, разсказы В. Лонга могутъ по праву занять видное мѣсто среди разсказовъ изъ жизни животныхъ, благодаря искренности и художественному таланту автора, благодаря его хорошему личному знакомству съ жизнью описываемой имъ природы и благодаря его глубокой любви къ ней. Лучшіе разсказы Лонга: „Хитрецъ рыбоводъ“, „Бѣлый медвѣдь“, „Охота безъ ружья“, „Встрѣча съ медвѣдемъ“.

Ч. Робертсъ въ своихъ разсказахъ, представляющихъ отдѣльные эпизоды, картинки изъ жизни животныхъ, при-

ближается къ типу разсказовъ Лонга. Непосредственное знакомство съ животнымъ міромъ и живое изложеніе дѣлаютъ его книжки чрезвычайно интересными для дѣтей. Лучшія изъ нихъ: „Во мракѣ невѣдомаго“, „Всюду чужой“, „На льдинѣ съ медвѣдемъ“, „Нахлѣбникъ орла“.

Подробное указаніе популярно-научныхъ книгъ для дѣтскаго чтенія можно находить въ каталогахъ: по географіи — А. П. Нечаева и по естествознанію — Е. А. Елачича. Каталоги эти помѣщаются въ книгѣ „Методы первоначальнаго обученія, ч. II—одинъ изъ выпусковъ „Педагогической Академіи“. Изд. „Польза“, М. 1912. Въ первомъ каталогѣ, въ отдѣлѣ географической беллетристики, есть указаніе, хотя и не полное, и путешествій—этого любимаго вида дѣтскаго чтенія.

Большимъ количествомъ книгъ дѣтская литература располагаетъ и по *исторіи*. Разобраться въ этого рода книгахъ не легко, и руководящими данными при ознакомленіи съ этимъ отдѣломъ могутъ послужить такіа соображенія. Идти слѣдуетъ отъ доступнаго, понятнаго, близкаго и, по примѣру англичанъ, полезно знакомить дѣтей сначала съ настоящимъ, а потомъ углубляться постепенно въ прошлое. Сообразно съ сказаннымъ, большее воспитывающее значеніе приходится признать за родной исторіей. „Чтобы любить свое отечество, нужно знать его, а чтобы знать — нужно изучать“ — такой эпиграфъ имѣютъ учебники исторіи въ Швейцарскихъ школахъ. На исторіи своего народа и нужно первоначально остановиться. По наблюденію Вольгаста, и интересъ самихъ дѣтей по преимуществу сосредоточиваются на исторіи родной страны, а изъ мотивовъ всеобщей исторіи—не греческомъ эпосѣ.

Дальше. Исторія даетъ намъ двоякій матеріалъ: она говоритъ намъ о прошлыхъ дѣяніяхъ и прошлыхъ состояніяхъ народа, повѣствуетъ о томъ, что дѣлали люди и какъ они жили. Какой сторонѣ отдать предпочтеніе? Въ новое время увлекаются культурною стороною, отдавая ей предпочтеніе предъ фактами, предъ дѣяніями отдѣльныхъ героев. Конечно, культурно-бытовая сторона—дѣло существенной важности въ исторіи; взрослыхъ людей даже преимущественно именно эта сторона и должна интересовать. Но доступна ли эта сторона дѣтямъ, не оттолкнетъ ли она ихъ своею трудностью и сравнительною отвлеченностью, не покажется ли имъ она по сравненію съ историческими фактами

мало интересною? А это грозило бы заглушить въ дѣтяхъ вообще интересъ къ исторіи. Интересъ къ чтенію у дѣтей, говоритъ Вольгастъ, преимущественно чисто фактический; ихъ захватываетъ не культурно-историческое описаніе, а историческое событіе. Не лучше ли поэтому вводить дѣтей преимущественно въ сферу историческихъ фактовъ, относя усвоеніе культурной исторіи уже къ дальнѣйшимъ періодамъ ихъ жизни. Въдѣ и само человѣчество въ своемъ развитіи начинается съ былинъ и лѣтописей (описаніе событій) и постепенно возвышается до настоящей исторіи... Итакъ, сосредоточившись главнымъ образомъ на фактической сторонѣ, дѣтская исторія должна дать яркое, живое, образное изложеніе этихъ фактовъ. Пусть этихъ фактовъ будетъ меньше, но они должны быть тѣмъ ярче и подробнѣе очерчены.

Сказаннаго мало;—и въ изображеніи самихъ дѣяній важно выдвигать не столько дѣянія всего народа, сколько дѣянія отдѣльныхъ личностей. Проф. Сикорскій пишетъ: „Ребенокъ въ періодѣ 12—15 лѣтъ еще лишенъ способности къ сравненію и обобщеніямъ, къ оцѣнкѣ и критикѣ; онъ гораздо болѣе способенъ къ подробной частной работѣ“ („Природа дитяти“). Отсюда вытекаетъ, что ребенокъ своимъ сознаніемъ еще не въ состояніи охватить работу массъ, народовъ. Въ сказкахъ, которыя, какъ мы видѣли, такъ любятъ дѣти, дѣйствуютъ отдѣльные персонажи, то же должно быть и въ исторіи для дѣтей. Последняя естественно поэтому должна носить доступный для ребенка біографическій характеръ. Конечно, этотъ элементъ далеко не самый важный въ исторіи, но для насъ важно *пріохотить дѣтей къ историческому чтенію*. Важно, чтобы, по завѣту Песталоцци, „не лишить ребенка того, къ чему онъ вполне способенъ, а съ другой стороны—ничѣмъ не обременять и ничѣмъ не смущать его такимъ, къ чему онъ еще не вполне способенъ“. Важно, повторяю, пріохотить ребенка къ чтенію, а тамъ съ возрастомъ, съ развитіемъ его интересовъ, съ развитіемъ историческаго вкуса, онъ постепенно перейдетъ отъ интересующихъ его фактовъ къ обобщеніямъ и культурной сторонѣ исторіи. Какъ образецъ историческаго повѣствованія для дѣтей, можно указать книгу В. Сиповскаго „Родная старина“.

Относительно распределенія историческаго чтенія по возрастамъ любопытныя указанія находимъ у Чемберлена („Дитя. Очерки по эволюціи человѣка“). Въ ростѣ историческаго чувства человѣка здѣсь устанавливается три эпохи. 1. Отъ 7—8 до 12—13 лѣтъ—періодъ интереса къ необыкновеннымъ біографіямъ и событіямъ. Біографіи при этомъ слѣдуетъ выбирать изъ области по своимъ интересамъ и въ своихъ дѣйствіяхъ близкой къ жизни дѣтей, т. е. предметомъ ихъ должны быть личныя, военныя и культурныя событія въ исторіи, но никакъ не политическія или интеллектуальныя. 2. Отъ 14—15 до 19—20 лѣтъ — періодъ интереса къ государственнымъ дѣятелямъ, мыслителямъ, поэтамъ, смѣлѣвшимъ интересъ предыдущаго періода къ путешественникамъ и борцамъ; время, когда проснувшаяся заинтересованная мысль обращается къ конкретнымъ воплощеніямъ времени въ историческихъ документахъ, памятникахъ, людяхъ и книгахъ; начало критическаго отношенія къ читаемому. 3. После 20 л.—возрастъ, склонный къ спеціальному изученію монографій; время, когда появляется охота и способность къ собиранію, сравненію и критикѣ самихъ источниковъ.

Указатель книгъ по исторіи для дѣтей отъ 10 лѣтъ см. въ книгѣ *Н. Покомилло*, Практич. руководство для преподават. исторіи. Полезна и историческая беллетристика, вводящая читателя въ духъ той или другой эпохи. Въ этомъ случаѣ хорошимъ справочникомъ можетъ служить—*А. Мезіеръ*, Указатель историч. романовъ по странамъ и эпохамъ (для старш. возр.) въ журн. Русск. Школа за 1901 г.

Какъ видно уже изъ предыдущаго, въ связи съ исторіей слѣдуетъ назвать еще одинъ видъ дѣтскаго чтенія—*біографіи и жизнеописанія замѣчательныхъ людей*¹⁾.

Мальчики, въ возрастѣ около 15 лѣтъ, испытываютъ настоящую страсть къ исторіямъ великихъ людей, говоритъ С. Холлъ. Вдумываясь въ это явленіе, нельзя не согласиться здѣсь съ разсужденіями одного современнаго французскаго писателя. Героическія біографіи, говоритъ онъ, отличаются именно тѣмъ свойствомъ, что онѣ, какъ нельзя лучше, подходятъ къ дѣтскому возрасту, его интересамъ и нравственнымъ потребностямъ; онѣ при томъ изобилуютъ

¹⁾ *А. Острогорскій*, По поводу біографій для дѣтей. Пед. Сб. 1890, 4.

поучительными и возвышающими впечатлѣніями. Разъ только ребенокъ, читая жизнеописаніе великаго человѣка, говоритъ: „я тоже хочу быть славой человѣчества, я хочу быть Пастеромъ, Ливингстономъ“, будьте увѣрены—такой ребенокъ подслушалъ въ своей душѣ (а дѣтская душа вообще не лишена героическихъ мотивовъ) благодатный голосъ. Возможно, конечно, что онъ никогда не сдѣлается ни великимъ ученымъ, ни великимъ путешественникомъ, тѣмъ не менѣе его жизнь будетъ отражать на себѣ хотя бы въ слабой степени красоту жизни этихъ великихъ людей. Чистое сердце ребенка не напрасно билось въ унисонъ съ сердцемъ великаго человѣка¹⁾.

Дальше, нужно замѣтить, что однимъ изъ важнѣйшихъ факторовъ воспитанія является подражаніе. Живая податливая ко всякому внушенію природа дѣтей особенно способна глубоко запечатлѣвать всякій образъ и вносить въ свой собственный міръ чужіе стремленія и идеалы, особенно если они заимствованы изъ жизни дѣйствительной. Показывать душѣ юной, чистой и свѣжей примѣры высокихъ дѣйствій представителей человѣчества—не значитъ ли это возвысить ее, говоритъ Бѣлинскій. Не даромъ великій духъ Юлія Цезаря воспитался на сочиненіяхъ Плутарха—„Жизнь великихъ людей“. Изъ біографіи Д. С. Милля извѣстно, что отецъ давалъ ему читать книги, гдѣ описываются люди съ сильными характерами, не терявшіеся въ борьбѣ съ самыми большими затрудненіями (въ томъ числѣ и Робинзонъ Крузо); чтеніе, повидимому не оставшееся безъ вліянія на развитіе этого сильнаго человѣка.

Изъ біографической литературы заслуживаютъ вниманія слѣдующія книги:

Авенаріусъ В. „Отроческіе годы“ и „Юношескіе годы“ Пушкина; „Школа жизни великаго юмориста“—Гоголь; „Дѣтскіе годы Пирогова“; „Создатель русской оперы“—Глинка.

Алтаевъ А. Свѣточн правды (М. Анджело, І. Гуттенбергъ, Шиллеръ, Бетховенъ, Линней).

Острогорскій В. Хорошіе люди (Гете, Диккенсъ, Тургеневъ, Н. Б. Долгорукова). Нѣкоторые разсказы производятъ странное впечатлѣніе:

¹⁾ См. статью *F. Mentré*, La valeur éducative de la vie des grands hommes. L'Education, 1910, 6.

въ разсказѣ „Шура“ по Диккенсу фигурируютъ: нянька Анфиса, Петербургъ, Екатерининскій каналъ и проч.

Рубакинъ Н. Люди мысли и труда (И. Джемъ, Бокль, Маколей, Шарпъ—борецъ за свободу негровъ, біографія, слишкомъ поучительная, А. Коменскій).

Ситовскій В. Сократъ и его время.

Соловьева П. и Манаскина. Родные завѣты. Біогр. замѣч. людей.

Толитърова, Изъ жизни слѣпой и глухонѣмой—Е. Келлеръ. О ней же книжка *Тиличевой.* Исторія одной жизни.

Чириковъ Е. Чудесный докторъ (о Н. И. Пироговѣ), въ книгѣ „Моя книга“.

Подробный указатель біографій см. въ кн. *И. Владиславлева* „Что читать?“ Указатель систематическаго домашняго чтенія для учащихся, вып. 3-й—Жизнь замѣчательныхъ людей. М. 1914, ц. 40 к.

Религіозно-нравственное чтеніе дѣтей.

Начинать обзоръ области религіозно-нравственнаго чтенія, конечно, слѣдуетъ съ матеріала *библейскаго*. Извѣстно, что въ такой по преимуществу сознательной странѣ, какъ Англія, Библія является настольною книгой для семейнаго чтенія. У насъ рекомендуетъ читать съ дѣтьми библію Л. Толстой. „Книга дѣтства рода человѣческаго, говоритъ онъ, всегда будетъ лучшею книгою дѣтства всякаго человѣка. Измѣнять, сокращать Библію, какъ это дѣлаютъ въ учебникахъ, мнѣ кажется вреднымъ. Все, каждое слово въ ней справедливо, какъ откровеніе, и справедливо, какъ художество... Въ Библии ребенку представляется живая и величественная картина, которой онъ никогда не забудетъ... Кто не плакалъ надъ исторіей Іосифа и встрѣчей его съ братьями, кто съ замираніемъ сердца не рассказывалъ исторію связаннаго и остриженнаго Самсона, который, отомщая врагамъ, самъ гибнетъ, казня враговъ, подъ развалинами разрушеннаго дворца, и еще сотни другихъ впечатлѣній, которыми мы воспитаны, какъ молокомъ матери?... Безъ Библии немислимо въ нашемъ обществѣ развитіе ребенка и человѣка. Библія есть единственная книга для первоначальнаго и дѣтскаго чтенія. Библія, какъ по формѣ, такъ и по содержанію должна служить образцомъ всѣхъ дѣтскихъ руководствъ и книгъ для чтенія“. („Ясно-Полянская

Школа“ Полн. Собр. Сочин. М. 1913, т. XIII, стр. 189—191). Но давая богатый матеріалъ для дѣтскаго чтенія, въ подлинникѣ Библія, за исключеніемъ Евангелія (да и то не всего), не можетъ быть вполне доступна и, значитъ, интересна ребенку. А поэтому здѣсь въ силу необходимости приходится ограничиваться переработками библейскаго матеріала. Едва ли послѣ словъ Толстого можно сказать что-нибудь болѣе сильное по вопросу о важности и глубокой назидательности повѣствованій изъ священной исторіи. Примѣръ благотворнаго вліянія библейскаго повѣствованія на ребенка можно найти въ автобіографіи Фонвизина. Здѣсь Фонвизинъ, между прочимъ, рассказываетъ о томъ, какъ его въ дѣтствѣ глубоко тронула исторія объ Іосифѣ, проданномъ братьями, которую его отецъ рассказывалъ дѣтямъ. „Въ рассказываніи его, пишетъ Фонвизинъ, не было никакого украшенія, но какъ повѣсть сама собою трогательная, то очень скоро навернулись слезы на глазахъ моихъ; потомъ началъ я рыдать неутѣшно“. И боясь, какъ бы изъ-за его слезъ отецъ не отказался докончить этотъ разсказъ, маленькій Фонвизинъ выдумалъ цѣлую исторію о разболѣвшемся зубѣ. „И я знаю многихъ, прибавляетъ онъ, кои, читая Іосифа, мною переведеннаго, проливали слезы“. У Достоевскаго первою книгой въ дѣтствѣ была священная исторія. Книгу эту онъ очень любилъ, впечатлѣніе отъ нея осталось у него на всю жизнь, и когда уже взрослымъ онъ какъ-то случайно нашелъ ее, то страшно обрадовался и съ восторгомъ объявилъ о своей находкѣ брату. Вотъ почему въ приводимыхъ ниже словахъ старца Зосимы можно усматривать по отношенію къ Достоевскому элементы автобіографическіе.—„Нѣтъ драгоценнѣе воспоминаній у человѣка, какъ отъ перваго дѣтства его въ домѣ родительскомъ. Къ воспоминаніямъ же домашнимъ причитаю и воспоминаніе о священной исторіи, которую въ домѣ родительскомъ, хотя и ребенкомъ, я очень любопытствовалъ узнать. Была у меня тогда книга, священная исторія, съ прекрасными картинками, подъ названіемъ „Сто четыре священные исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта“; по ней я читалъ учился. И теперь она у меня здѣсь на полкѣ лежитъ, какъ драгоценную память сохраняю“ („Братья Карамазовы“).

Теперь возникает вопросъ о томъ, какъ изображать священно-историческія событія и какія требованія слѣдуетъ предъявлять въ этомъ случаѣ къ дѣтской книгѣ? Любопытный взглядъ по этому вопросу мы находимъ у А. Дауге въ его книгѣ „Искусство и творчество въ воспитаніи“ (Москва, 1911). Онъ пропагандируетъ взглядъ современнаго нѣмецкаго педагога Шарельмана. У послѣдняго же мы встрѣчаемъ своего рода модернизацию священно-историческаго повѣствованія.

Если библейскіе рассказы, говоритъ Дауге, не будутъ поняты, какъ близкое, родное, свое, тогда они въ дѣтяхъ не пробудятъ религіознаго настроенія, и души ихъ останутся холодными, равнодушными. Священную книгу только тотъ полюбитъ, кому глубокое содержаніе ея будетъ передано на языкѣ понятномъ и родномъ. На основаніи этого можно „грѣшнѣе сколько угодно противъ внѣшней правды, противъ географіи, этнографіи и хронологіи, лишь бы главное—содержаніе и смыслъ каждаго рассказа стали ясными и вполне понятными. Какой смыслъ и значеніе имѣютъ хронологія и историческая правда, если душа не трепещетъ, если сердце не бьется сильнѣе, чувства не волнуются?“ Вотъ почему, если изображаемый въ библейскомъ рассказѣ міръ слишкомъ чуждъ и непонятенъ для дѣтей, то смѣло можно все дѣйствіе перенести въ другое время, въ другую обстановку. „Ничего, если я расскажу, что Іосифъ былъ проданъ цыганамъ, хоть это и неправда, но вѣдь цыганъ всѣ мои дѣти знаютъ и весь рассказъ такъ лучше поймутъ. Ничего, если я расскажу, что Исаакъ съ женою жили не въ далекомъ и чуждомъ Ханаанѣ, а въ окрестностяхъ Бремена, или въ Ганноверѣ, или въ другой нѣмецкой провинціи“.

И что, если я буду описывать всѣ событія такъ, какъ будто бы они происходили при знакомой всѣмъ дѣтямъ обстановкѣ, что люди, о которыхъ идетъ рѣчь, пили кофе и ѣли сухари; что въ садахъ у нихъ стояли ульи, а предъ домами зеленые скамейки; что, скажемъ, рабъ Еліазаръ игралъ на гармоникѣ, сосѣдъ катался на велосипедѣ, почтальонъ приносилъ каждое утро „Бременскія Извѣстія“, Исаакъ по вечерамъ читалъ женѣ вслухъ описаніе войны

англичанъ съ бурами; Іаковъ и Исавъ—это крестьянскіе мальчики изъ сосѣдней деревни. Мать этихъ двухъ мальчиковъ, когда они еще совсѣмъ маленькіе, возитъ ихъ въ дѣтскомъ возикѣ, а когда они подрастаютъ, то ловкій и смѣлый Исавъ играетъ на улицѣ съ сосѣдними мальчиками, а мать сидитъ въ комнатѣ и штопаетъ его чулки или передѣлываетъ куртку Исава, который очень быстро растетъ, для маленькаго Іакова. Тотъ все сидитъ дома, постоянно съ матерью. Въ школѣ слабенькій и болѣзненный Іаковъ учится плохо, получаетъ дурныя отмѣтки и остается на второй годъ въ одномъ классѣ. Исавъ же успѣваетъ хорошо, и отецъ ему даритъ серебряные часы. Іаковъ обиженъ, огорченъ, онъ глубоко страдаетъ. Развѣ онъ не учится больше и прилежнѣе брата, развѣ онъ плохо ведетъ себя? Вотъ на этой почвѣ и вырастаетъ трагическій конфликтъ“.

А вотъ картинки изъ Новаго Завѣта. Учитель разсматриваетъ съ учениками картины Дюрера „Жизнь Маріи“ (Marienleben). Тема для бесѣды—счастье святой семьи. Учитель и ученики углубляются въ картины, изображающія это тихое свѣтлое счастье. Разсматривается и обсуждается мельчайшая деталь, при чемъ дѣти сами постоянно находятъ что-нибудь новое, хорошее, милое. Учитель сочиняетъ обо всѣхъ цѣлые рассказы—о домикѣ, о лѣсѣ, обо всѣхъ изображенныхъ на картинкахъ людяхъ. Но больше всего говоритъ о самой святой семьѣ. Не наставляя, не въ тонѣ преподавателя, а такъ, какъ рассказываютъ о милыхъ и дорогихъ знакомыхъ. „Было много и веселаго, и смѣшнаго“. Одна маленькая дѣвочка, когда раздался звонокъ, и урокъ кончился, тайкомъ, полагая, что этого никто не замѣчаетъ, поцѣловала въ уста Іосифа и Марію и младенца Іисуса съ выраженіемъ любви и восторга. Можно себѣ представить, что дѣти почувствовали, когда имъ послѣ рассказали о страданіяхъ и о несчастіи этой семьи, которую они такъ полюбили, которая имъ послѣ долгихъ и частыхъ такихъ бесѣдъ стала такъ знакома и дорога. Долго, сердечно бесѣдовали, сжились, привязались, полюбили. А затѣмъ могли отъ души и жалѣть. Жалость и состраданіе теперь будутъ искренними, глубокими, потому что они будутъ корениться въ личныхъ переживаніяхъ, будутъ прочными и надежны-

ми. Это явится само собою, загорится, какъ пламя изъ искры, вырастетъ, какъ цвѣтокъ изъ сѣмени. А сѣмя это, искра эта—любовь“.

Цѣли всего этого, конечно, прекрасныя, но насколько нужна, насколько уместна вся эта модернизация? Авторъ увѣряетъ, что при этомъ не было никакой профанации священнаго, но это едва ли такъ. Дѣло въ томъ, что человѣческой природѣ присуще инстинктивное стремленіе выдѣлять, обособлять изъ обыденнаго все священное, намъ присущъ своего рода инстинктъ благоговѣнія. Я говорю—инстинктъ потому, что пробужденіе указаннаго стремленія можно наблюдать въ ребенкѣ очень рано. Вотъ фактъ. Дѣвочкѣ, не имѣющей еще двухъ съ половиной лѣтъ, купили картину, изображающую Рождество Христово. Дѣвочка потребовала объясненія картины и съ большимъ вниманіемъ нѣсколько разъ выслушала описаніе всего изображеннаго. Привыкшая цѣловать священныя изображенія, она и теперь нѣсколько разъ взбиралась по креслу къ картинкѣ, прибитой на стѣнѣ, чтобы облобызать Спасителя, Божію Матерь, Іосифа. Приходитъ знакомая. Ребенокъ спѣшитъ подѣлиться съ ней всѣми своими впечатлѣніями и, между прочимъ, тащить ее къ новой картинкѣ и съ восторгомъ начинаетъ описывать ее: „Вотъ это маленькій Спаситель, это Спасителя мама...“ На послѣднемъ словѣ дѣвочка какъ-то смущенно остановилась, подумала немного и поправилась: „Спасителя Матерь“.

Если же у насъ отмѣченное стремленіе существуетъ, если въ частности оно есть и у ребенка, то зачѣмъ, противорѣча этому, искусственно втягивать священный матеріалъ въ обыденную и невольно профанирующую форму? Священный матеріалъ и безъ указанной модернизации, въ силу своей внутренней важности, найдетъ себѣ доступъ къ сердцу маленькаго читателя. Лишь бы изложено было все *просто, доступно и съ надлежащею теплотой*. Отецъ Фонвизина читалъ своимъ дѣтямъ исторію Іосифа, проданнаго братьями, безъ приемовъ новѣйшей модернизации, а между тѣмъ эта исторія заставила маленькаго Фонвизина плакать и на всю жизнь запала въ его сердце.

Наконецъ, нужно принять въ соображеніе и то, что,

модернизируя библейскій текстъ, мы вносимъ въ библейскій рассказъ элементъ неправды, ребенокъ скоро самъ узнаетъ, что это неправда, и это можетъ повліять на его отношеніе къ самой достовѣрности библейскаго повѣствованія.

При разсмотрѣніи библейскаго отдѣла дѣтскаго чтенія выдвигается еще и такой вопросъ: съ какого матеріала слѣдуетъ начинать—съ ветхозавѣтнаго или новозавѣтнаго? Вопросъ этотъ занимаетъ многихъ западныхъ педагоговъ-мыслителей—С. Холла, Друммонда, Старбека и др. Устанавливая опредѣленные стадіи въ психическомъ развитіи ребенка, Друммондъ находитъ, что религіозныя представленія дѣтей до 12-тилѣтняго возраста носятъ по преимуществу объективный, внѣшній характеръ; Божество разсматривается ими, какъ внѣшняя сила, управляющая людьми извнѣ при помощи законовъ и установленій¹⁾. Дѣти этого возраста увлекаются героическими эпохами человѣчества. Дитя, говоритъ объ этомъ возрастѣ одинъ современный французскій писатель-педагогъ (F. Mentré), переживаетъ героическій періодъ исторіи; ему всюду чудятся грандіозныя событія. Въ силу сказаннаго ясно, что Ветхій Завѣтъ даетъ особенно много пригоднаго матеріала для этого періода дѣтской жизни, такъ какъ великіе люди Ветхаго Завѣта принадлежатъ къ героическому типу, находящему постоянный откликъ въ сердцахъ маленькихъ читателей. Что же касается до дѣтей старшаго возраста, уже стоящихъ на грани юношества, то они становятся способными болѣе полно понимать то, что сообщается имъ о субъективной сторонѣ религіи. „Они, по Друммонду, распознаютъ въ самихъ себѣ тотъ свѣтъ, который свѣтилъ всякому человѣку, входящему въ міръ. Религія становится духомъ жизни въ сердцахъ, и великіе принципы любви и самопожертвованія находятъ теперь себѣ откликъ“. Отсюда, если Ветхій Завѣтъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ особенно подходитъ къ запросамъ и интересамъ младшихъ дѣтей, то Новый Завѣтъ болѣе соответствуетъ потребностямъ старшаго возраста. Конечно, и

¹⁾ У. Друммондъ, Введеніе въ изученіе ребенка. М. 1910. Стран. 344, 346.

въ Новомъ Завѣтѣ есть много привлекательнаго для очень маленькихъ дѣтей (факты изъ жизни Спасителя), равно какъ и въ Ветхомъ Завѣтѣ есть много совершенно для нихъ недоступнаго, но все же въ цѣломъ Ветхій Завѣтъ больше даетъ матеріала понятнаго и интереснаго младшему возрасту, усвоение же въ цѣломъ Новаго Завѣта, усвоение его духа, его внутренней стороны, его ученія—это дѣло, конечно, старшаго возраста.

Въ связи съ вопросомъ о библейскомъ матеріалѣ для дѣтскаго чтенія нельзя не упомянуть о существованіи благочестивыхъ легендъ, связанныхъ съ различными моментами библейскихъ повѣствованій. Легенды эти, какъ плоды стариннаго народнаго творчества, какъ созданіе тѣхъ эпохъ, когда народы переживали еще дѣтство своей исторіи—не могутъ не быть по душѣ маленькому читателю. Въмѣстѣ съ тѣмъ онѣ оживляютъ его интересъ къ библейскому повѣствованію. Образцомъ въ этомъ случаѣ можетъ служить упоминавшаяся уже раньше книга современной шведской писательницы Сельмы Лагерлефъ „Легенды о Христѣ“¹⁾.

Другимъ важнымъ отдѣломъ, дающимъ не менѣе богатый матеріалъ для назидательнаго дѣтскаго чтенія, являются *житія святыхъ*²⁾. Здѣсь подвиги любви и благочестія облачаются въ живые, часто плѣнительные образы. Жизнеописанія святыхъ показываютъ намъ, какъ въ жизни, въ дѣлахъ осуществлялись тѣ правила нравственности, которыя предписываются христіанствомъ. Здѣсь предъ взоромъ читателя встаютъ: образъ нищелюбца—св. Филаретъ Милостивый, мученицы неустрашимой—св. Варвара, человѣка любвеобильнаго сердца—св. Николай Чудотворецъ, печаль-

¹⁾ С. Лагерлефъ, Легенды о Христѣ. Съ рис. изд. Саблина, п. 1 р. Каждая легенда выпущена и отдѣльной брошюрой. Въ изд. Сытина есть книжка С. Лагерлефъ „Святая ночь“, куда вошли три легенды: „Святая ночь“, „Видѣніе Императора“ и „Колодезь мудрецовъ“. Цѣна брошюры 20 коп. Еще: М. Говалевичъ, Легенды о Богородицѣ, М. 1911; нѣкоторыя изъ нихъ напечатаны въ „Родникъ“ 1910, 12; К. Скворцовъ, Жизнь І Христа по евангеліямъ и народн. сказаніямъ. Кіевъ, 1876; послѣдняя книга не предназначена для дѣтей).

²⁾ См. книгу А. Яхонтова, Житія святыхъ, какъ образовательно-воспитательное средство и ихъ значеніе для русской школы. Симбирскъ, 1898 г.

ника за землю русскую, смѣлаго заступника за обиженныхъ—св. митрополитъ Филиппъ, просвѣтителя язычниковъ—св. Стефанъ Пермскій, подвижника, своею кротостью побѣждавшаго дикихъ звѣрей—св. Сергій Радонежскій. Жизнеописанія святыхъ могутъ дать и довольно ясное представление объ исторіи христіанской религіи: кто были проповѣдники Христовой вѣры, при какихъ обстоятельствахъ, благопріятныхъ или неблагопріятныхъ, эта религія распространялась въ человѣчествѣ. Такимъ образомъ, знакомство съ житіями святыхъ возбуждаетъ въ дѣтяхъ сознательный интересъ и сознательное отношеніе къ доступнымъ дѣтскому пониманію явленіямъ религіозной жизни. Большое значеніе должно имѣть при этомъ житіе того святого, имя котораго носить читатель. Тогда молитва ребенка своему святому не будетъ механическимъ обращеніемъ, а сознательнымъ утвержденіемъ въ его подвигѣ.

Опытъ чтенія съ дѣтьми показываетъ, что дѣтей сильно интересуютъ сюжеты изъ дѣтской же жизни. Вотъ почему желательно было бы знакомить ихъ съ жизнью святыхъ дѣтей. Въ этомъ случаѣ цѣною является книжка Е. Поселянина „Святые дѣти русскія и дѣтскіе годы русскихъ святыхъ“. СПб. 1906 года Ц. 30 коп., а также его же книжка „Дѣтская вѣра и Оптинскій старецъ Амвросій“. СПб. 1901 г. Ц. 20 коп.¹⁾

Въ старинной литературѣ мы находимъ много фактовъ, ясно говорящихъ объ интересѣ дѣтей къ житіямъ святыхъ. „Въ житіяхъ святыхъ“, пишетъ одинъ изъ новыхъ западныхъ педагоговъ, „учителя имѣютъ неисчерпаемый запасъ незамѣнимыхъ дѣтскихъ повѣствованій; они же въ живыхъ образахъ открываютъ передъ мягкимъ сердцемъ сыновнее отношеніе человѣка къ Богу, и неспорченная душа никогда не можетъ ихъ вдоволь послушаться. Горе учителю, который имѣетъ серьезное основаніе сказать: мои ученики уже знаютъ эти рассказы, и имъ надоѣло ихъ слушать“ (Кельнеръ). Изъ нашихъ писателей новаго времени къ во-

¹⁾ Къ „Русскому Паломнику“ за 1914 г. даются въ видѣ приложенія двѣнадцать книжекъ Е. Поселянина, „Святая юность“. Рассказы о святыхъ дѣтяхъ и о дѣтствѣ и отрочествѣ святыхъ.

просу о воспитательномъ значеніи житій святыхъ подходятъ Достоевскій („Дневникъ писателя“ 1887 г.) и Тургеневъ. У Тургенева мы встрѣчаемъ обаятельный образъ дѣвушки, глубоко и проникновенно религіозной. Это Лиза Калитина. Она почерпнула свою религіозность у няни своей Агафьи. Агафья рассказываетъ маленькой Лизѣ не сказки: „мѣрнымъ и ровнымъ голосомъ рассказываетъ она житіе Пречистой Дѣвы, житіе отшельниковъ, угодниковъ Божьихъ, святыхъ мученицъ; говоритъ она Лизѣ, какъ жили святые въ пустыняхъ, какъ спасались, голодъ терпѣли и нужду; царей не боялись, Христа исповѣдывали; какъ имъ птицы небесныя кормъ носили и звѣри ихъ слушались; какъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ кровь ихъ падала, цвѣты выросли“. „Желтофіоли?“—спросила однажды Лиза, которая очень любила цвѣты... Агафья говорила съ Лизой важно и смиренно, точно она сама чувствовала, что не ей бы произносить такія высокія и святые слова. Лиза ее слушала — и образъ Вездѣсущаго и Всезнающаго Бога съ какой-то сладкой силой вѣснялся въ ея душу, наполняялъ ее чистымъ благоговѣйнымъ страхомъ, а Христосъ становился ей чѣмъ-то близкимъ, знакомымъ, чуть не роднымъ“. И посѣянное въ дѣтствѣ не изгладилось всю жизнь. Слѣдъ, оставленный Агафьей въ душѣ Лизы, свидѣлствуетъ Тургеневъ, не изгладился. И безъ Агафьи „она попрежнему шла къ обѣднѣ, какъ на праздникъ, молилась съ наслажденіемъ“.

Возрастъ дѣтей, въ который особенно желательнымъ является житійная литература въ рукахъ маленькаго читателя, опредѣляется тѣмъ, что житія святыхъ—этихъ героевъ духа, даютъ матеріалъ въ сущности говоря, чисто героическій. А къ этому матеріалу, какъ показываютъ наблюденія надъ дѣтьми, указанныя выше, дѣти особенно бываютъ склонны въ среднемъ возрастѣ. Къ этому времени, кстати, дѣти уже понемногу начинаютъ терять интересъ къ фантастичному, къ сказочному и, не развившись еще до способности отвлеченнаго мышленія, получаютъ особый вкусъ къ историческому чтенію. Живая и воспримчивая природа дѣтей теперь особенно способна глубоко запечатлѣвать всякій образъ и внести въ свой собственный міръ чужія стремленія и идеалы (наклонность къ подражательности, внуша-

емости); особенно, если эти стремленія заимствованы изъ дѣйствительной жизни.

Что касается до языка житій и ихъ изложенія, то здѣсь едва ли слѣдуетъ особенно настаивать на сокращеніяхъ и приспособленіяхъ къ дѣтскому чтенію вродѣ изданій С. Де-стунисъ или Бахметевой. Не всѣ житія даются дѣтямъ, но тѣ, которыя мы имъ даемъ, должны быть изложены съ возможною полнотой. Эпическій языкъ, свойственный житіямъ святыхъ,—справедливо говоритъ Яхонтовъ,—простъ и наглядно ясенъ; это не есть языкъ дѣтскій, но по своей простотѣ и наглядности вполне доступный дѣтямъ; поэтому при передачѣ житій святыхъ слѣдуетъ держаться какъ можно ближе подлинной формы изложенія житій. Въ этомъ случаѣ наиболѣе подходящимъ можно признать изданіе Московской Синодальной типографіи „Житія святыхъ на русскомъ языкѣ, изложенныя по руководству Четыхъ Миней св. Димитрія Ростовскаго съ дополненіями изъ пролога“ М. 1912 г. Ц. 13 книгъ 25 р. 70 коп.

Третій отдѣлъ религіознаго чтенія дѣтей составляютъ книги съ объясненіемъ богослуженія и догматовъ вѣры, а затѣмъ книги характера *обще-назидательнаго* по религіознымъ и нравственнымъ вопросамъ. Относительно этого отдѣла руководителю дѣтскимъ чтеніемъ нужно быть особенно осторожнымъ. Книги этого отдѣла имѣютъ дѣло съ матеріаломъ или символическимъ или отвлеченнымъ, а между тѣмъ дѣти склонны и способны мыслить преимущественно конкретными образами. Поэтому такого рода чтеніе можетъ превысить и пониманіе, и интересы ребенка, а это подорветъ въ маленькомъ читателѣ самый интересъ къ чтенію и къ книгѣ. А дальше грозитъ и горшее зло: скука, навѣянная малопонятною книгою, можетъ притупить и охладить и религіозную настроенность ребенка. „Не разсуждайте съ дѣтьми о Богѣ, пишетъ Вѣлинскій, а старайтесь больше заставить ихъ полюбить Бога, Который является имъ и въ ясной лазури неба, и въ ослѣпительномъ блескѣ солнца, и въ торжественномъ великолѣпнѣи возстающаго дня, и въ задумчивомъ величій наступающей ночи, и въ ревѣ бури, и въ раскатахъ грома, и въ цвѣтахъ радуги, и въ зелени лѣсовъ, и во всемъ, что есть въ природѣ живого, нако-

нецъ, — во всякомъ благородномъ порывѣ, во всякомъ движеніи ихъ младенческаго сердца“.

Не бесполезнымъ для религіозно-назидательнаго чтенія съ дѣтьми будетъ привлеченіе соотвѣтствующаго матеріала и изъ художественной литературы, черпаемаго, напр., у Достоевскаго—„Мальчикъ у Христа на елкѣ“—изъ „Дневника писателя“, Ал. Толстого—„Іоаннъ Дамаскинъ“, Засодимскаго—„Бѣдный Христосъ“ и друг.

Попытку систематизаціи религіозно-назидательнаго беллетристическаго матеріала, хотя не всегда достаточно художественнаго, можно видѣть въ книжкахъ *С. Успенскаго* „Катихизисъ въ разсказахъ. Живые уроки по Закону Божію“. Изд. Сытина М. 1912 г. 5 вып. ц. 25—35 к. Здѣсь же можно упомянуть и книгу *Г. Дьяченко* „Искра Божія. Сборникъ разсказовъ и стихотвореній, приспособленныхъ къ чтенію въ христіанской семьѣ и школѣ для дѣвочекъ средняго возраста“. М. 1903 г. Ц. 1 р. Болѣе отдаленное отношеніе сюда имѣетъ книга: *И. Горбунова-Посадова* „Рождественская звѣзда“. Сборникъ разсказовъ и сказаній В. Гюго, Ф. Коппе, Ж. Леметра, П. Лоти, Ч. Диккенса, Б.-Гарта, Андерсена и др. (М. 1911 г. Ц. 1 руб. 10 к.). Специальный указатель беллетристическаго религіознаго чтенія см. въ книжкѣ *Свящ. Е. Сосунцова* Указатель книгъ для чтенія на урокахъ Закона Божія. Каз. 1914, ц. 35 к.

Слѣдуетъ отмѣтить и попытки создать дѣтскую религіозную журналистику. При журналѣ „Христіанинъ“ въ видѣ бесплатнаго приложенія дается „Маленькій Христіанинъ“—крошечныя брошюрки съ содержаніемъ, далеко не всегда учитывающимъ кругъ интересовъ и степень пониманія дѣтей. Больше вниманія заслуживаетъ новый журналъ „Незабудка“. Содержаніе этого журнала, правда, не носитъ всецѣло религіознаго характера, и журналъ вообще составляется очень разнообразно, но все же основною своей задачей „Незабудка“ ставитъ такъ изображать всю окружающую жизнь, чтобы читатель невольно вспоминалъ небо. И на самый міръ Божій „Незабудка“ смотритъ, какъ на „обширный нерукотворенный храмъ“.

Кромѣ упомянутой книжки о. Сосунцова, еще указатели книгъ для религіознаго чтенія ребенка: *Прот. А. Климина* Списокъ книгъ ре-

лиг.-нравственныхъ. Одесса, 1913; *Свящ. Н. Шафаревскаго*. Примѣрн. каталогъ по предмету Зак. Бож. Кіевъ, 1913, ц. 20 к. Въ статьѣ „Руководство о религіозн. чтеніемъ ребенка“—„Народн. Образов.“ 1914, кн. 2.

Книги для дѣтей младшаго (дошкольнаго) возраста ¹⁾.

Когда-то Руссо говорилъ, что если бы взять ученѣйшаго изъ ученыхъ людей и всѣ знанія, какія у него есть, подѣлить на двѣ половины, причемъ въ одну отнести знанія, полученныя въ первоначальномъ дѣтствѣ—до школы, до книги, а въ другую—знанія, полученныя въ школѣ, знанія книжнаго характера, то оказалось бы, что первая половина значительно превосходитъ вторую. И дѣйствительно, какую огромную работу приходится продѣлывать ребенку не только для того, чтобы познать все разнообразіе вещей окружающаго его міра, но еще раньше приспособить къ тому свои познавательные органы. „Посмотрите на этого малютку, говоритъ Фребель: онъ едва держится на ногахъ и только съ огромнымъ трудомъ можетъ двигаться впередъ, онъ замѣчаетъ хворостинку или соломинку, онъ старательно беретъ ихъ и несетъ, словно птичка, что вьетъ весною свое гнѣздышко. А вотъ взгляните на ребенка, что старательно сгибается и возится около водосточной трубы. Дождемъ вымыло изъ земли маленькіе пестрые камешки, и внимательный глазъ ребенка собираетъ ихъ, какъ матеріалъ для созиданія своего будущаго міропониманія“. Итакъ самую природою на маленькаго ребенка возложена огромная познавательная задача, его уму дана обширная познавательная работа.

Съ другой стороны въ жизненныхъ процессахъ ребенка нельзя не отмѣтить того факта, что въ первыя семь лѣтъ его мозгъ *интенсивно* растетъ, сравнительно быстро увеличиваясь въ своемъ объемѣ. Эта интенсивность мозгового роста заканчивается къ 7—8 годамъ жизни ребенка. Итакъ,

¹⁾ *М. Соболевъ*, Книжки для неграмотныхъ дѣтей, Восп. и Обуч. 1895, 6; *Н. Зимченко*, Книги и книжки для маленькихъ дѣтей, Восп. и Обуч. 1884, 3—12; *И. Петровъ*, О чтеніи дѣтей дошкольнаго возраста. Воспит. и Обуч. 1895, 8.

какъ сказано, природа возлагаетъ на мозгъ ребенка огромную познавательную работу, а между тѣмъ его мозгъ теперь усиленно занятъ своимъ собственнымъ дѣломъ—ростомъ.

Фребель, какъ извѣстно, совершенно не вноситъ чтеніе въ составъ занятій въ дѣтскомъ саду; очевидно, онъ считаетъ это дѣломъ не дошкольнаго возраста. Современная работница по вопросамъ дошкольнаго воспитанія М. Монтессори, хотя и вводитъ въ свой „Домъ ребенка“ чтеніе, но въ то же время она рядомъ опытовъ доказываетъ, что маленькія дѣти не способны къ *связному чтенію книгъ*. „Книга, говоритъ она, прибѣгаетъ къ логическому языку, а не къ механизму рѣчи. Прежде чѣмъ ребенокъ начнетъ понимать книгу и получать отъ нея удовольствіе, долженъ развиться его логическій языкъ. Между умѣніемъ читать отдѣльныя слова (и фразы) и умѣніемъ улавливать смыслъ цѣлой книги (или разсказа)—такая же пропасть, какъ между умѣніемъ проносить слово и умѣніемъ произнести рѣчь“. „Я бросила, добавляетъ она, чтеніе съ дѣтьми книгъ и стала ждать“¹⁾.

Приведенные факты и соображенія необходимо имѣть въ виду, когда рѣшаются вопросы о чтеніи дѣтей младшаго, дошкольнаго возраста. Не нужно, конечно, прятать отъ ребенка книгу, но съ другой стороны и давать книгу въ его руки нужно съ большою осторожностью, чтобы не повредить интересамъ его мозгового роста и психическаго развитія. Вотъ почему самъ собою напрашивается выводъ: чѣмъ меньше по возрасту и развитію своему ребенокъ, тѣмъ меньше ему нужна и полезна книга. Въ частности по естествознанію, по справедливому замѣчанію Е. А. Елачича, для ребенка младшаго возраста никакой книги еще быть не можетъ и не должно быть. Такому ребенку надо смотреть, видѣть, осязать, слышать, ощущать природу въ цѣломъ и въ частяхъ ея непосредственно, реально, лично. Елачичъ говоритъ о чтеніи книгъ по естествознанію, но приведенныя слова въ значительной степени можно относить и вообще къ чтенію маленькихъ дѣтей. Вполнѣ гармонируетъ съ сказаннымъ и мнѣніе г-жи Е. Соловьевой о журнальномъ чте-

¹⁾ Д-ръ М. Монтессори, Домъ ребенка. М. 1913, стр. 275.

ніи малютокъ. Въ „Вопросахъ дошкольнаго воспитанія“ (сборн. 2-ой, СПб, 1913) она пишетъ: журналъ нужно допускать къ дѣтямъ, начиная лѣтъ съ 9—10; младшій же возрастъ до 8-ми лѣтъ предоставить еще непосредственному общенію съ природой, а если и вводить чтеніе, то въ малыхъ дозахъ, въ видѣ отдѣльныхъ книгъ, тщательно подобранныхъ къ данной индивидуальности“.

Наконецъ нельзя не считаться и съ такимъ фактомъ: чѣмъ меньше дѣти, тѣмъ больше психика ихъ удалена отъ психики взрослого человѣка и тѣмъ труднѣе понять ее. Поэтому писать для маленькихъ дѣтей особенно трудно, и плохихъ книгъ въ этой отрасли литературы особенно много. Все это должно еще болѣе побуждать руководителя чтеніемъ дѣтей младшаго возраста къ особенной осторожности.

Переходя къ тѣмъ требованіямъ, какія желательно предъявить къ книгѣ для маленькаго ребенка, необходимо принять во вниманіе умственный багажъ ребенка. Чтобы книга могла оказать вліяніе на читателя, она должна быть прежде всего понятна ему, т. е. должна рождать въ душѣ его отчетливые живые образы описываемыхъ лицъ и событій. А это въ свою очередь находится въ прямой зависимости отъ его способности комбинировать представленія. Между тѣмъ кругъ представленій ребенка очень узокъ, и самыя представленія не отличаются надлежащею полнотой. Что касается до воображенія, то оно тоже слабо, и это затрудняетъ группировку представленій, необходимую для созданія новаго образа, а болѣе или менѣе сложную группировку ихъ и совсѣмъ дѣлаетъ невозможной. Отсюда содержаніе книги для малютки должно быть просто и доступно ребенку, безъ излишней сложности и запутанности; оно должно давать такіе новые образы, которые стоятъ въ тѣсной связи по сходству или по противоположности съ образами, уже имѣющимися у ребенка.

Въ отдѣлѣ о сказкахъ уже говорилось, что указаннымъ требованіямъ въ значительной степени можетъ удовлетворять сказка (въ значительной степени, но не всецѣло и не всякая сказка). Подходящимъ матеріаломъ могутъ быть здѣсь также хорошенькіе безхитростные разсказы изъ дѣтской жизни, самой близкой ребенку, и изъ жизни животныхъ,

преимущественно домашнихъ, какъ болѣе знакомыхъ ему; могутъ быть, понятно, и рассказы изъ жизни взрослыхъ людей, но только въ тѣхъ ея явленіяхъ и съ тѣхъ точекъ зрѣнія, какія не выходятъ за кругъ дѣтскаго пониманія. „Рассказы эти должны давать яркія, легко воспроизводимыя картины событій и какъ можно меньше описаній и разсужденій; фабула ихъ должна быть естественна и незапутанна, изложеніе—просто, краткими предложеніями, безъ излишнихъ подробностей“. (И. Петровъ). Необходимо, чтобы рассказъ затрагивалъ не только умъ, но и чувство читателя. Конечно, чувства въ рассказѣ должны быть вполне доступны дѣтскому пониманію. Напримѣръ, страданія, вызываемыя голодомъ, холодомъ, удовольствіе отъ ощущенія физическаго благосостоянія или пріятнаго сюрприза (елка), любовь къ матери и т. п.; все это способно вызвать въ ребенкѣ чувство горячей симпатіи, тогда какъ душевныя движенія болѣе высокаго порядка останутся совершенно чужды для него.

Относительно литературной формы книгъ настоящаго отдѣла слѣдуетъ замѣтить, что самыя маленькія дѣти особенно интересуются строго размѣренною рѣчью, ритмичнымъ рассказомъ, гдѣ много разъ повторяется одна и та же фраза и гдѣ есть живые словесные образы.

Послѣдовательность въ чтеніи дѣтей дошкольнаго возраста можно установить такую. Сначала рассказы изъ жизни животныхъ съ звукоподражаніями; потомъ рассказы изъ жизни дѣтей; дальше—сказки, сначала народныя, а потомъ искусственныя.

Ниже помѣщается краткій списокъ книгъ для самыхъ маленькихъ дѣтей (4—5 л.), успѣвшихъ завоевать симпатіи читателей и являющихся болѣе или менѣе общепризнанными цѣнностями. Что касается до болѣе подробныхъ указаній книгъ для этого возраста, а затѣмъ и слѣдующаго (6—8 лѣтъ), то эти указанія можно находить въ каталогѣ—„Книги для дѣтей дошкольнаго возраста“, изд. библиотечной комиссіи при О-вѣ содѣйствія дошкольному воспитанію, СПБ. 1912, ц. 30 к.

Азбука въ картинахъ, съ рисунк. А. Бенуа, изд. Эксп. заг. гос. бум. Спб. 1905, ц. 3 р.

Ай ду ду, съ рисунк. Малютина, изд. Мамонтова. ц. 20 к.

Бескова Э. Черничный дѣдка. Переск. съ шведск. Изд. Девр., съ рис., ц. 2 р.

П. Висковатовъ, Бабушка Татьяна, Люшина первая книжка, съ хромолитогр. Нифтрика, изд. Девріена, ц. 1 р. 60 к.

— *Пѣсни бабушки Татьяны*, съ хромолитогр. Эйснера, ц. 1 руб. 60 коп.

— *Внучка бабушки Татьяны*, съ хромолитогр. Эйснера, изд. Девр., ц. 1 р. 60 к. (вторая и особенно третья книги Висковатова значительно хуже первой).

Для крошечныхъ людей, картины Е. Бэмъ, съ рассказами и стихами, собран. Е. Горбуновой и В. Лукьянской, Спб. 1911.

Д. Ивановъ, Зайка-играйка и Глазунъ-сова, сказки; изд. Девр. 1911, съ рисун. автора, ц. 1 р. 30 к.

В. Каррикъ, Сказки-картинки, съ текстомъ; 15 книжекъ, 1910—1911, ц. по 10 к.

Кочетокъ и курочки. Сказка по Аванасьеву. Изд. Девр. съ рис. ц. 1 р. 60 к.

Моя первая книжка, изд. Кнебеля, 1911, ц. 1 р. 50 к.

О. д.-Орѣ, Чернильные человечки. Изд. Вольф. съ раскр. рис., ц. 3 руб.

Посмотри-ка. Міръ малютки. Первонач. нагл. обучен. съ кар. въ краск., изд. Девр., ц. 1 р.

Прочная книжка. Сказки для малютокъ, съ рис. Офтендингера, изд. Девр. 1890, ц. 2 р. 50 к.

Русскія народн. сказки и прибаутки. Съ рис. Е. Полѣновой. Изд. Кнеб. 3 кн. ц. по 75 к.

Рыбка. Сказка въ силуэтахъ Е. Бэмъ. ц. 1 р. Изд. Сыт. съ рис. А. В. Неручева, ц. 30 к. Сказка о дѣдкѣ и рѣпкѣ. Картинки Бэмъ, изд. Горб.-Посад, ц. 15 к.

Силуэты изъ жизни дѣтей Е. Бэмъ, ц. 1 р.

Сказки, съ рис. И. Вилибина, изд. Эксп. заг. гос. бум. 6 кн. ц. по 75 коп.

Сказки, съ рис. А. В. Неручева (Лиса и козель, Лиса и журавль, Лисичка и кувшинъ) изд. Сыт. ц. по 30 к.

Сказки Старухи-говорухи, рис. Дудина и Ткаченко, изд. Девр. 5 вып. ц. по 85 к.

Сорока—воровка кашу варила, съ рис. Изд. Девріена, ц. 40 к.

Толстой Л. Для малютокъ. Съ рис. Гославскаго. Изд. Думнова, 4 вып. ц. по 50 к.

— *Сказки и были*, съ рис. Гославскаго, изд. Думн. 4 вып. ц. по 75 к.

Дѣтскіе журналы ¹⁾.

Начало русской дѣтской журналистики относится къ концу XVIII-го столѣтія. Первымъ у насъ дѣтскимъ журналомъ было „Дѣтское чтеніе для сердца и разума“, издаваемое Н. И. Новиковымъ, при сотрудничествѣ Карамзина. Выходилъ журналъ съ 1785 г. по 1789 годъ. Въ каждой книжкѣ помѣщались повѣсти и рядъ научно-популярныхъ статей. Вотъ какъ редакция журнала въ своемъ обращеніи къ читателямъ (1875 г. № 1) раскрываетъ задачи своего изданія.—„Содержаніе сего журнала будетъ хотя различное, но нужное и соразмѣрное вашему возрасту, вашимъ силамъ и вашему развивающемуся еще понятію. Во-первыхъ, будемъ мы помѣщать въ немъ моральныя и нравоучительныя пьесы, т. е. такія, изъ которыхъ вы можете научиться должностямъ вашимъ къ Богу, общему нашему Отцу... должностямъ къ Государю, родителямъ и наставникамъ вашимъ... должностямъ вашимъ ко всѣмъ людямъ и къ самимъ себѣ. Чтеніе такихъ пьесъ послужитъ къ рожденію въ сердцахъ вашихъ такихъ чувствованій, безъ которыхъ человѣкъ въ жизни благополученъ и доволенъ быть не можетъ. Они помогутъ вамъ сдѣлаться угодными Творцу вашему и добрыми гражданами вашего отечества. Во-вторыхъ, для обогащенія ума вашего журналъ нашъ будетъ содержать въ себѣ пьесы изъ физики, натуральной исторіи, географіи и нѣкоторыхъ другихъ наукъ, которыя будутъ доставлять вамъ свѣдѣнія о разныхъ вещахъ, кои знать вамъ нужно. Итакъ, главнымъ предметомъ сихъ листовъ будетъ польза ваша, но при этомъ постараемся мы дѣлать ихъ вамъ пріятными для того, чтобы вы полюбили свою пользу“. Журналъ Новикова такъ пришелся по вкусу читателямъ, что не разъ перепечатывался и выходилъ отдѣльными изданіями. Симпатичные отзывы о журналѣ мы находимъ у Пирогова, который подаренное ему въ дѣтствѣ отцомъ „Дѣтское чтеніе“ называлъ самымъ лучшимъ подаркомъ въ своей жизни,

¹⁾ Е. Соловьева, Желательный типъ дѣтскаго журнала, Вопросы Дош. Воспит. Годъ 2-й. Спб. 1913; М. Васильевскій, Нуженъ-ли дѣтямъ дѣтск. журналъ? Спб. 1911.

Бѣлинскаго, который, разбирая современные ему дѣтскіе журналы, говоритъ: „Бѣдныя дѣти! Мы были счастливые васъ: мы имѣли Дѣтское чтеніе Новикова“. А вотъ какъ отзывается о журналѣ С. Аксаковъ: Въ дѣтскомъ умѣ моемъ журналъ произвелъ „совершенный переворотъ, и для меня открылся новый міръ... Я узналъ, что такое молнія, воздухъ, облака; узналъ образованіе дождя и происхожденіе снѣга. Многія явленія въ природѣ, на которыя я смотрѣлъ безсмысленно, хотя и съ любопытствомъ, получили для меня смыслъ, значеніе и стали еще любопытнѣе. Муравьи, пчелы и особенно бабочки со своими превращеніями овладѣли моимъ вниманіемъ и сочувствіемъ; я получилъ непреодолимое желаніе все это наблюдать своими глазами“.

Въ началѣ XIX ст. сразу появились два журнала: „Другъ Юношества“ (1807—1812) и „Другъ Дѣтей“ (1809). Оба журнала, издававшіеся, какъ и „Дѣтское Чтеніе“, въ Москвѣ, проникнуты были сентиментальнымъ характеромъ. Въ 1813 г. вышелъ первый журналъ въ Петербургѣ—„Журналъ для дѣтей, или пріятное и полезное чтеніе для образованія ума и сердца, съ картинками“. Это первый иллюстрированный дѣтскій журналъ. Изъ дальнѣйшихъ журналовъ особенно замѣчательнымъ былъ журналъ „Звѣздочка“, издаваемый дѣтскою писательницей Ишимовой; журналъ существовалъ съ 1842 по 1863 г.

50-е и 60-е г.г.—годы общаго оживленія—отразились и на дѣтской журналистикѣ. Почти каждый годъ теперь нарождались новые журналы, изъ которыхъ особенно выделяются „Подонѣжникъ“ (1858—1862 г.г.), въ которомъ сотрудничали Тургеневъ, Гончаровъ, Майковъ, Григоровичъ, и „Разсвѣтъ“ (1859—1862 г.г.). Теперь же зарождаются „Семейные вечера“, „Дѣтское Чтеніе“. Первый журналъ, основанный писательницей Ростовской, существовалъ 26 лѣтъ (1864—1890). „Дѣтское Чтеніе“, основанное (1869 г.) А. Острогорскимъ, въ 1906 году было переименовано въ „Юную Россію“. Позднѣе появились: „Задушевное Слово“ (1877 г.), издающееся до настоящаго времени, и „Дѣтскій Отдыхъ“ (1881 г.), существовавшій до 1908 года; а съ 1881 по 1891 г. выходилъ „Мой журналъ“ съ подзаголовкомъ „журналъ для дѣвочекъ“. На ряду съ беллетристикой и научно-попу-

лярными статьями здѣсь давался отдѣлъ „У рабочаго столика“—наставленія по разнаго рода руководѣліямъ.

Постепенно развиваясь, дѣтская журналистика въ настоящее время располагаетъ достаточнымъ количествомъ журналовъ—свыше 20. Лучшіе изъ нихъ будутъ названы ниже.

Въ новое время противъ дѣтскихъ журналовъ раздаются многочисленные голоса, при чемъ изъ возраженій наиболѣе сильными являются два слѣдующихъ. Дѣтскій журналъ не можетъ быть надлежащимъ отзвукомъ на текущую современность, которая дѣтямъ и не понятна, и не интересна, поэтому и дѣтскій журналъ не есть журналъ въ собственномъ смыслѣ, а (какъ говоритъ Н. В. Чеховъ) періодическій сборникъ болѣе или менѣе случайныхъ матеріаловъ. Затѣмъ, дѣтское чтеніе должно быть строго индивидуализировано, а этого не возможно достигнуть, когда въ рукахъ у ребенка будетъ журналъ, нисколько не примѣняющійся къ данной личности читателя и для всѣхъ несущій одинъ и тотъ же матеріаль.

Остановимся пока на второмъ положеніи. Конечно, есть въ жизни такіе жгучіе вопросы, которые не могутъ быть рѣшены для всѣхъ въ одинаковой формѣ. Эти вопросы нельзя излагать объективно и съ перерывомъ отъ номера до номера; они требуютъ индивидуальнаго толкованія съ глазу на глазъ. Но помимо этихъ вопросовъ существуютъ интересы, которые повторяются въ жизни каждаго, существуютъ основные факторы жизни, доступные и дѣтямъ—игры, товарищи, животный міръ, природа, семья, школа, учитель, искусство, общество. Все дѣтство, говоритъ г-жа Соловьева, проходитъ въ опредѣленіи своего отношенія къ этимъ явленіямъ, въ переживаніяхъ на эти темы; всѣ эти стороны и должны быть захвачены дѣтскимъ журналомъ. Конечно, здѣсь нужно считаться съ возрастомъ читателей, но для этого и журналы дѣтскіе должны дѣлиться по возрастамъ. Наконецъ, нѣкоторая индивидуализація достигается и выборомъ журнала. Нѣкоторые наши дѣтскіе журналы имѣютъ свою опредѣленную литературную фізіономію. Такъ „Юная Россія“, имѣя своими сотрудниками такихъ писателей, какъ Маминъ-Сибирякъ (нынѣ покойный), Ба-

ранцевичъ, Н. Данченко, Серафимовичъ, Шмелевъ, Гусевъ-Оренбургскій, носитъ характеръ реально-художественный, а покойная „Тропинка“ не чуждалась романтическихъ настроеній и сильно граничила съ модернистическими теченіями. „Маякъ“, такъ сказать, зиждущійся на идеяхъ Л. Толстого, хочетъ будить въ своихъ читателяхъ любовь ко всему живому, въ духѣ гуманно-идеалистическомъ, а вновь нарождающійся журналъ „Незабудка“ ставитъ своею задачей проводить начала, обвѣянные христіанскимъ идеализмомъ, будя въ своихъ читателяхъ любовь къ Богу и ко всему Божьему міру. „Родникъ“ стремится между прочимъ къ широкой популяризаціи знаній, а „Задумчивое Слово“ забавляетъ своихъ читателей писаніями Чарской. „Игрушечка“ предназначаетъ свой матеріаль для дѣтей интеллигентныхъ, состоятельныхъ круговъ, а „Солнышко“ дастъ матеріаль, годный и для деревенскихъ школьничковъ.

Нѣкоторую опасность журналъ можетъ представлять и тѣмъ, что онъ можетъ искусственно втягивать ребенка въ чтеніе, муссировать его читательскую наклонность. Но съ другой стороны есть соображенія, которыя даютъ свой *raison d'être* дѣтскому журналу. Вотъ эти соображенія.

Журналъ систематизируетъ художественное и научное чтеніе дѣтей и, если журналъ выбранъ правильно, ребенку гарантируется возможность получать для своего чтенія безусловно добропорядочный матеріаль. Во всякомъ случаѣ этой гарантіи здѣсь больше нежели тогда, когда не имѣющей возможности поруководить дѣтскимъ чтеніемъ родитель отпрапляется въ магазинъ и набираетъ тамъ всякаго попавшагося подъ руку хлама. А если имѣть въ виду деревенскаго родителя, то онъ лишенъ (можетъ быть—даже къ лучшему) и этой послѣдней возможности. Конечно, при помощи соответствующаго подбора книгъ чтеніе ребенка легче можетъ быть индивидуализировано, и для тѣхъ дѣтей, которыя могутъ пользоваться въ чтеніи разумнымъ руководствомъ и подборомъ книгъ, дѣтскій журналъ не нуженъ, и даже лучше, если не будетъ его; но разъ нѣтъ самой возможности такого подбора, то нельзя отказываться отъ услугъ дѣтскаго журнала. Большимъ недостаткомъ журнала является отрывочность его матеріала, и, чтобы не увеличивать еще

болѣе этого недостатка, журналъ не долженъ дробить статей и разсказовъ, растягивая ихъ на нѣсколько книжекъ.

Что касается до вопроса о томъ, насколько журналъ является потребностью самихъ дѣтей, любопытными являются данныя анкеты, произведенной П. Г. О-вомъ содѣйствія дошкольн. воспит. въ 1910 году. Было опрошено до 3000 дѣтей; отвѣтовъ получено 2848. За книгу высказалось 43%, за журналъ—39%, за то и другое одинаково—12% и безъ отвѣта—6%. При этомъ до 9 лѣтъ больше интереса обнаруживается къ журналу. Потомъ интересъ къ журналу постепенно падаетъ, и начинаетъ преобладать интересъ къ книгѣ. Послѣ 15 лѣтъ интересъ къ журналу опять повышается¹⁾. Въ самомъ журналѣ дѣти, по этой же анкетѣ, обнаруживаютъ наибольшій интересъ къ разсказамъ, потомъ къ путешествіямъ. Дальше идутъ такія требованія мальчишковъ: веселые разсказы, научныя статьи, современныя событія и изобрѣтенія, загадки, ребусы, стихи, пьесы, письма; дѣвочекъ: письма, стихи, пьесы, загадки, научныя статьи, извѣстія объ изобрѣтеніяхъ и современныхъ событіяхъ. Впрочемъ на вкусы дѣтей здѣсь, какъ и въ другихъ отдѣлахъ чтенія, всецѣло полагаться не приходится. По статистическимъ даннымъ оказывается, что наибольшимъ спросомъ часто пользуются журналы, далеко не наилучшіе. Такъ по свѣдѣніямъ Кіевской почт. конторы за 1912 годъ, въ Кіевѣ изъ дѣтскихъ журналовъ выписывались болѣе всего: „Задуманное слово“ (292), „Свѣтлячокъ“ (220) и „Путеводный Огонекъ“ (180).

Выше отмѣчалось сѣтованіе на то, что дѣтскій журналъ не даетъ собственно журнальнаго, современнаго матеріала, и въ связи съ этимъ стоятъ попытки новаго времени создать дѣтскую газету. Но повидимому нельзя найти ни одного педагогическаго мотива, который бы позволилъ привѣтствовать это явленіе. Въ наше время жизнь съ ея шумомъ, гамомъ, яркимъ блескомъ электрическихъ огней, лихорадочной суетней ставитъ развитіе ребенка въ особенно тяжелыя условія, оглушая, ослѣпляя ребенка, не давая ему возможности спокойно взглянуть въ окружающія его явленія, разобратъ въ нихъ; жизнь преждевременно

и непосильно истощаетъ его нервныя силы. При такихъ условіяхъ приходится предъявлять особенно строгія требованія ко всемъ факторамъ воспитанія ребенка и въ частности—къ его чтенію. Дѣтское чтеніе не только не должно увеличивать нервозности ребенка, оно, напротивъ, должно дать ему возможность спокойной сосредоточенности, должно приучать ребенка серьезно задумываться надъ окружающими явленіями, углубляться въ нихъ. Вотъ почему, если бы появилась даже идеальная, безупречная по своему матеріалу дѣтская газета, то и тогда ея появленіе слѣдовало бы встрѣчать не привѣтствіями, а горькимъ сожалѣніемъ о молодыхъ, не окрѣпшихъ побѣдахъ: вѣдь всякій ежедневникъ невольно будетъ только поверхностно скользить по текущимъ явленіямъ жизни, невольно будетъ втягивать ребенка въ злобу дня, съ которой не всегда могутъ справиться и закалившіеся уже нервы взрослого человѣка. Но дѣйствительность даетъ образцы, болѣе чѣмъ далекіе отъ идеала. Съ 1912 г. въ Одессѣ начала выходить ежедневная „первая въ Россіи, какъ она называетъ себя, воспитательно-правственная, духовная и литературно-художественная газета—Гудокъ“. Здѣсь имѣются на лицо всѣ обычные отдѣлы газеты вплоть до объявленій, вродѣ слѣдующаго: „Дѣти, просите вашихъ родителей купить или покупайте сами конфеты, мармеладъ, и монпансье только фабрики Р“... Ни со стороны педагогической, ни художественной, ни даже со стороны элементарной грамотности и здраваго смысла газетка эта не выдерживаетъ никакой критики¹⁾.

Въ виду того, что журналъ представляетъ изъ себя величину, постоянно измѣняющуюся, трудно дать определенную характеристику каждому изъ дѣтскихъ журналовъ. Лучшими изъ нихъ нужно признать слѣдующіе.

Для старшаго возраста.

„Родникъ“ (Ред. Н. А. Альмедингенъ, Спб., ц. 5 р.); „Юная Россія“ (Ред. Д. И. Тихомировъ, Моск., ц. 5 р.); „Маякъ“ (Ред. И. И. Горбуновъ-Посадовъ, Моск., ц. 4 р.); „Всходы“ (Ред. Н. Моревъ, Спб., ц. 5 р.).

¹⁾ Вопросы дошкольн. воспит. Т. 1-й. Спб. 1912.

¹⁾ См. мои замѣтки объ этой газеткѣ въ „Вѣстн. Воспитанія“, 1913, кн. 5.

Для *средняго* возраста.

„Семья и Школа“ (Ред. В. Львовъ, Моск., ц. 3 р.); „Игрушечка“ (Ред. А. Н. Пѣшкова-Толившова, Спб., ц. 3 р.).

Для *младшаго* возраста.

„Солнышко“ (Ред. Н. А. Альмедингенъ, Спб., ц. 1 р.); отчасти — „Свѣтлячокъ“ (Ред. А. А. Ѳедоровъ-Давыдовъ, Моск., 24 №№, ц. 4 р.).

Для *дошкольнаго* возраста нѣтъ удовлетворительнаго журнала, о чемъ, впрочемъ, принимая во вниманіе сказанное раньше о чтеніи дѣтей младш. возраста, *и жалеть не приходится*. Изъ существующихъ журналовъ („Красныя Зори“, Малютка“, „Для малютокъ“ — отдѣлъ ж. „Игрушечка“) лучше другихъ является „Малютка“ (Ред. А. К. Анисимова, Моск. ц. 2 р. 50 к.).

Глава III.

Главнѣйшія теченія въ русской дѣтской литературѣ (беллетристика).

Цѣль настоящей главы разобратъ въ главнѣйшихъ теченіяхъ русской художественной дѣтской литературы, для чего необходимо разсмотрѣть произведенія соотвѣствующихъ писателей. Что касается до самихъ авторовъ, произведенія которыхъ затрагиваются, то здѣсь не будетъ полного разбора ихъ творчества, изъ каждаго автора будетъ взято только то, что можетъ быть пригодно для характеристики соотвѣствующаго литературнаго направленія¹⁾.

Сентиментальное направленіе.

Сентиментализмъ, захватившій нашу общую литературу въ началѣ XIX столѣтія, напелъ свое отраженіе и въ дѣтской беллетристикѣ. При этомъ нужно вообще замѣтить, что то или другое литературное теченіе проникаетъ въ дѣтскую литературу естественно нѣсколько позднѣе и держится здѣсь поотому дольше, нежели въ общей литературѣ. Въ этомъ отношеніи дѣтская литература, хотя не всегда на много, но все же идетъ обычно позади общей литературы. Вотъ почему сентиментализмъ нашей литературы, успѣвшій уже въ первой чет-

¹⁾ Въ критическихъ замѣчаніяхъ на первое изданіе моей книги указывалось, какъ недостатокъ, объединеніе въ настоящей главѣ писателей, различныхъ по своимъ литературнымъ достоинствамъ, когда, положимъ, Чарская ставится рядомъ съ Желиховской и Сысоевой, Макарова съ Засодимскимъ и т. д. Но настоящая глава не преслѣдуетъ цѣлей рекомендательныхъ, и если тѣ или другіе писатели ставятся рядомъ, то не какъ одинаковыя цѣнности, одинаково рекомендуемые, а какъ выразители, хотя и съ различными силами и способностями, одного литературнаго направленія.

верти XIX-го столѣтія уступить мѣсто романтическому направлению, въ дѣтской литературѣ остается до 60-хъ годовъ и даже позднѣе. Это теченіе у насъ значительно поддерживалось и переводными нѣмецкими дѣтскими книжками, вродѣ книжекъ Ф. Гофмана („Маленькіе рассказы“, „Бѣдный мальчикъ“, „Безпріютный“, „Дѣти труженика“ и др.) и Цюкке, „Дѣлатели золота“. Последняя книжка (изд. на русск. яз. въ 1861 г.) составлена ученикомъ Песталоцци на сюжетъ его „Лингарда и Гертруды“ и съ тою же чувствительностью, которая была такъ присуща любвеобильному сердцу швейцарскаго педагога—„отца“ Песталоцци. Изъ русскихъ писателей разсматриваемое теченіе сказывается у Фурмана, Разина, Ярцевой, Чистякова и др.

Повѣсти *П. Р. Фурмана* (1809—1856) — „Саардамскій Плотникъ“, „А. Д. Меньшиковъ“, „А. В. Суворовъ-Рымникскій“, „Я. Ф. Долгоруковъ“, „М. В. Ломоносовъ“, „Н. В. Долгорукая“ и др.—носятъ исключительно характеръ историко-біографическій, и это обстоятельство не благоприятствуетъ обилію въ нихъ сентименталистическихъ элементовъ. Тѣмъ не менѣе и въ историческую канву Фурманъ находитъ возможнымъ вносить нѣкоторую дозу сентиментализма. Возьмемъ хотя бы первую повѣсть „Саардамскій Плотникъ“. Здѣсь идетъ рассказъ о пребываніи Петра В. за границей, и наряду съ историческимъ повѣствованіемъ мы находимъ такую сценку.—Къ сердитому мельнику Фоэрбуку рано утромъ являются маленькіе мальчикъ и дѣвочка. Робко отворяютъ они дверь, робко входятъ въ мельницу и встрѣчаютъ неласковый пріемъ мельника: и вчера они три раза приходили, и сегодня чуть свѣтъ—ужъ надоѣдаютъ ему.

„Дѣвочка въ смущеніи опустила голову и стала щипать конецъ своего передника. Мальчикъ же устремилъ свои свѣтлые голубые глаза на бѣлый колпакъ сердитаго мельника и отвѣтилъ на неласковый пріемъ:

— Простите намъ, мейстеръ Фоэрбукъ, но мы сами жали и сами молотили эту рожь, а потому намъ хочется поскорѣе покушать собственнаго хлѣба. Папенька говоритъ, что заработанный хлѣбъ вкуснѣе“.

И эта трогательная тирада мальчика смягчаетъ суровое сердце мельника. Подобныхъ сценъ, правда, у Фурмана не

такъ много, и типичнымъ сентименталистомъ признать его нельзя, но все же тяготѣніе къ сентиментализму, проблески его у Фурмана, какъ видимъ, есть¹⁾.

А. Е. Разинъ († 1875 г.) выступаетъ, главнымъ образомъ, съ матеріаломъ или тоже историческимъ („Дѣдушка Гостомысль“, „Разоренный годъ“ — изъ эпохи 1812 года, „Первые жители Европы“, „Мечты и происки въ Самборѣ“, „Историческіе рассказы и біографіи“, или этнографическимъ („Картины русской жизни“), географическимъ („Алеутскіе острова“, „Сѣверный полюсъ“), естественно-историческимъ („Рассказы о животныхъ и растеніяхъ“, „Какъ поймать солнечный лучъ“); есть у него и отдѣлъ беллетристическій — сборникъ „Повѣсти и рассказы для дѣтей“, а также отдѣльныя повѣсти „Петро Акчимъ“, „Счастье быть богатымъ“, „Субала, добродушный слонъ“ и др. Всѣ послѣднія книжки написаны живо, тепло и довольно художественно, такъ что и взрослымъ читаются съ большимъ интересомъ.

Въ виду того, что произведенія Разина скорѣе носятъ популярно-научный характеръ—его писательскому настроенію въ духѣ сентиментализма, какъ и у Фурмана, нѣтъ надлежащаго простора. Все же задатки сентиментализма у него можно находить даже въ историческихъ повѣстяхъ. Съ чертами сентиментализма изображается въ „Дѣдушкѣ Гостомыслѣ“ Любуша — жена воина Стемира; она безумно любитъ свою „единственную утѣху, сокровище безцѣнное“ — сына Хориньку, а послѣ потери краснощекаго и кудряваго Хорька у христіанина Родіона учится „находить успокоеніе и утѣшеніе въ покорныхъ молитвахъ и сладкихъ слезахъ“. Нѣкоторую дозу чувствительности можно видѣть и въ славянскомъ князѣ—старшинѣ Богомилѣ, который горько задумывается при мысли о томъ, что враги стремятся закабалить его; „слезы текутъ по его щекамъ, голова опускается на грудь“; и въ суровомъ варягѣ Ронгвальдѣ, который подъ вліяніемъ христіанства, измѣняется, дѣлается „будто ласковый младенецъ и мягче гораздо, и по-женски какъ то лас-

¹⁾ Фурманъ въ 1850 г. издалъ книгу „Письма путешественника къ друзьямъ“. Это до нѣкоторой степени тоже указываетъ на тяготѣніе Фурмана къ классикѣ нашего сентиментализма—Караизину.

ковѣ“; и во всѣхъ славянскихъ старшинахъ, которые послѣ кровавой распри, заключивши миръ и „перецѣловавшись, развѣзжаются довольные, спокойные и увѣренные въ томъ, что каждый изъ нихъ, скрѣпляя и обезпечивая миръ, оказалъ важную услугу своему роду“. Еще сильнѣе сентиментализмъ выступаетъ въ чисто беллетристическихъ произведеніяхъ Разина, какъ, напримѣръ, въ повѣсти „Петро Акчимъ“, гдѣ одинокій охотникъ, зырянинъ Петро, оказывается способнымъ на такую нѣжную любовь къ своей дочери, что, каждый разъ, какъ увидитъ ее, „обрадуется, будто три года не видалъ. Дитя ты мое, причитаешь, солнышко мое красное, горлица милая... Такъ все причитаешь, а самъ все по головкѣ гладить“. То же мы видимъ въ повѣсти „Субала добродушный слонъ“. Здѣсь изображается трогательная дружба двухъ стариковъ-товарищей, всю жизнь проработавшихъ вмѣстѣ,—слона Субалы и его погонщика Керумалы. И помираютъ оба старика вмѣстѣ. Сначала—слонъ, а потомъ умираетъ надъ его трупомъ, обливаясь горькими слезами и бѣдный осиротѣвшій старикъ Керумаль. Послѣдняя сцена написана такъ тепло и живо, что, вѣрно, не одну слезу доброго состраданія вызвала у чувствительнаго читателя.

У Л. А. Ярицевой (1794—1874) мы находимъ сентиментализмъ уже въ большихъ дозахъ, и при томъ сентиментализмъ здѣсь уже принимаетъ нѣсколько новый характеръ—поучительно-назидательный... Таковы ея повѣсти „Счастливое семейство“, „Первый день Свѣтлаго праздника“ и особенно—чувствительная книга, заключающая въ себѣ шесть рассказовъ подъ общимъ заглавіемъ „Въ каждомъ состояніи можно дѣлать добро“, гдѣ писательница касается самыхъ различныхъ состояній отъ нищеты до миллионера и отъ простой горничной до княгини.

Но наиболѣе полнымъ выразителемъ въ дѣтской литературѣ сентиментальнаго направленія слѣдуетъ признать М. Б. Чистякова (1809—1885). Чистяковъ много и очень долго трудился на поприщѣ дѣтской литературы, работая и надъ дѣтскимъ журналомъ („Журналъ для дѣтей“), который онъ издавалъ въ ближайшемъ сотрудничествѣ Разина, и надъ цѣлымъ рядомъ отдѣльныхъ книгъ. Выступивши на литературное поприще въ 40-хъ годахъ минувшаго столѣтія,

онъ писалъ въ теченіе почти цѣлаго полуувѣка. За это время у насъ успѣли смѣниться цѣлыя литературныя направленія, за это время у насъ созрѣла реалистическая литература, и все это, конечно, не могло не сказаться на сентиментализмѣ Чистякова. Его сентиментализмъ уже не носитъ характера карамзинской созерцательной чувствительности и слезливости. Сентиментализмъ Чистякова скорѣе принимаетъ видъ дѣятельнаго, здороваго и серьезнаго сочувствія и состраданія ко всему страждущему. „Многіе не любятъ, заявляетъ самъ онъ, чтобы описывали горе, даже считаютъ это безнравственнымъ по христіанскому чловѣколюбію; впрочемъ, Богъ съ ними, съ этими нарумяненными, театральными чловѣколюбцами: мы будемъ стараться, чтобы читатели наши не закрывали глаза отъ горя и сердце отъ состраданія“. („Родное“).

Изъ книгъ, предназначенныхъ для дѣтей младшаго возраста (отъ 7 до 10 лѣтъ), обращаютъ на себя вниманіе у Чистякова „Рассказы и сказки для дѣтей“, а среди этихъ рассказовъ особенно выдѣляется популярный рассказъ, который можно рекомендовать для грамотныхъ дѣтей самаго младшаго возраста—„Приключенія маленькой бѣлочки Бобочки“. Здѣсь рассказывается о злоключеніяхъ молодой бѣлочки, которая, впрочемъ, оканчивается благополучно. Х. Д. Алчевская очень симпатично отзывается объ этомъ рассказѣ, цѣняя неподражаемую наивную прелесть его и увлекательность. Кто изъ насъ, говоритъ Алчевская, не видѣлъ того интереса, съ какимъ читаютъ этотъ рассказъ дѣти, и тѣхъ искреннихъ дѣтскихъ слезъ участія, страха и состраданія къ слабому, которыми сопровождается обыкновенно это чтеніе? А съ какимъ восторгомъ дѣти встрѣчаютъ спасеніе бѣлочки.—„Слава Богу! Слава Богу! радостно кричатъ они, когда попытки злой лисицы достать бѣлочку на скалѣ оказываются неудачными.

Для дѣтей старше 10 лѣтъ—сборники „Корни и Плоды“ и „Мелкій бытъ“. Въ первомъ сборникѣ (рассказы „Молодой фризъ“, „Приключенія бѣднаго мальчика“, „Митя Карвуть“ и др.) героями выступаютъ, главнымъ образомъ, умные, честные и нѣсколько резонерствующие мальчики. Они много страдаютъ, но ихъ прекрасныя качества въ концѣ концовъ

снискиваютъ имъ любовь и покровительство добрыхъ людей. Книга „Мелкій бытъ“ заключаетъ въ себѣ рассказы подобнаго же характера („Сирота“, „Приемышъ“). И здѣсь героями выступаютъ дѣти, благонаправныя, любящія трудъ и стремящіяся къ нему и, въ концѣ концовъ, вознаграждаемыя за свое благонаправіе.

Сентиментализмъ Чистякова виденъ и въ мелкихъ вещахъ. Вотъ рассказикъ („Пересаженный цвѣтокъ“ изъ сборн. „Корни и Плоды“), гдѣ сентиментализмъ носитъ наивный характеръ. — „Бродилъ въ лѣсу я, такъ, ни за чѣмъ. Гляжу, въ травѣ цвѣточекъ крошечный горитъ, какъ звѣздочка, какъ умный глазокъ. Я наклонился къ нему. И онъ жалобно, нѣжненькимъ голоскомъ говоритъ мнѣ: „Не рви меня, вѣдь я завяну!“ Я выкопалъ его съ землей, принесъ къ себѣ и посадилъ въ своемъ маленькомъ садикѣ. Онъ принялся и цвѣтеть тамъ“¹⁾. Въ другомъ маленькомъ рассказѣ („Соловей на волѣ и въ клѣткѣ“) авторъ стремится пробудить дѣятельное состраданіе.

Еще сильнѣе сентиментальное настроеніе Чистякова выступаетъ въ болѣе крупныхъ вещахъ. Вотъ рассказъ „Дѣдушка Гусенокъ“. Съ такимъ страннымъ прозвищемъ въ рассказѣ выступаетъ мужикъ Иванъ, который еще въ дѣтствѣ, сострадая всему слабому, съ опасностью для своей жизни спасъ пропавшаго гусенка. Послѣ вынужденной разлуки съ родною деревней на городскихъ заработкахъ, Иванъ возвращается домой. И вотъ въ его головѣ проносятся мнѣя деревенскія картины. „Вотъ жена гонитъ овецъ и коровъ на рѣку, на водопой. За ними идетъ и сѣрая собака. Коровы и овцы обступили проруби и съ разстановкой пьютъ воду, въ промежуткахъ поглядывая въ поле, какъ будто спрашивая, скоро ли на немъ зазеленѣетъ трава и запестрѣютъ цвѣты... На дворѣ, обрадовавшись простору и весеннему теплу, на чистой соломѣ валяются дѣти. Молоденькій курчавенькій баранчикъ, выскочивъ изъ темнаго и теплаго хлѣва и сдѣлавъ нѣсколько неловкихъ прыжковъ,

¹⁾ Собственно говоря, это взято, хотя и безъ оговорокъ, съ нѣмецкаго и есть даже не передѣлка, а прямо переводъ стихотворенія Гете „Gefunden“.

остановился, ослѣпленный непривычнымъ солнечнымъ блескомъ и, кажется, думаетъ: что-жъ это такъ ясно? Хорошо ли это, что такъ свѣтло? Не лучше ли, чтобы и здѣсь было также темно, какъ у насъ въ закутѣ?—Глупенькій! Онъ еще не чувствуетъ, какъ прекрасенъ и радостенъ Божій свѣтъ! Душа Ивана растрогалась тѣмъ томно-сладкимъ чувствомъ, въ которомъ и любовь, и тоска разлуки, и надежда свиданія, и сожалѣніе, и радость, и робость смутно сливаются вмѣстѣ и отдаются въ душѣ, какъ звуки тысячи отдаленныхъ струнъ, или жужжанье пчелиныхъ роевъ въ дремлющемъ воздухѣ жаркаго лѣтняго дня“. По дорогѣ Иванъ спасъ отъ смерти больного прохожаго, выходилъ его, поставилъ на ноги, и пришло время имъ разставаться. Вотъ сцена прощанія. „Помолились они Богу и, бросившись другъ другу на шею, обнялись крѣпко и плакали, какъ дѣти. Высвободившись изъ объятій Ивана, прохожій бросился ему въ ноги, обнималъ ихъ и какими-то молящими, замирающими словами говорилъ: „Душа ты моя любезная! Глазъ ты мой дорогой! Зорюшка ты моя золотая! Какъ мнѣ съ тобой разстаться?.. Вѣдь, ты меня все равно, что изъ могилы выкопалъ, изъ-подъ сырой земли на свѣтъ Божій вывелъ... Христовъ ты человекъ.“

Иванъ поднялъ его и цѣловалъ жарко. Трудно было имъ разставаться: разойдутся, разойдутся, пойдутъ каждый своею дорогой, но оглянутся назадъ и опять бросятся другъ другу на шею и такъ трогательно ласкаютъ одинъ другого и словами и взглядами добрые мужички, что казалось, глядя на нихъ, заколыхалась молодая зелень и чаще съ нея стала капать на землю утренняя роса.

— Послушай, братъ: вѣдь мы этакъ износимъ другъ по другѣ, сказалъ Иванъ, обмѣняемся на память кафтанами; все-таки хоть казаться будетъ, что не совсѣмъ разошлись.

Они это и сдѣлали и, дѣйствительно, простились нѣсколько спокойнѣе и пошли каждый своею дорогой... „Дай Богъ тебѣ и семьѣ твоей таланъ и счастье“, шепталъ Иванъ. И онъ шелъ съ свѣтлымъ чувствомъ, и сладко было ему дышать утреннимъ воздухомъ первой весны и утреннимъ вѣтромъ освѣжать разгорѣвшееся лицо“.

Правда, авторъ здѣсь имѣетъ дѣло съ глубоко-жизнен-

нымъ фактомъ—съ порывами чувства простого крестьянскаго сердца, способнаго на благодарную отзывчивость за всякое сдѣланное для него добро. Но все же фактъ этотъ приобретаетъ у Чистякова слишкомъ чувствительную, удаляющую его отъ дѣйствительности окраску.

И до старости Иванъ сохраняетъ у Чистякова свою чувствительность. Вотъ онъ, уже дряхлый старикъ, въ жаркій полдень пасетъ на лугу гусей. „Вѣтеръ не дохнетъ; вода не шелохнется; солнце равномерной теплотой и ясностью обливаетъ всѣ предметы съ свѣтлой вышины. Желтовато-зеленоватый пухокъ гусенятъ сливается съ желтизною и зеленью травы. Старые гуси отъ времени до времени смыкаютъ глаза въ дремотной теплотѣ. Дѣдушка Гусенокъ, проникаемый тонкою теплотой, глядитъ, глядитъ на все это, думаетъ о чемъ-то, думаетъ и такъ растрогается кроткою старческою душой, что заплачетъ. Отъ радости это или отъ печали, отъ воспоминаній или отъ какихъ нибудь предчувствій, или отъ того сладкаго волненія души, которое безотчетно овладѣваетъ ею, когда въ нее, какъ лучи солнца, льются тысячи думъ отъ всѣхъ предметовъ—Богъ его знаетъ“...

Какъ видно изъ приведеннаго разсказа, Чистяковъ отдаетъ должную дань сентименталиста восхищеніямъ предъ красотою сельской природы, онъ умиляется трогательною простотою ея. Счастливый случай заноситъ его въ глушь прелестныхъ поселковъ, рассказываетъ онъ въ одномъ мѣстѣ. Путешествуетъ онъ между душистыми липовыми и кленовыми лѣсами, между нивами ряби, окаймленными „нашими простыми, но милыми цвѣточками—кашкой, цикорью, колокольчиками и васильками“. Запахъ хлѣбовъ, лѣса, травы, цвѣтовъ, изъ горъ бьющія ручьи, звенящія жаворонки и перепела, перекликающіяся иволги, говорливыя стада воробьевъ—все это для автора сливается „въ одно впечатлѣніе свѣжаго деревенскаго наслажденія“. Видитъ онъ—у рѣчки на желтомъ косогорѣ разбросаны крестьянскія избышки. Хотя онѣ и черны и кривы, но автору кажутся онѣ необыкновенно красивыми („Крестьянская лошадь“).

Зато искусственная, суетливая городская жизнь и самъ холодный, сухой, безсердечный городъ не можетъ вызывать

симпатіи писателя. „Что тутъ радостнаго? спрашиваетъ одинъ изъ героевъ разсказовъ Чистякова. Тутъ народъ что-ли другой; и словъ тебѣ ни у кого ласковыхъ нѣтъ, и самъ не ласковъ становишься. Эхъ-ма!“ („Крестьянская лошадь“).

Большое значеніе слѣдуетъ признать за разсказомъ „Митя Карвуть“. Здѣсь затронуто, отмѣченное и Достоевскимъ, печальное явленіе, съ которымъ приходится встрѣчаться въ школьной жизни—гопение на нелюбимыхъ товарищей. Особенно въ общежитіяхъ зло это приписываетъ тяжелый характеръ. „Дѣти въ школѣ народъ безжалостный, говорятъ Достоевскій, порознь ангелы Божіи, а вмѣстѣ, особенно въ школѣ—безжалостны“ („Братья Карамазовы“). И безжалостность эта чаще всего обрушивается на слабыхъ, бѣдныхъ товарищей, какъ это было съ Колей Красоткинымъ у Достоевскаго. Приведенный разсказъ и повѣствуетъ о страданіяхъ мальчика въ учебномъ заведеніи, гдѣ товарищи не влюбили его. Дома Митя росъ подъ ласковою опекой нѣжной и любящей матери. Доброе сердце она хочетъ развить и въ своемъ сыгѣ. Въ этомъ отношеніи мать расходится въ своихъ воззрѣніяхъ на воспитаніе съ мужемъ, но упорно отстаиваетъ свои мнѣнія. „Ну, дѣлай его камнемъ или желѣзомъ, говоритъ она ему про Митю, если тебѣ это нравится—я этого не умѣю; но не убивай только въ немъ теперешнихъ свойствъ: неравно такъ закалпшишь его душу, что лишишь той мягкости, которая всей жизни и всѣмъ отношеніямъ даетъ возвышенную прелесть. Укрѣпляй душу, но не дѣлай ее холодною, какъ сталь“. И Митя при такихъ условіяхъ развивался съ чувствительнымъ сердцемъ; можно себя представить поэтому, какъ трудно ему было расставаться съ роднымъ домомъ, когда отецъ рѣшилъ отвезти его въ городъ въ училище. Незамѣтно шло время, и наступилъ день отъѣзда. „Митя съ чувствомъ не свойственнымъ его лѣтамъ прощался съ дворовыми людьми, съ домашнимъ скотомъ, обнималъ и цѣловалъ лошадей; особенно отцовскую верховую лошадь, на которой иногда катался. Но трогательнѣе всего было то, что онъ никакъ не могъ расстаться съ садомъ, припадалъ къ нѣкоторымъ деревьямъ и кустамъ; ложился на лужки, на свою грядку и не хотѣлъ

вставать; ему казалось, что за оградой сада оканчивается для него существование. Его почти безъ памяти положили въ тарантасъ, лошади дернули, и деревня, родной домъ и милый садъ начали исчезать. И вотъ мальчикъ съ такимъ нѣжнымъ воспитаніемъ попадаетъ въ интернатъ, гдѣ забіяки-товарищи сразу не влюбились новичка—„зюю“. Самая фамилія Мити служила поводомъ къ постояннымъ приставаніямъ и издѣвательствамъ надъ нимъ. Неистощимые въ своихъ жестокихъ продѣлкахъ надъ Митей, злые товарищи доводятъ его до больницы, но и это не останавливаетъ ихъ. Раздосадованные тѣмъ, что за продѣлки надъ Митей нѣкоторые, даже безъ вѣдома о томъ самого Мити, должны были пострадать, товарищи цѣлую ночь терзаютъ его, едва выпущеннаго изъ больницы и еще не оправившагося отъ своей болѣзни и, наконецъ, придумываютъ такую штуку. Истерзаннаго Митю обвязываютъ вокругъ пояса полотенцами и, открывъ окно четвертаго этажа, спускаютъ его надъ улицей. Страшная бездна зіяла подъ ногами его. Митя чувствовалъ, что его держитъ только полотенце, обвязанное вокругъ талии; страхъ сжалъ ему горло; онъ не могъ крикнуть; волоса у него поднимались дыбомъ; холодный потъ выступалъ большими каплями и струился по лицу; дыханіе спиралось въ груди; страхъ до того охватилъ его, наконецъ, что мысли въ головѣ начали путаться. Ему показалось, будто небо со своими звѣздами и все какъ то странно заколыхалось, заволновалось, запрыгало, стѣна дрогнула, тоже зашаталась, и ему показалось, будто полотенце оборвалось, и онъ полетѣлъ внизъ съ такой страшною быстротою, что у него зашумѣло въ ушахъ. Послѣ этого онъ ничего больше не видалъ и не слышалъ. Глаза у него закрылись, голова повисла на груди, и онъ пересталъ дышать. Въ результатѣ Митя поплатился жестокой нервной горячкой. Весь рассказъ проникнутъ теплымъ состраданіемъ къ несправедливо обижаемому мальчику.

Даже и въ повѣстяхъ историческаго характера Чистяковъ отдаетъ дань сентиментализму. Такова повѣсть „Молодой фризъ“. Здѣсь говорится о борьбѣ съ нѣмцами за независимость жителей приморскихъ Нидерландовъ въ концѣ XIV-го столѣтія. И на фонѣ борьбы и насилій рельефнѣе

выступаютъ добрыя натуры простолюдиновъ-фризовъ, столь же сильныхъ и энергичныхъ, сколько мягкихъ и добросердечныхъ. Молодой крестьянинъ-фризъ Менно выводитъ на базаръ продавать своихъ воловъ. „Молодой человѣкъ имѣлъ видъ настоящаго атлета: всѣ члены—какъ вылитые изъ металла; движенія стройныя, ловкія, граціозныя; голова замѣчательной красоты; голубые открытые глаза смотрѣли ласково и твердо; въ нихъ по временамъ сверкалъ огонь мужества“. Но при всемъ мужествѣ сердце молодого фриза оказывается преисполненнымъ чувствительности. Своихъ воловъ онъ никакъ не соглашается продать на бойню. „Эти вола мы мнѣ знакомы съ дѣтства, говоритъ онъ, мы выросли вмѣстѣ; я съ ними игралъ, когда они были телятами! Мы понимаемъ другъ друга: они у меня по глазамъ, по голосу и по словамъ видятъ, чего я отъ нихъ хочу; когда они выросли и окрѣпли, то служили намъ, и какъ усердно, какъ вѣрно служили! Какъ же мнѣ ихъ не любить? Какъ мнѣ своими руками отдать ихъ на бойню? По счастью въ числѣ покупателей оказываются почтенный крестьянинъ съ молоденькой красавицей-дочкой. Они покупаютъ воловъ для работы, и по нѣжному личику Анны (такъ зовутъ дѣвушку) молодой фризъ заключаетъ, что у нихъ его воламъ будетъ хорошо житись. Вола проданы, но они не хотятъ уходить отъ хозяина, режутъ, упираются передними ногами и, обернувшись, не спускаютъ глазъ съ него.

— „Они правы, сказалъ онъ. Нельзя же намъ разстаться, не простившись“, и трогательно прощается съ волами. „Онъ подошелъ къ своимъ любимцамъ, поочередно обнималъ ихъ, цѣловалъ въ лобъ, гладилъ; потомъ взялъ молодую дѣвушку за руку и, положивъ ее (руку) первому волу на голову, сказалъ:

— Смотрите, будьте же послушны и добры! Маршъ.

И сильные животныя, будто понимая его, присмирѣли и послушно пошли за дѣвушкой. Менно съ грустью и со слезами смотрѣлъ имъ въ слѣдъ“.

Есть у Чистякова и чисто историческія вещи („Разказы о быломъ“, „Жизнь древнихъ“, „Русскіе историческіе рассказы“), а равно и географическія („О странахъ и народахъ“).

Въ той или другой степени элементы чувствительности находятъ себѣ мѣсто въ произведеніяхъ дѣтскихъ писателей и такихъ, которыхъ нельзя всецѣло отнести къ представителямъ сентиментальнаго направленія, и отъ этихъ элементовъ до нѣкоторой степени, пожалуй, не свободно большинство дѣтскихъ писателей. И поскольку сентиментальное теченіе стремится непосредственно воздѣйствовать на чувство читателя и пробудить чуткость его сердца, оно, конечно, имѣетъ свое *raison d'être* въ дѣтской литературѣ, но при всемъ томъ здѣсь должна быть мѣра. Знакомство дѣтей съ авторами сентименталистами можно, пожалуй, ограничить Разиннымъ и Чистяковымъ.

Народническія теченія въ дѣтской литературѣ.

Крестьянскій вопросъ, выдвинутый реформами 60-хъ годовъ, и интересъ къ народному быту породили у насъ цѣлую народническую литературу. Отразилось это движеніе и въ дѣтской литературѣ. Сначала сюда проникаютъ доступныя вещи изъ общей литературы — рассказы Григоровича („Прохожіи“, „Свѣтлое Христово Воскресенье“) и изданія для дѣтей „Записокъ Охотника“ Тургенева. Затѣмъ появляются и спеціальныя дѣтскія писатели въ народническомъ направленіи: они или даютъ изображеніе народнаго быта (Погоскій, Макарова, И. Наживинъ — бытъ крестьянскихъ дѣтей), иногда съ тою или другою степенью идеализаціи этого быта (Позняковъ, Нефедовъ, Кругловъ¹⁾, Ульяновъ, Кл. Лукашевичъ, Потапенко), или проводятъ тенденцію невыгоднаго для высшихъ классовъ сопоставленія ихъ быта съ бытомъ народнымъ (Макарова, Соловьевъ-Несмѣловъ), или, наконецъ, выступаютъ съ проповѣдью опрощенія (Засодимскій).

А. Ф. Погоскій (1816—1874) является однимъ изъ раннихъ представителей народнической литературы. Въ своихъ

¹⁾ Б. Херсонъ, А. В. Кругловъ, какъ дѣтскій писатель. Вѣстн. Восп. 1893, 2. 4.

произведеніяхъ онъ съ одинаковой любовью даетъ изображеніе быта и старыхъ奴仆—солдатъ („Дѣдъ Назарычъ“, „Сибирлетка“), и быта простого—крестьянскаго. Любопытенъ рассказъ „Злодѣй и Петька“. Здѣсь идетъ рѣчь о двухъ извозчикахъ; у одного лошадь называется Злодѣй, у другого Петька. Хозяинъ Петьки хорошо обращается со своей лошадью, и Петька вѣрой и правдой за то служить своему доброму хозяину. Другой извозчикъ—лихачъ Демьянъ Сидорычъ мало заботится о своемъ Злодѣй, мучая его непосильною работой. Въ результатъ Злодѣй палъ, оставивъ жестокаго хозяина безъ всякихъ средствъ. Наглядно, живо и безъ сухого дидактизма проводится здѣсь мысль о необходимости гуманнаго, добраго обращенія съ животными. Та же мысль, но уже въ формѣ простыхъ разсужденій, проходитъ въ книгѣ „Наши добрые друзья четвероногіе“.

Теплою симпатіей проникнуты отношенія Погоскаго къ простому быту. „Здѣсь, говоритъ онъ объ этомъ бытѣ, въ каждой былинкѣ, въ каждой щепкѣ, полнотой трудовымъ потомъ, притаилось счастье; ты творишь все это любя, и оно тебѣ родное. А сады и хоромы, вдругъ выросшіе по прихоти богача, хоть и прекрасны, но не вѣтъ отъ нихъ ничѣмъ дружественнымъ, любезнымъ“. („Дѣдушка Назарычъ“).

Языкъ Погоскаго часто представляетъ поддѣлку подъ народный; есть стремленіе поддѣлаться и подъ народный юморъ. Вотъ, на примѣръ, описаніе старика Назарыча: „Раненъ пулей въ бедро, штыкомъ въ плечо, саблей чрезъ лобъ и по носу, а картечью только контуженъ. И все-таки, видно, не сконфуженъ“. Но въ общемъ языкъ сильно устарѣлъ. Встрѣчаются у Погоскаго мѣста, по тону и выраженіямъ совсѣмъ не подходящіе для дѣтей, а иногда также и слишкомъ вульгарныя¹⁾.

Въ силу сказаннаго, хотя книги Погоскаго и въ старыхъ дѣтскихъ библіотекахъ, и въ современныхъ рекомендательныхъ каталогахъ находятъ себѣ мѣсто, но все же совѣтовать ихъ для дѣтскаго чтенія не приходится. И по матеріалу, и по идеямъ его книги скорѣе пригодны для

¹⁾ См. Собран. повѣст. Спб. 1866, ч. 1, к. 1, стр. 30; еще—рассказъ „Неспособный человѣкъ“, Спб. 1904. 30.

простого народа, которому могут быть и интересны, и полезны. Да и самъ авторъ посвящаетъ свои произведенія „честному народу—солдатамъ и крестьянамъ“. Для дѣтей же можно развѣ только рекомендовать рассказъ „Сибир-летка“—трогательная повѣсть о преданной солдатской собацѣ, всю жизнь вѣрно служившей своему другу и благо-дѣтелю и умершей на его могилѣ.

Еще у Григоровича можно видѣть стремленіе къ идеа-лизации народнаго быта или, точнѣе говоря, персонажей изъ народнаго быта. Григоровичъ такими чертами изобра-жаетъ тихаго, трудолюбиваго пахаря—героя повѣсти „Свѣт-лое Христово Воскресенье“: „блѣдное, продолговатое лицо дышало такою добротою, такимъ тихимъ, невозмутимымъ покоемъ, что невольно становилось легче на сердцѣ. Дви-женія мужика точно такъ же, какъ и глаза его, обличали нравъ тихій и терпѣливый. Свѣтлое выраженіе, съ какимъ онъ прислушивался къ благовѣсту, казалось, ясно переда-вало состояніе мягкой и кроткой души его и еще сильнѣе располагало въ его пользу“. Нѣкоторая наклонность къ той же идеализаціи замѣтна и у Погоскаго, но еще силь-нѣе эта идеализація выступаетъ у *Н. Ф. Нефедова*, съ боль-шимъ чувствомъ описывающаго мужицкую жизнь. Но вмѣ-стѣ съ этимъ у Нефедова не скрываются и тяжелыя язвы, развѣдающія деревенскую жизнь. Таковъ его рассказъ „Без-оброчный“. Рассказъ оставляетъ по себѣ, пишетъ Алчев-ская, тяжелое, гнетущее впечатлѣніе. „Слѣпой произволь-и грубая сила торжествуетъ, а все свѣтлое, честное, сим-патичное оскорблено и поругано. Взрослага подобный раз-сказъ наведетъ на раздумье, на анализъ поступковъ дѣй-ствующихъ лицъ и вызоветъ къ однимъ глубокую симпа-тію, а къ другимъ заслуженное отвращеніе и презрѣніе“. Но дѣтямъ Алчевская не находитъ возможнымъ рекомен-довать подобные рассказы;—„воображеніе ребенка не слѣ-дуетъ омрачать преждевременно темными сторонами жиз-ни“, справедливо говорить она.

Съ новымъ характеромъ идеализація народнаго быта выступаетъ у *Кл. Лукашевича*—съ характеромъ нѣкоторой идилличности. Лукашевичъ писательница вообще настроен-ная очень гуманно. „Жизнь прекрасна, говорить она, и ка-

ждый человѣкъ можетъ быть полезенъ и нуженъ другому, можетъ быть любимъ и счастливъ“ („Изъ деревни“). Это настроеніе ея сквозитъ въ большинствѣ ея произведеній, хотя и не отличающихся художественными достоинствами, но часто проникнутыми искренностью и задушевностью то-на. Таковы ея рассказы—„Другъ несчастныхъ докторъ Га-азъ“, и „Ужасные дни“. Въ послѣднемъ рассказѣ изобра-жена жизнь бѣдности изъ подваловъ на Галерной сторонѣ въ Петроградѣ. Обыденная тяжесть жизни осложняется страшнымъ наводненіемъ, которымъ среди ноябрьскихъ хо-лодовъ были затоплены подвалы и уничтожено скудное имущество ютившейся здѣсь бѣдности. Не меньше другихъ пострадала и семья маленькой Лизы. Долго онѣ съ матерью перенесли мечту пріобрѣсти себѣ подушки; послѣ безконеч-ныхъ усилій и отказыванья себѣ во всемъ подушки намо-нечъ ими пріобрѣтены, и Лиза не можетъ нахвалиться въ раз-сказахъ всѣмъ знакомымъ, какъ хорошо спать на подушкѣ. Но недолго продолжалось счастье Лизы: наводненіемъ уне-сло и ея подушку. Лиза, несмотря на неприглядность окру-жающей ее обстановки, существо чистое, отзывчивое, доб-рое. По цѣлымъ днямъ она ходила по бѣднякамъ околотка, стараясь каждому помочь, насколько было въ ея силахъ. И теперь, когда несчастье разразилось надъ бѣднотою, Лиза не о себѣ думаетъ, не о своемъ потерянномъ богатствѣ—по-душкѣ горюетъ, ее озабочиваетъ горькая участь знакомыхъ голодныхъ и холодныхъ бѣдняковъ. Сосѣдка по подвалъ-ному углу посылаетъ ее съ пятакомъ въ аптеку за лѣкар-ствомъ. Лиза по дорогѣ видитъ какихъ-то господъ, кото-рые разспрашиваютъ про потерпѣвшихъ: это благотвори-тели явились на помощь послѣднимъ, привезя хлѣбъ, день-ги, дрова. Лиза бросается къ незнакомцамъ, подкупаетъ ихъ искренностью своего тона, и они поручаютъ ей водить себя по подваламъ, указывая наиболѣе нуждающихся. Цѣ-лый день ходитъ съ ними Лиза и только вечеромъ являет-ся домой съ зажатымъ въ кулакѣ пятакомъ сосѣдки. Она всюду указывала благотворителямъ бѣдняковъ; забыла при-вести ихъ только... въ свой родной подвалъ. Дѣти, въ осо-бенности дѣти бѣдняковъ, привлекаютъ къ себѣ симпатіи

Лукашевичъ; любовь писательницы къ нимъ особенно сильно выступаетъ въ рассказѣ „Босоногая команда“.

При такомъ своемъ вообще гуманномъ, челоуѣколюбивомъ настроеніи Лукашевичъ не могла, конечно, оставить безъ вниманія крестьянскаго быта. Этотъ послѣдній она выводитъ во многихъ своихъ произведеніяхъ, стремясь при этомъ не столько изобразить этотъ бытъ, сколько пробудить къ нему симпатію читателя; отсюда и вытекаетъ та нѣкоторая идилличность въ изображеніи, о которой говорилось раньше. Типичнымъ рассказомъ въ этомъ родѣ является „Старый Памфиличъ“. Памфиличъ—старый зажиточный крестьянинъ; домъ у него—полная чаша, въ семействѣ—ладъ и любовь. Семейство сосѣдняго помѣщика Зайцева находится въ большой дружбѣ съ Памфиличемъ—его сестра много лѣтъ служитъ у Зайцевыхъ няней. Особенно цѣнитъ умнаго старика барыня Нина Михайловна. Какъ-то послѣ смерти своей маленькой дочери она заболѣла отъ тоски, да такъ, что большія опасенія были за ея жизнь. И только Памфиличъ своими простыми рѣчами лучше другихъ могъ успокоить тоскующую мать.—„Полно плакать то!.. убѣждалъ онъ, смирай себя, моя барыня. Не узнавъ горя, не узнаешь и радости. У тебя вонъ сыночекъ добрый растетъ. На него обороти свое сердце“... Маленькій барченокъ Костя тоже сильно привязанъ къ старику. Памфиличъ его и медкомъ на пасѣкѣ попотчуетъ, и въ лодкѣ покатаетъ, и разными забавными загадками позайметъ. Но вотъ и старика постигло несчастье. Погорѣлъ у него домъ со всѣмъ добромъ, сгорѣла при этомъ и молодуха—дочь, спасая сынишку, любимаго внука Памфилича. Зять его, пріѣхавшій вмѣстѣ съ старикомъ послѣ пожара, при страшной вѣсти сошелъ съ ума. И остался Памфиличъ съ двумя спотками внуками. Вѣсть о бѣдѣ, потрясеніи надъ Памфиличемъ, сильно взволновала Зайцевыхъ; Костя забѣжалъ въ садъ и долго скрывался тамъ, оплакивая несчастье своего стараго друга. Затѣмъ Зайцевы переѣхали на зиму въ городъ и до слѣдующаго лѣта не видѣли Памфилича. Не много могла рассказать о немъ и сестра его—няня Зайцевыхъ.—„Работаетъ, отвѣчала она на вопросы, мужику убиваться некогда. Избу хочетъ поставить, хоть маленькую. Работаетъ“...

На слѣдующее лѣто Зайцевы опять поѣхали въ деревню и теперь увидѣли Памфилича. Когда онъ пришелъ къ нимъ, Нина Михайловна не могла не прослезиться при видѣ старика, бывшаго зажиточнаго домохозяина, которому пришлось теперь наниматься въ пастухи; она высказываетъ ему свои соболѣзнованія, но онъ возражаетъ.

— „Ты меня не жалѣй, говоритъ онъ, и не говори такихъ рѣчей. Грѣшно. Вѣдай, матушка—барыня, Богъ по силѣ крестъ налагаетъ“. „Живемъ помаленьку, рассказываетъ онъ дальше о себѣ. Я нынче весной въ сосѣдную деревню въ пастухи нанялся. Ничего, меня берегутъ, и подпасокъ хорошій... Живемъ ничего себѣ и Бога благодаримъ, что не оставляетъ насъ грѣшныхъ“. Барыня предлагаетъ Памфиличу помѣститься у нихъ почнымъ сторожемъ, а дѣвочекъ отдать къ ней въ комнаты, но онъ спокойно отказывается.—„Спасибо на добромъ словѣ. Только... отъ добра добра не ищутъ. По осени хочу избу свою ставить. Поживу, пока силы есть, поработаю, внучекъ подыму. Пусть привыкаютъ по крестьянству“.

Съ удивленіемъ смотритъ маленький Костя, какъ спокойно Памфиличъ переноситъ свое горе; онъ не можетъ понять, почему Памфиличъ не плачетъ, почему не говоритъ о своей такъ страшно погибшей Аннушкѣ.

„Это, Костенька, только мы такіе слабые, разъясняетъ ему мать по уходѣ Памфилича, нянчимся со своимъ горемъ... Сколько намъ надо участія, заботъ, помощи, вниманія... Многому еще слѣдуетъ намъ поучиться у простыхъ людей, какъ дѣдушка Памфиличъ“...

Интересомъ къ народному быту и симпатіей къ простому люду проникнуто большинство произведеній *Н. А. Соловьева-Несмѣлова* (1848—1901). Таковъ его сборникъ „Герои“—рядъ небольшихъ рассказовъ, посвященныхъ изображенію русской деревни. Здѣсь авторъ съ большою любовью описываетъ сельскую природу и сельскія удовольствія. Въ такихъ симпатичныхъ чертахъ здѣсь рисуется дружба пѣвчей дѣвочки изъ барскаго дома съ простымъ крестьянскимъ мальчикомъ, что въ читателѣ возбуждается глубокое сочувствіе къ героямъ рассказа. А вотъ картина молящагося народа за обѣдней на Рождество.—„Весь народъ заколыхалъ

ся, крестясь, падая на колѣни... Молчалива, искренна была крестьянская молитва, на лицахъ свѣтилось смиреніе, покорность; по мѣстамъ слышались сдержанные вздохи стариковъ и старухъ... Кончилась служба, и народъ гужомъ потянулся изъ церкви по домамъ... Говоръ, движеніе, хрустъ снѣга, скрипъ, голоса,—и тихое небо съ тихо горящими звѣздами надо всѣмъ,—простая, счастливая картина тамъ, гдѣ счастье умѣетъ откликнуться, и порой оно откликается, тамъ, гдѣ просятъ у неба лишь хлѣба“. („Бѣднота да простота“). Тѣ же мотивы въ повѣсти „Простые люди“, но только уже изъ быта простыхъ ремесленниковъ.

Но деревенскіе типы и картины народнаго быта не всегда удаются Соловьеву-Несмѣлову, и Кругловъ справедливо находитъ, что онъ часто рисуетъ не настоящую деревню, а какую-то выдуманную; тутъ и сентиментализмъ прорывается, и почва часто уходитъ у писателя изъ-подъ ногъ. Подобный упрекъ дѣйствительно можно сдѣлать по адресу его книги „Маленькія дѣти“, предназначенной для читателей младшаго возраста. Да и въ другихъ своихъ вещахъ Соловьевъ-Несмѣловъ иногда и по языку бываетъ не натураленъ, да и быть народный представляетъ не всегда точно. Говоря о приволжской деревнѣ, упоминаетъ о „гладко убитомъ земляномъ полу“, что скорѣе умѣстно въ малорусской хатѣ („Ариша“). Сельскій староста представляется богачемъ и міроѣдомъ; въ дѣйствительности богачи всегда успѣваютъ откупиться отъ этой мало корыстной, но въ высшей степени безпокойной должности. Бабы праздничнымъ вечеромъ, собравшись на волжскомъ берегу, разсуждаютъ о томъ, какъ „паръ, *кормилецъ*, освободилъ отъ работы человѣчьи руки“. („Скрипачъ“).

Но наиболѣе характерная черта въ произведеніяхъ Соловьева-Несмѣлова это тенденція дѣлать сопоставленія персонажей простого и высшаго классовъ и не въ пользу послѣднихъ.

Внучки стараго Савельича съ нетерпѣніемъ ждутъ праздника Рождества, ждутъ Рождественской заутрени, мечтаютъ пойти съ дѣдомъ въ церковь. А вотъ молодыхъ семинаристовъ, сыновей о. Андрея, занимаетъ предстоящее славленіе и елки у помѣщиковъ ближнихъ деревень, мы-

сли же сестры ихъ „сосредоточены на розовомъ платѣ и новомодной шляпѣ, что привезли братья изъ города“. („Первый день Рождества“). Еще сильнѣе противоположность между простой, чуткой, непосредственной дѣвочкой, крестьянской сироткой Аришей и маленькой кривлякой барышней Маргариточкой, копирующей нѣсколько высокомерное обращеніе своей матери съ горничными („Ариша“).

Гораздо рельефнѣе, нежели у Соловьева-Несмѣлова, разсматриваемая тенденція выступаетъ у С. М. Макаровой (1834—87) въ ея повѣсти „Вербы“. (Въ сборникѣ „Изъ русскаго быта“). Съ одной стороны здѣсь изображается жизнь рабочихъ домиковъ на галерной гавани въ Петроградѣ. Здѣсь всецѣло царитъ духъ простоты и трудолюбія. Здѣсь и дѣти за дѣломъ. Самымъ интереснымъ ихъ развлеченіемъ является усердное выклеиваніе различныхъ бездѣлушекъ для продажи на Вербномъ базарѣ. Занятія эти сопровождаются дружными разговорами старшихъ, поучительными бесѣдами и назидательнымъ чтеніемъ. Однимъ словомъ—здѣсь трудъ и взаимная любовь. Совершенно не то царитъ въ большомъ каменномъ домѣ на Сергіевской улицѣ г-жи Яльцевой.—„Тщеславіе и хвастовство проникли каждаго до мозга костей въ этомъ семействѣ; даже младшія дѣти—маленькія Лили и Додо толковали о томъ, что необходимо купить кукламъ по бархатному пальто и по шляпкѣ съ перьями“. Старшая Мери злится на то, что ей не приготовили новаго костюма къ вербамъ, а старшій братъ—пажъ тоже непріятно озабоченъ: „онъ задолжалъ своимъ товарищамъ и не зналъ, отдать ли ему въ счетъ долга тѣ десять рублей, которые далъ ему на вербы отецъ, или тутъ же истратить ихъ, чтобы доказать этому несносному князьку, что и онъ можетъ сорить деньгами не хуже его. Не худо будетъ, думалось ему, купить рубля на три шаровъ у какаго нибудь оборваннаго мальчика и пустить ихъ въ воздухъ, а потомъ сказать небрежно: нужно же потѣшить се раucvге diable; хотя, по правдѣ сказать, ему дѣла нѣтъ никакого до этихъ оборванцевъ, отъ которыхъ такъ сильно всегда пахнетъ тулупомъ“. Народническая тенденція здѣсь видна и въ стремленіи употреблять народныя пословицы и народныя выраженія, въ родѣ: „Эфтимъ дѣлу не поможетъ“.

Идеализация народного быта и невыгодное для высших классов сопоставление их с народом естественно должны были породить идею опрощения, сближения жизни интеллигента с жизнью народа. Идея эта в дѣтской литературѣ находит свое воплощение у П. В. Засодимскаго ¹⁾. Вѣ рассказѣ „Бруно-скиталецъ“ воспитанный при королевскомъ дворѣ Бруно тяготеет шумной и разсѣянной жизнью придворныхъ, уходитъ въ лѣсъ, поселяется въ хижинѣ и нѣкоторое время находитъ удовлетвореніе въ жизни, близкой природѣ. Герой другого рассказа „Король спитъ“ тоже не удовлетворенъ своею жизнью короля—властилина. Онъ не бѣжитъ въ лѣсъ, подобно Бруно, но зато каждый день, подѣ предлогомъ послѣобѣденнаго отдыха, удаляется во внутренніе покои дворца и тамъ въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ освѣжаетъ себя ручнымъ трудомъ, а потомъ въ платьѣ рабочаго ходитъ по улицамъ города, вмѣшивается въ толпу, слушаетъ ея разговоры, самъ вступаетъ въ бесѣду. „Король спитъ“, говорятъ въ то время во дворцѣ, а на утро король поражаетъ своихъ министровъ знаніемъ того, что дѣлается въ государствѣ. Въ сказкѣ „Ринальдово счастье“ бѣдный каменщикъ обращается въ богача, но скоро убѣждается, что богатая жизнь не даетъ счастья, и проситъ волшебницу вернуть его къ прежней скромной долѣ. Но особенно рельефно указанная идея выступаетъ въ повѣсти „Влудный сынъ“.

У старика Шатрова, небогатаго чиновника,—сынъ и дочь. Послѣдняя до мозга костей проникнута жизненнымъ практицизмомъ и самолюбивымъ стремленіемъ фигурировать въ обществѣ; натура эгоистичная, холодная, расчетливая. Но старикъ отецъ не хочетъ видѣть ея недостатковъ и боготворитъ свою Лиду. Совершенно другой типъ—сынъ. Это пылкій идеалистъ, неудовлетворенный пустотою городской жизни и городского общества; онъ тяготеетъ къ народу и дружитъ съ простыми людьми. „За послѣдніе годы ему особенно стало претить культурное общество, какъ онъ съ

¹⁾ См. Засодимскаго „Какъ я сдѣлался дѣтскимъ писателемъ“ въ сборникѣ „Въ зими. сумерки“. О Засодимскомъ статья Н. Саовина въ Пед. Лист. 1908, 7.

презрѣніемъ называлъ кружокъ, собиравшійся у его сестры, и онъ бѣжалъ отъ него безъ оглядки“. Сестра хочетъ знать, почему онъ съ такою антипатіей относится къ ней и ея знакомымъ. „Да ужъ по одному тому я предпочитаю простой народъ, заявляетъ онъ сестрѣ, что они именно простой народъ, *простые люди*, а вы—уроды, калѣки, всѣ вы точно изломаны... въ простотѣ слова не скажете, а все съ ужимками“. Въ мастерской столяра, на пожарномъ дворѣ, въ огородѣ у Фролки Трескина, на набережной между носильщиками, на базарѣ въ толпѣ мужиковъ, на палубѣ парохода среди матросовъ, за городомъ у костра рыболововъ, въ кузницѣ у Василя Федорова — вездѣ Филиппъ чувствовалъ себя своимъ человѣкомъ. Вездѣ среди простыхъ онъ находитъ хорошихъ людей. Вотъ кузнецъ Василій Федоровъ—„силачъ съ смуглымъ и умнымъ лицомъ“. Онъ при всей своей силѣ былъ добрѣ и кротокъ, „какъ агнецъ“; былъ онъ грамотный, но больше любилъ слушать, какъ читаютъ другіе, любилъ и поразсуждать о прочитанномъ. Вотъ дочь огородника Фролки—Настя—славная, трудолюбивая, симпатичная, отзывчивая дѣвушка. Съ нею такъ легко говорить Филиппу, и говорить можно серьезно.

Съ отцомъ Филиппъ не сходитъ во взглядахъ; послѣдній не одобряетъ демократическихъ наклонностей сына. Филиппъ пытается переубѣдить его. „Всѣ люди одинаковы, неравенство они сами устроили“, доказываетъ онъ отцу, съ пафосомъ цитируя стихи: „да, братьями всѣ люди быть должны...“

Скоро старикъ долженъ былъ горько разочароваться въ своей любимицѣ — Лидѣ. Его неудачныя работы надъ какими то изобрѣтеніями разорили ихъ, и когда старикъ признается въ этомъ дѣтямъ, любимица Лидка, которую онъ такъ баловалъ и въ которой души не чаялъ, жестоко отворачивается отъ отца и спѣшитъ потребовать себѣ остатки маленькаго состоянія. „Ты обокралъ насъ!“ кидаетъ она отцу, и послѣдній не вынесъ жестокаго упрека: его разбилъ параличъ.

Иначе держится Филиппъ, доказывая на дѣлѣ, что онъ дѣйствительно любящій сынъ. Онъ отказывается отъ своей мечты ѣхать въ Петербургъ учиться, отдаетъ свою долю на-

слѣдства сестрѣ и посвящаетъ себя заботамъ о старикѣ-отцѣ—бережетъ и почитаетъ его. Но городская жизнь претитъ Филиппу, онъ покидаетъ городъ и уѣзжаетъ съ отцомъ въ деревню. Тамъ онъ сначала хлопочетъ о мѣстѣ сельскаго учителя, но хлопоты оказываются неудачными. Тогда онъ быстро принимаетъ другое рѣшеніе. „Ему уже давно хотѣлось сдѣлаться крестьяниномъ, жить въ деревнѣ. Онъ мечталъ нанять избу, завести корову, лошадь, овецъ, куръ; снять клочекъ земли и самому работать на этой землѣ. Въ видѣ подспорья завести еще кузницу, а зимой столярничать. Лучше быть самому хозяиномъ, чѣмъ обивать пороги канцелярій и задыхаться въ конторской пыли“. И Филиппъ приводитъ въ исполненіе свои мечты. Одна только мечта остается пока не исполненной—это женитьба на простушкѣ Настѣ.

Персонажи Засодимскаго—не обыкновенные люди: это или любвеобильные герои, или безсердечные злодѣи, и основная идея произведенія у него часто переходитъ въ тенденцію. А жизненная правда и одушевляющая Засодимскаго идея жить для ближнихъ, жить простою жизнью—все это было бы сильнѣе и убѣдительнѣе, если бы выводились живые, обыкновенные люди и не такъ сильна была тенденціозность.

Народническая литература, вытекающая изъ идеи любви къ народу и уваженія ко всякому хотя бы простому человѣку, естественно, какъ мы видѣли, проникается началомъ гуманности, началомъ альтруизма. И все это, искупая нѣкоторые недостатки народнической литературы, заставляетъ отвести ей должное мѣсто въ дѣтской библіотекѣ, но руководителю дѣтскимъ чтеніемъ при этомъ слѣдуетъ помнить, что народническая идея въ дѣтской книгѣ можетъ легко принять характеръ тенденціозный, дѣлающій книжку уже не желательной въ рукахъ ребенка.

Романтическія теченія въ дѣтской литературѣ.

Романтизмъ, какъ и другія литературныя направленія, нѣсколько позднѣе, чѣмъ въ литературу общую, проникаетъ въ дѣтскую литературу; въ ранней стадіи своего развитія онъ здѣсь еще близокъ къ сентиментализму и носитъ,

по опредѣленію Н. В. Чехова („Дѣтская литература“, стр. 48), *семейный* характеръ; идеализирующе-семейный характеръ, можно добавить. Авторы этого направленія въ розовыхъ, симпатичныхъ краскахъ изображаютъ семейную жизнь, семейныя начала и развитіе души ребенка подъ добрымъ вліяніемъ отзывчивыхъ близкихъ къ нему людей или же скорбятъ о страданіяхъ ребенка, лишеннаго доброй семейной атмосферы. Здѣсь, однимъ словомъ, на первомъ планѣ идеализація семьи.

На развитіе этого теченія въ дѣтской литературѣ, можетъ быть, нѣкоторое вліяніе оказало подобное же теченіе въ нашей педагогической литературѣ шестидесятыхъ годовъ съ идеализаціей воспитывающаго значенія семьи и особенно женщины, являющейся душою семьи. „Пусть женщины поймутъ, пишутъ Пироговъ, что онѣ, ухаживая за колыбелью человѣка, учреждая игры его дѣтства, научая его уста лепетать и первыя слова, и первую молитву, дѣлаются главными зодчими общества. Краеугольный камень кладется ихъ руками“. А вотъ отзывъ Ушинскаго о семьѣ. „Трудно выразить въ словахъ, говоритъ онъ, то особенное свѣтлое нѣчто, что рождается въ душѣ нашей, когда мы вспоминаемъ теплоту родного семейнаго гнѣзда. До глубокой старости остаются въ насъ какія-то задушевные связи съ тою семьей, изъ которой вышли мы“. Вотъ почему Ушинскій такъ и возставалъ противъ закрытаго характера нашихъ институтовъ, на долгое время совершенно отрѣзавшихъ дѣвочекъ отъ родной семьи.

Начало разбираемому теченію въ дѣтской литературѣ было положено переводными произведеніями, между прочимъ, американской писательницы *Л. Олькотъ*; ея книги „Старосвѣтская дѣвушка“ и „Маленькія женщины, или дѣтство четырехъ сестеръ“ были переведены въ 1875 году ¹⁾. Вотъ начало послѣдней книги. Маленькія Джо, Мегги, Эмми и Бетси бесѣдуютъ о приближающемся Рождествѣ.

¹⁾ Зародыши разбираемаго теченія, пожалуй, можно усматривать еще и раньше у авторовъ сентиментальнаго направленія—Чистякова, Ярцевой, графини Саліасъ (Е Туръ). См. повѣсть послѣдней „Сергій Боръ—Раменскій“ (критика на баловство дѣтей со стороны родителей).

— Безъ подарковъ и Рождество не въ Рождество, вѣчала Джо, лежа на коврѣ передъ каминѣмъ.

— Скучно быть бѣднымъ! со вздохомъ сказала Мегги, осматривая свое старенькое платье.

— На что это похоже, что у иныхъ дѣвочекъ есть тысячи красивыхъ бездѣлушекъ, а у другихъ нѣтъ и необходимаго, прибавила Эмми съ недовольной гримаской.

— *За то у насъ есть нана, мама, и славныя сестрички*, отклинулась изъ угла Бетси примирительнымъ тономъ.

Четыре молоденькихъ личика, освѣщенные огнемъ каминна, на минуту просіяли при этихъ словахъ, но сейчасъ же омрачились, когда одна изъ сестеръ—Джо грустно замѣтила:

— Отца нѣтъ съ нами, и Богъ вѣсть, когда онъ вернется. —Быть можетъ—никогда, прибавила она про себя, и каждая изъ сестеръ подумала то же самое, потому что ихъ отецъ былъ далеко—на войнѣ.

Съ минуту длилось молчаніе, и маленькая Мегги предлагаетъ своимъ сестрицамъ, согласно маминѣму совѣту, отказаться отъ подарковъ и сохраненныя деньги отправить бѣднымъ.

Позднѣе была переведена книга Олькотъ „Семь братьевъ и сестра“. Здѣсь излагается исторія маленькой сиротки Розы. Живетъ Роза у тетокъ, которыя ее очень любятъ, но воспитательницы онѣ неумѣлыя. Розу спасаетъ дядя Алексъ; онъ вмѣстѣ съ любящимъ сердцемъ обладаетъ всѣми качествами истиннаго педагога. Завладѣвъ воспитаніемъ Розы, онъ добился того, что она изъ болѣзненнаго, робкаго и меланхолически настроеннаго ребенка превратилась въ здоровую, смѣлую и любознательную дѣвочку съ чуткимъ и отзывчивымъ сердцемъ. И все это было сдѣлано умными и любящими заботами добраго дяди.

Изъ русскихъ дѣтскихъ писателей лучшими представителями разсматриваемаго теченія являются писательницы Сысоева и Желиховская.

Е. А. Сысоева (1829—1893), какъ писалъ про нее одинъ современникъ, принадлежала къ тѣмъ литераторамъ, которые серьезно смотрятъ на свое дѣло, ставятъ его высоко и по избранному пути „шествуютъ не иначе, какъ со зна-

менемъ“. Такимъ знаменемъ для Сысоевой было ея стремленіе, которому она служила всю жизнь, стремленіе прививать юному поколѣнію идеалы любви, труда и чести. А начала этихъ идеаловъ полагаются въ семьѣ, вокругъ колыбели ребенка. Особенно сильно семейные мотивы проходятъ въ книгѣ Сысоевой „Исторія маленькой дѣвочки“ (книга характера автобіографическаго).

Маленькая Катя рано лишилась матери, отецъ же ея—человѣкъ мало чуткій; онъ не обращаетъ вниманія на ребенка. Дѣвочка росла безъ ласки и сильно чувствовала свое одиночество. Боже мой! пишетъ Сысоева, чего бы я не дала тогда за нѣжную ласку, за слово участія, но ихъ не откуда было ждать. Только передъ ея отъѣздомъ къ теткѣ отецъ приласкалъ ее, взявъ на руки; и одного этого было достаточно, чтобы растворить ея сердце, такъ давно жаждавшее отцовской ласки.—„Я тотчасъ же вскарабкалась къ нему на кресло, обняла за шею и начала страстно цѣловать его глаза, губы, лобъ, волосы—все, что только попадалось подъ мои поцѣлуи, и вдругъ заплакала“. Совершенно иными отношеніями къ дѣтямъ были родственники Кати, куда отвезли ее изъ отцовскаго дома. „Вѣрнымъ и неизмѣннымъ товарищемъ во всѣхъ дѣтскихъ забавахъ былъ самъ Николай Ивановичъ (дядя Кати). Затѣять что, приготовить какой нибудь сюрпризъ—во всемъ этомъ онъ былъ первый начинщикъ. Для него было нипочемъ въ присутствіи множества гостей выскочить изъ-за карточнаго стола и начать возиться съ нами, ловить, носить на плечахъ или спинѣ, словомъ превращаться въ такого же ребенка, какъ и мы... Но ужъ за то и любили же мы его! Бывало, по окончаніи скучныхъ утреннихъ уроковъ у насъ подымается шумъ, смѣхъ, бѣготня. Николай Ивановичъ ловить насъ, щекочетъ; мы его повалимъ на коверъ посреди гостиной, теребимъ его бакенбарды, цѣлуемъ нарочно въ уши, словомъ, мучимъ до того, что онъ вскочитъ и убѣжитъ въ садъ“. И такая любящая, простая, бодрая атмосфера, разумѣется, не могла не отразиться благотворно на маленькой Катѣ.—„Жизнь въ этой семьѣ, при совершенно новой обстановкѣ выработала изъ нея совсѣмъ другую дѣвочку“.

Въ другихъ произведеніяхъ романтизмъ Сысоевой при-

нимаетъ новый—героическій характеръ. Дальше мы увидимъ, что и Желиховская имѣетъ дѣло тоже съ героическими мотивами, но эти мотивы у нея развиваются въ сферѣ обыденной жизни, а если и выходятъ за границы обыденнаго, то все же вращаются въ сферѣ современной дѣйствительности. Напротивъ, у Сысоевой героизмъ носитъ характеръ строго историческій. Такова ея повѣсть „Актеа“, составленная по работамъ проф. Кудрявцева, Лагарпа и другихъ историковъ. Въ цѣломъ рядъ живыхъ картинъ здѣсь изображаются гоненія на христіанъ при Неронѣ, и въ лицѣ нѣсколькихъ христіанъ описываются героическіе, возвышающіе духъ читателя подвиги вѣры¹⁾. Въ такомъ же родѣ книги Сысоевой „Жизнь и подвиги Иннокентія, проповѣдника Евангелія на Алеутскихъ островахъ“ и „Отъ бревенчатой хижины до Бѣлаго Дома“. Въ послѣдней книгѣ излагается исторія Джемса Гарфильда, который своею дѣятельностью изъ простаго работника выдвинулся на высокій постъ президента Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Здѣсь впрочемъ отдается обильная дань и семейному романтизму въ лицѣ старшаго брата Джемса—Тома, который тринадцатилѣтнимъ мальчикомъ несетъ на своихъ плечахъ всѣ заботы о семействѣ. „Пусть лучше сестры и Джемми ходятъ учиться, заявляетъ онъ матери, а я своимъ заработкомъ буду кормить и одѣвать нашу семью. —Благородный мальчикъ!“ Черезчуръ подвижная натура Джемса часто сердила старшаго брата. Оба они спали на одной кровати; по ночамъ Джемсъ до того вертѣлся, брыкался, что простыня и одѣяло у него безпрестанно сваливались на полъ, и Томъ безпрестанно просыпался. Частенько случалось, что Джемсъ, сбросивъ съ себя все, зябнулъ и кричалъ сквозь сонъ: „Томъ, накрой меня!“ Тогда старшій братъ вставалъ съ постели и начиналъ заботливо укутывать маленькаго баловника. Немудрено, что Джемсъ привыкъ къ такому вниманію брата и что 25 лѣтъ спустя, будучи уже генераломъ, онъ, какъ рассказываютъ очевидцы, не забылъ еще этой

¹⁾ Изъ сферы того же христіанскаго героизма—подвижничества мы имѣемъ еще распространенныя произведенія Е. Туръ „Катакомбы“, „Мученики Колизея“, „Подвиги св. Ксенофонта“.

привычки дѣтства. Однажды ночью, послѣ кровопролитнаго сраженія, Джемсъ Гарфильдъ легъ спать на голой землѣ вмѣстѣ со своими офицерами. Онъ до того ворочался, что раскрылся, озябъ и крикнулъ въ просонкахъ, какъ бывало въ дѣтствѣ.

— Томъ, накрой меня!

Кто-то изъ офицеровъ поспѣшилъ накинуть на него одѣяло, но по неосторожности разбудилъ его. Когда ему объяснили, въ чемъ дѣло, онъ отвернулся и зарыдалъ, какъ ребенокъ: онъ припомнилъ „бревенчатую хижину“ въ штатѣ Огіо, свою спальню на чердакѣ, своего добраго брата Тома.

Сысоева была основательницей и долгое время—редакторомъ-издательницей дѣтскаго журнала „Родникъ“.

Тѣ же мотивы семейнаго идеализма, что мы видѣли у Сысоевой, звучатъ, и пожалуй даже еще сильнѣе, у В. П. Желиховской (1835—1886 г.). Вотъ какими чертами Желиховская въ своемъ разсказѣ „Во имя долга“ изображаетъ семейныя чувства молодого героя разсказа Павла Торновича.

„Павелъ Торновичъ любилъ семейную жизнь. Ему было всего семь лѣтъ, когда померъ отецъ его, но съ матерью своей онъ прожилъ всю раннюю юность. Она любила окружать себя молодежью, дѣтьми многочисленныхъ своихъ знакомыхъ и дальнихъ родственниковъ. Въ ея домѣ, подъ ея крыломъ ютились всегда юноши и дѣвушки, на которыхъ Павелъ смотрѣлъ, какъ на своихъ близкихъ людей. Со смертью матери все это разлетѣлось, разсѣялось. Уѣхалъ и Павелъ по окончаніи гимназіи сначала въ деревню, потомъ—за границу. По возвращеніи въ Петербургъ, онъ рѣшаетъ посвятить себя медицинской дѣятельности и поступаетъ въ медицинскую академію. Жить онъ „поселился въ своемъ домѣ, еще полномъ отголосковъ его дѣтства, его жизни съ матерью... Пусто и жутко и печально показалось ему въ немъ: но оставлять его, переѣхать, а его отдать чужимъ людямъ, какъ многіе совѣтовали ему, онъ не хотѣлъ. Въ немъ жили семейныя воспоминанія; предрасудки для большинства, для него—дорогіе образы и чувства не поз-

воляли ему это сдѣлать“. Однимъ изъ главныхъ качествъ героини разсказа Ксеніи является тоже ея „преданность семьѣ“.

Тѣ же мотивы проходятъ въ книгахъ Желиховской „Какъ я была маленькой“ и „Мое отрочество“ и еще больше въ повѣсти „Мала былинка, да вынослива“. Идеальная героиня повѣсти—Ксенія осталась по смерти отца—художника—единственной опорой семьи: маленькихъ сестры и брата и слѣпой бабушки. Ей приходится самой чуть не голодать, дѣлая героическія усилія къ поддержанію семьи. Она учится, ведетъ хозяйство съ помощью преданной ей няни и въ то же время зарабатываетъ на содержаніе семьи деньги уроками. Ксенія изъ силъ выбивается, обставляя бабушку привычными удобствами, чтобы только не дать ей замѣтить, что они разорены и уберечь отъ упрековъ въ расточительности память горячо любимаго отца. Когда потомъ обстоятельства измѣнились къ лучшему, Ксенія смогла поступить въ консерваторію и послѣ блестящаго окончанія ея готовилась на сцену; но въ это время умираетъ родственница, воспитывающая ея сестру, и Ксенія бросаетъ давно лелѣемую мысль о сценѣ, чтобы отдаться воспитанію сестры. Такимъ образомъ Ксенія всегда приноситъ себя въ жертву своимъ семейнымъ чувствамъ, находя себѣ единственное вознагражденіе въ счастьи окружающихъ.

Въ приведенной повѣсти на ряду съ началами семейнаго романтизма выступаютъ элементы героизма и именно, какъ уже упоминалось раньше, — героизма жизненнаго, съ характеромъ обыденно-жизнейскаго подвига. Эти же начала выступаютъ и въ повѣстяхъ „Въ татарскомъ захолустьи“ и „Князь Илико—маленькій кавказскій плѣнникъ“. „Въ татарскомъ захолустьи“ — это прелестная повѣсть для юношества изъ быта захолустнаго татарскаго городка въ Закавказьи. Русское семейство—двѣ сестры (старшей Ольгѣ 15 лѣтъ) и братъ гимназистъ—гостятъ здѣсь лѣтомъ у своего дяди. Гости знакомятся съ чудною природой Закавказья и интереснымъ бытомъ мѣстности. Какъ-то Ольга зашла на кладбище и здѣсь встрѣтилась съ молоденькою татаркой Гюлли—дочерью мѣстнаго богача. Гюлли оказалась очень несчастною дѣвочкой, и Ольга застала ее на могилѣ мате-

ри, куда Гюлли бѣжала украдкой отъ отца. Отецъ ея и матека тиранятъ Гюлли и неволятъ ее выйти замужъ за стараго негодяя Сулеймана-Бека. Тайно отъ родныхъ Гюлли Ольга приходитъ видѣться съ ней, и обѣ дѣвушки крѣпко привязываются другъ къ другу, особенно впечатлительная и одинокая Гюлли, которая только у Ольги и находитъ себѣ участіе и ласку. Какъ-то ночью Гюлли неожиданно появляется въ домѣ Алмазовыхъ (дядя Ольги); прибѣжала она избитая, ища здѣсь спасенія отъ домашнихъ, и поплатилась за всю эту исторію тяжелой горячкой. Алмазовы хотятъ начать дѣло противъ истязателя—отца и взять Гюлли къ себѣ. Дома ее ждетъ адъ. Но несмотря на все это, Гюлли отказывается. „Судь защититъ тебя“, убѣждаетъ ее Ольга. Гюлли задумалась. „Странно это у васъ—произнесли она тихо.—То велятъ такія вещи дѣлать, что совсѣмъ невозможны: позволять обижать себя—давать себя въ обиду врагу, позволять бить себя по щекамъ, кому угодно, а то не велятъ терпѣть ничего даже отъ своихъ близкихъ! Велятъ жаловаться и обвинять своего роднаго отца... Я этого не пойму!... Ужъ лучше терпѣть самой, что Богъ велитъ, чѣмъ рѣшиться покрыть стыдомъ голову отца или матери“... „Что дѣлать, грустно отвѣчаетъ Гюлли на новые доводы своей пріятельницы—нужно терпѣть. Вѣдь терпѣніе и покорность, кажется, самыя главныя добродѣтели... А мнѣ, мусульманкѣ, приходится тебѣ указывать на нихъ“... Ольга хочетъ научить ее молиться: „Да будетъ воля Твоя“! Эта молитва утѣшитъ ее. Но Гюлли отвергаетъ и это утѣшеніе.—„Видишь ли, Ольга, говоритъ она,—ты совсѣмъ другое дѣло. Ты можешь и говорить, и чувствовать такъ... Тебя учили всему этому съ дѣтства. Если бы кто нибудь говорилъ со мною прежде такъ, какъ ты теперь, если бы у меня была такая умная мать, какъ твоя,—и я бы тогда была, можетъ быть, такая же добрая и счастливая, какъ и ты... Но теперь я не могу ни думать, ни молиться, какъ ты“... Гюлли возвращается къ своимъ и возвращается на гибель. Въ холодную ночь она, раздѣтая, бѣжитъ, спасаясь отъ своихъ тирановъ, на могилу матери, простуживается здѣсь и схватывается чахотку. Вотъ ея предсмертное письмо Ольгѣ. „Хочу еще разъ сказать, что люблю тебя. Не плачь обо мнѣ, я

не жалѣю, что умираю, потому что жить мнѣ тяжело. Всякій день съ тѣхъ поръ, какъ ты уѣхала, я говорила *ты* слова, и тогда—на могилѣ матери, подъ дождемъ и снѣгомъ—и теперь говорю. „Да будетъ воля Его!“ Я теперь вѣрю, что Онъ когда нибудь соединитъ меня съ матерью и съ тобою. Объ этомъ я и молюсь и твердо на это надѣюсь. Не могу больше писать, а скажу только, какъ ты тогда хотѣла: до свиданья, дорогая моя“!..

Трогательнѣе образъ Гюлли, этой чудной, чуткой, отзывчивой дѣвушки, одиноко страдающей и трогательно благодарной за каплю участія. Разсказъ этотъ затронетъ самыя лучшія, душевные струны дѣтскаго сердца и сильно затронетъ. Съ большимъ интересомъ эта повѣсть читается и взрослымъ.

Не менѣе, пожалуй, трогательна и повѣсть „Князь Илико“. Въ читателѣ возбуждается глубокое состраданіе къ маленькому грузину Илико, затерянному среди чужихъ людей. Его сердечко жаждетъ любви и найдя ее въ пріютившей его русской семьѣ, онъ горячо съ отзывчивою благодарностью привязывается къ ней. Благородная натура Илико дѣлаетъ его героемъ.—Во время пожара онъ самоотверженно спасаетъ своего товарища, только что поссорившагося съ нимъ и обидѣвшаго его; а во время землетрясенія съ опасностью для своей жизни спасаетъ маленькую дѣвочку, которая, какъ только потомъ оказалось, была его сестрой¹⁾.

Мы видѣли, что у Сысоевой и Желиховской на ряду съ мотивами семейной идеализаціи романтизмъ принимаетъ и героическій характеръ. Въ этомъ послѣднемъ направленіи романтизмъ развивается у Анненской и Роговой. Здѣсь же нужно упомянуть и Чарскую; но у послѣдней, какъ увидимъ ниже, романтизмъ принимаетъ новую форму: героическіе мотивы у нея выражаются въ мотивы фантастическіе.

¹⁾ Нѣкоторымъ недостаткомъ повѣстей Желиховской является ихъ языкъ, хотя въ общемъ и легкій, но все же не чуждый такихъ выражений: „опминаясь“,—дѣпричастіе настоящаго времени отъ глагола „опомниться“; „внушать невѣріе въ опасность“; „ея idée fixe сдѣлалась заразительность“ вмѣсто—возможность заразиться и проч.

Героизмъ въ произведеніяхъ А. Н. Анненской носить то историческій характеръ (книги: „Дѣтство и юность Вениамина Франклина“, „Георгъ Вашингтонъ и борьба за независимость“, „Михаилъ Фарадей“), то жизненно обыденный характеръ. Въ послѣднемъ случаѣ важны книги „Свѣтъ и тѣни“ и „Зимніе вечера“. Первая книга, написанная съ большою искренностью, заставляетъ читателя задуматься надъ многими жизненными явленіями и вмѣстѣ съ тѣмъ пробуждаетъ у него вѣру въ силу правды и добра. Въ книгѣ семь повѣстей. Ихъ содержаніе не замысловато, и героямъ повѣстей приходится нести свои подвиги, осуществлять свое незамѣтное геройство среди самой сѣрой, обыденной жизни. Но за то чрезъ всѣ повѣсти проходитъ идея о значеніи и силѣ добра. Безродная дѣвочка, озлобленная на всѣхъ за постоянныя несправедливости и обиды, совершенно перерождается подъ влияніемъ ласки и привѣта („Безъ роду, безъ племени“). Дѣвушка, выросшая среди дружной любящей семьи, попадаетъ на время въ чужую, совершенно иного склада семью и своимъ сердечнымъ участливымъ отношеніемъ вноситъ свѣтъ и радость въ жизнь этой чужой для нея семьи („Въ чужой семьѣ“). Добрый, сердечный, но скромный и не одаренный блестящими способностями мальчикъ, всѣмъ презираемый, уходитъ изъ родного дома и дѣлается уважаемымъ и любимымъ учителемъ слѣпыхъ („Неудачникъ“). Вторая книга (пять разсказовъ) тоже изображаетъ обыкновенную, будничную жизнь и людей, какихъ мы встрѣчаемъ ежедневно. Герои разсказовъ—преимущественно дѣти, и этихъ дѣтей давитъ ихъ жизнь: бѣдность, обиды, тяжелая работа, горе. А они стремятся впередъ къ знанію, къ добру. Они ищутъ выхода терпѣливо и настойчиво и добиваются осмысленнаго существованія, полезнаго и для другихъ. Въ разсказѣ „Товарищи“ затрагивается тотъ же сюжетъ, что и у Чистякова въ повѣсти „Митя Карвуть“. Изображается тяжелое положеніе въ классѣ нелюбимаго товарища. Книга вообще стремится пробудить сочувствіе, состраданіе ко всякому несчастному. Сильны у Анненской и элементы семейнаго романтизма („Анна—романъ для дѣтей“, „Мои двѣ племянницы“, „Надежда семьи“, „Старшая сестра“).

Тотъ же героизмъ мы видимъ и въ произведеніяхъ *О. И. Роговой*. Довольно типичнымъ для ея творчества является разсказъ „Гриша“. Гришина мать съ голодною семьею, по смерти мужа, осталась безъ крова, безъ пріюта; и вотъ девятилѣтній Гриша (старшій изъ дѣтей) становится опорой семьи. Онъ выпрашивается у матери въ городъ, попадаетъ тамъ къ хорошему хозяину и, усерднымъ трудомъ, зарабатывая деньги, исправно высылаетъ ихъ голоднымъ роднымъ. Одинъ разъ на глазахъ у Гриши бѣшеная собака бросилась на маленькую дѣвочку. „Бѣшеная!“ мелькнуло у Гриши въ головѣ. Онъ никогда не видѣлъ бѣшеной собаки, но зналъ, что есть такія, и сразу понялъ всю опасность: дѣвочка не могла бы убѣжать, собака была въ двухъ шагахъ отъ нея; одно средство—защитить ее. Гриша и не подумалъ о себѣ. „Некогда было“, разсказывалъ онъ потомъ. Онъ въ одинъ мигъ сбросилъ ремень съ ящикомъ, въ которомъ разносилъ сичичи, на землю, оттолкнулъ дѣвочку къ калиткѣ и загородилъ ее. Собака бросилась на него и вицѣпилась ему въ правую руку. Онъ крикнулъ отъ боли, но другою свободною рукой изо всѣхъ силъ сдавилъ ей горло. Оба они повалились на землю, но ни собака не думала выпускать руки Гриши, ни Гриша не переставалъ душить собаку. Едва было жизнью своею не заплатился Гриша за свое великодушіе. Но дѣло кончилось благополучно, и маленький герой былъ награжденъ; состоятельные родители спасенной дѣвочки, благодарные Гришѣ и тронутые его поступкомъ, позаботились о немъ и его близкихъ. Въ такомъ же совершенно духѣ разсказъ „Какъ Надя спасла ребеночка“, бросившись за нимъ въ горящій подвалъ и едва сама не погибнувъ. Въ разсказахъ Роговой иногда проскальзываетъ нѣкоторая ненатуральность, которая съ большою силою выступаетъ въ разсказѣ „Золотое сердечко“. Маленькая Катя проникается состраданіемъ къ бѣдному итальянцу съ обезьянкой и его больной сестренкѣ. При помощи добраго дяди Оеди судьба итальянцевъ измѣнилась—ихъ отравили на родину, гдѣ они и устраиваются хорошо. Вставши на ноги, Джіовани возвращаетъ дядѣ Оедѣ 350 рублей, истраченные на него въ Россіи. Это все пока довольно естественно. Но дальше дѣятельность дяди Оеди носить уже

не совсѣмъ натуральный характеръ.—„Теодоръ Степановичъ оповѣстилъ всѣхъ своихъ знакомыхъ и устроилъ подписку на стипендію имени Джіовани въ одномъ изъ среднихъ учебныхъ заведеній“. Почему стипендія, а не что нибудь другое было предпринято добрякомъ-дядею, изъ разсказа этого не видно, но авторъ заканчиваетъ увѣреніемъ, что „капиталь, нужный для стипендіи былъ собранъ, получено разрѣшеніе, и стипендія имени Джіовани существуетъ до настоящаго времени“.

Такимъ образомъ у Роговой романтизмъ уже переступаетъ границу натурального, онъ граничитъ у нея пожалуй уже съ областью фантастичнаго; но окончательно въ эту послѣднюю область романтизмъ переходитъ только у Чарской.

Есть у Роговой героическія вещи и въ историческомъ родѣ, таковы: „Богданъ Хмѣльницкій“, „Грозная туча“ (изъ эпохи отечественной войны).

Въ значительной части своихъ произведеній *Л. А. Чарская* стоитъ близко къ разобраннымъ уже авторамъ, являясь представительницею героическаго романтизма, частице—его историческаго вида. Только своихъ героев Чарская стремится описывать болѣе яркими красками, нежели это можно видѣть у другихъ авторовъ. Въ такомъ родѣ ея книги: „Свѣтлый воинъ кн. М. В. Скопинъ-Шуйскій“, „Газавать“ (священная война кавказскихъ мусульманъ противъ невѣрныхъ); таковъ же ея сборникъ „Смѣлые, сильные, храбрые“. Въ этомъ сборникѣ помѣщается три историческихъ повѣсти: „Долой Перуна“ (крещеніе Руси), „Подъ звонъ вѣчевого колокола“ (Марѳа Посадница) и „Сююмбека царица Казанская“ (покореніе Казани).

Особенно типична здѣсь вторая повѣсть, посвященная изображенію стихійнаго характера Марѳы и ея отважнаго сына Димитрія. Слѣдуя довольно вѣрно историческому изложенію, разсказъ все же изобилуетъ сильными сценами и часто ведется въ повышенномъ тонѣ. Вотъ Марѳа провожаетъ Димитрія въ походъ.—„И Димитрій глядитъ въ глаза матери, глядитъ, не отрываясь... Сейчасъ ихъ только двое на всей огромной площади, во всемъ большомъ мірѣ. Мать и сынъ. Сынъ и мать, живущіе однимъ чувствомъ,

одной великой, всеобъемлющей, всеподавляющей любовью къ родинѣ, къ родимой Новгородской волѣ, которой грозитъ опасность.

— Господь съ тобою; прощай Митя... Только помни; сынушка, помни: что бы ни было, лучше смерть, нежели мысль единая о передачѣ Москвѣ господина нашего великаго Новгорода.

— Буду помнить твой завѣтъ, матушка...

И восторженные, смѣлые, полные вдохновляющаго ихъ чувства глаза Дмитрія вспыхнули горячимъ огнемъ.

Мать...

Пуще всего въ мірѣ любить ее Дмитрій. Это она сумѣла сдѣлать его такимъ вѣрнымъ сыномъ своего отца—господина великаго Новгорода...

Мать и воля Новгородская одинаково дороги для Дмитрія, онъ не различаетъ эти два понятія, оба чувства слились въ одно.

— Коли какое лихо случится, матушка, говорить онъ Марѣ, оставляю тебѣ замѣсто себя нашего общаго любимца Васю (племянника). Не Федора—отца его, а Васю, помни! Федоръ не въ насъ съ тобой, ужъ больно тихъ, не спористъ... А Вася—нашъ... Орленкомъ, какъ и меня, выростила ты его. Пушай за волю Новгородскую животъ свой положить, коли не сможетъ отстоять эту волю отъ врага.

Не жалѣетъ себя Дмитрій для родного Новгорода, безстрашно бьется онъ за его свободу, но враги осилили его, и вотъ онъ въ плѣну—стоитъ предъ своимъ врагомъ—княземъ Московскимъ Иваномъ.

Гнѣвъ закипаетъ въ груди великаго князя, когда его потемнѣвшіе, сверкающіе взоры встрѣчаютъ открытый, смѣлый молодой взоръ. Дмитрій Ворецкій не чувствуетъ никакой вины за собою. Онъ готовъ умереть за Новгородъ родимый, за независимость св. Софіи, за вѣче Новгородское. Онъ готовъ... страхъ смерти не смущаетъ его душу. Что смерть? Мигъ единый, ударъ мгновенный съкиры палача... Сейчасъ онъ такъ чуждъ этого страха. Мерещится ему великій Новгородъ родимый со всѣми златоглавыми храмами его. Богатые, пышные терема... Чудится широкая площадь вѣча. Слышатся глухіе, протяжные удары вѣчево-

го колокола, видится мраморный образъ Вадима, купола св. Софіи. И мнится Дмитрію: родной, вольный городъ шлетъ ему свое спасибо, благословляющею рукою матери осѣняетъ его... „Лучше смерть, нежели гибель независимости Новгорода!“ слышится ему ея послѣднія слова.

О, онъ умереть, и смерть его воодушевить всѣхъ гражданъ Новгородскихъ!.. Они соберутся съ новыми силами и ударятъ на врага... отстоятъ свою волю... вѣче.

Свѣтлыя мысли наводняютъ голову Дмитрія. Улыбка играетъ на молодомъ лицѣ. Смотрятъ съ удивленіемъ на это восторженное лицо Иванъ, воеводы, бояре, стража...

А вотъ сама Марѣа на площади въ Новгородѣ.—„Марѣу любятъ за ея щедрость, за богатство, милости, а пуще всего за непоколебимую силу этой женщины, за стихійную любовь ея къ родинѣ, къ Новгородской свободѣ... Всѣмъ она пожертвовала этой свободѣ и теперь обѣщаетъ ей свою послѣднюю опору—внучка Васю“.

Въ такомъ же духѣ, языкомъ легкимъ и въ тонѣ нѣсколько приподнятомъ написаны и другія историческія повѣсти Чарской. Здѣсь, какъ сказано, Чарская стоитъ на почвѣ героическаго романтизма, но на этой почвѣ писательница не можетъ оставаться до конца. Живая фантазія, замѣтная и въ историческихъ повѣстяхъ, влечетъ ее въ новыя сферы, и романтизмъ ея принимаетъ характеръ *фантастическій*. Эту эволюцію въ творествѣ Чарской лучше всего можно прослѣдить на ея произведеніи „Лара Безсонова“. Здѣсь выводится героиней необыкновенная дѣвушка—идеаль женской доброты, чистоты, отзывчивости и вмѣстѣ съ тѣмъ подвижности и энергій. Въ эпиграфъ книги поставлены слова Шопенгауэра: „Подобно тому, какъ факелы блѣднѣютъ и дѣлаются невидимыми при свѣтѣ солнца, такъ и умъ и даже геній, а равно и красота блекнутъ и затмеваются предъ сердечной добротой“. Такимъ идеаломъ сердечной доброты и является Лара Безсонова. Это молоденькая дѣвушка, умная, красивая, независимая; въ началѣ повѣсти она выступаетъ сильно эксцентричной. Самое цѣнное въ Ларѣ, за что ее всѣ боготворятъ—это ея золотое, отзывчивое сердце. Всякій слабый, несчастный, будетъ ли то ребенокъ, больная женщина или преслѣдуемый преступ-

никъ—всѣ вызываютъ съ ея стороны теплое состраданіе и не пассивное только, не простую чувствительность, отъ которой такъ далека Лара, а состраданіе дѣятельное. Она несетъ преступнику хлѣба въ подземелье, гдѣ нашла его; она, нѣжная барышня, въ зной жнетъ чужую полосу, „жнетъ за бобылку Марью Жгутову, которая вторую недѣлю лежитъ больная въ своей избѣ“. Лара любитъ всѣхъ безъ разбору, поѣщаетъ больныхъ, обшиваетъ ребятъ. Она любитъ простой народъ, этой любви учить и своего маленькаго пріятеля Толю. „Они добрые, мальчикъ, говоритъ она про крестьянъ. Люби ихъ. Люби русскаго мужика, Толя. Не брезгуй имъ“. Доброй феей входитъ она въ семью небогатаго помѣщика, пріютившаго ее по смерти ея вотьчима. Но особенно великъ подвигъ любви Лары къ товарищу своихъ дѣтскихъ игръ—учителю Борису Горскому. Послѣдній мечталъ объ университетѣ, но ради поддержанія старушки матери онъ дѣлается сельскимъ учителемъ. У него большой литературный талантъ. Ларѣ удалось передать его рассказъ въ редакцію (самъ онъ по скромности не могъ бы рѣшиться на это), и редакторъ съ восторгомъ привѣтствовалъ молодую силу, но сказалъ, что для развитія своего таланта автору непременно нужно учиться. Сама Лара, поразившая на актѣ при окончаніи пансіона слушателей своимъ чуднымъ голосомъ, мечтаетъ о консерваторіи, но свои мечты она рѣшила принести въ жертву своему другу. Она дѣлается учительницей, чтобъ поддержать старуху мать Горскаго, а ему даетъ возможность поступить въ университетъ. „Консерваторія; пѣніе, занятіе любимымъ искусствомъ и далѣе пріятный заработокъ на почвѣ его—прости близкая, милая, сладкая мечта“... Всю жизнь отзывчивое сердце Лары заставляетъ ее служить другимъ. Лара является, такимъ образомъ, героиней сердечнаго подвига; а Чарская пока выступаетъ предъ нами писательницей въ духъ героическаго романтизма, но вмѣстѣ съ этимъ выступаютъ у нея и иные элементы.

Уже въ началѣ повѣсти Лара выступаетъ слишкомъ необыкновенною, иногда прямо эксцентричною особой. Эксцентрично, напримѣръ, ея поведеніе въ школѣ; явившись сюда во время урока, она кричитъ учителю (правда—

товарищу дѣтства) въ окно, называя его Борькой; другой разъ она вступаетъ въ заговоръ со школьниками и, спрятавшись въ шкафъ, устраиваетъ цѣлую исторію при посѣщеніи школы семьею помѣщика. На первыхъ страницахъ книги Лара выступаетъ прямо какой-то сказочной феей.—Огромный зароспій садъ, старый заброшенный помѣщичій домъ. Рядомъ крутой обрывъ, „куда не ступаетъ ни одна человѣческая нога: ходитъ дурная слава объ этомъ ярѣ. Лѣтъ двадцать тому назадъ, ходятъ слухи, здѣсь зарѣзался кузнецъ. Его зарыли на днѣ обрыва, и тѣнь самоубійцы, какъ говорятъ, бродитъ ночью по яру, глухо жалуясь и стена“. И вотъ среди такихъ страховъ любимымъ дѣломъ Лары является забираться ночью въ старый пустынный домъ, играть при лунномъ свѣтѣ на старыхъ клавинодахъ и воображать себя „царевною серебряной ночи“.

„Ночь... На деревенскомъ кладбищѣ старинные часы (кстати сказать,—роскошь, и для городскихъ кладбищъ едва ли доступная) гулко пробилъ одиннадцать часовъ... И думается невольно: гдѣ звонятъ, въ лѣсу ли, или въ деревнѣ, и жутко томится сердце предчувствіемъ тайны красивой и большой...“

Весенняя ночь словно колдуетъ... Все колдуетъ чужою, воздушной тишиной. Но чу! Не то скрипъ, не то шелестъ, шорохъ... И наконецъ какой то сильный ударъ. Съ трескомъ распаивается зеленая ставня въ крайнемъ окнѣ стараго заколоченнаго дома. За ней раскрывается и самое окно. Въ его темномъ квадратѣ появляется бѣлая фигура“.

Это и есть Лара—„дѣвушка, почти дѣвочка, лѣтъ шестнадцати. Тоненькая, какъ тростинка, высокая и гибкая, какъ она. Длинные, прямые, черные волосы сбѣгаютъ на грудь, плечи, спину. А глаза русалки, прозрачные, смѣющиеся и свѣтлые какъ вода. И темныя гордые брови. Есть что-то независимое въ ея горделивой фигурѣ“.

Она ведетъ бесѣду съ садомъ.

„Садъ мой желанный, твоя веселая фея тутъ съ тобою и любить тебя... Всѣхъ васъ любить! Чаща моя забытая, липы мои, ночка моя весенняя. Я царица ваша.—Строго смотреть на нее старинные портреты въ пустынномъ залѣ, но она не боится ихъ и не уйдетъ. Ей—безстрашной, отважившей—

ся придти сюда на эту старую усадьбу надъ обрывомъ, гдѣ бродить тѣнь зарѣзавшагося самоубійцы, ей ли пугаться молчаливаго протеста предковъ?!

Маленькій Толя, сынъ помѣщика, искренно принимаетъ ее за фею, о которыхъ начитался онъ въ дѣтскихъ книжкахъ, и Лара не разубѣждаетъ его въ этомъ. Въ лѣсу она отбиваетъ Толю отъ напавшихъ на него бродягъ. Послѣдніе должны были уступить, видя ее, вооруженною двухстволкою и зная, что она „бьетъ птицу на лету“ (это тоненькая-то тростинка, которой едва ли подѣ силу и поднять, какъ слѣдуетъ, тяжелую двухстволку).

Такимъ образомъ, у писательницы въ ходѣ разсказа замѣтна сильная ненатуральность. Ненатуральность и тенденціозность видны у Чарской и въ обрисовкѣ отдѣльных типовъ. Положительные типы—все безъ всякой тѣни. Вотъ учитель Борисъ Горскій.—„У него большіе каріе глаза съ открытымъ, честнымъ и смѣлымъ выраженіемъ. И темнорусые волосы. На тонкомъ энергичномъ лицѣ выраженіе непреклонной энергіи и крѣпкой воли. Энергиченъ и высокій лобъ, и смѣло изогнутые круглымъ изгибомъ брови, и нѣсколько рѣзко очерченный ротъ. Все говоритъ о силѣ, упорствѣ и пережитой борьбѣ вполне взрослого испытаннаго человѣка, а глаза—глаза мечтателя ребенка. Задумчивые, дѣтски чистые, прекрасные глаза“. Такимъ великолѣпнымъ является Горскій въ описаніи Чарской, но на дѣлѣ у нея же съ Горскимъ выходитъ совсѣмъ не то. До чрезвычайности энергичный во всемъ, снабженный отъ природы писательницы и энергичнымъ лбомъ, и энергичнымъ ртомъ, и энергичными бровями, этотъ господинъ устраивается въ жизни только при помощи нѣжной и хрупкой тростинки—Лары. Даже и въ такой частности, какъ пристроить свое произведение въ печати, онъ не можетъ обойтись безъ нея.

За то въ своихъ описаніяхъ безпощадна писательница къ нелюбимымъ героямъ. Вотъ лицеистъ Мишель. Онъ большой франтъ. „Въ рукахъ хлыстикъ, фуражка сдвинута на затылокъ. Въ лицѣ скука и презрѣніе ко всему, что не касается узкаго кителя и лакированныхъ ботинокъ“.

Какъ видимъ, отъ Чарской романтизму въ дѣтской литературѣ остается сдѣлать одинъ шагъ, и онъ очутится

близко къ міру фантастической пинкертоновщины. Довольно близко къ Чарской подходит современная писательница *Е. Аверьянова*.—Ея трилогія: „Иринкино счастье“, „На зарѣ жизни“ и „Весенняя сказка“. Раньше уже отмѣчалось, какъ недостатокъ, наличность въ ея произведеніяхъ любовныхъ элементовъ.

Романтическій элементъ въ значительной степени присущъ дѣтской природѣ, такъ жадной ко всему неизвѣданному, таинственному. Вотъ почему романтическая литература находитъ большой спросъ у маленькихъ читателей. И по скольку эта литература ставитъ своею задачей будить въ читателѣ лучшія чувства и создавать возвышенное настроеніе—ей, конечно, слѣдуетъ отводить почтенное мѣсто въ библіотекѣ ребенка. Но эта литература требуетъ и большой осторожности. Романтизмъ, какъ мы видѣли, принимаетъ и нездоровыя формы, давая матеріалъ эксцентричный, фантастическій. Съ этими видами романтизма нужно руководителямъ и воспитателямъ усиленно бороться: они разстраиваютъ дѣтское воображеніе ¹⁾.

Если съ одной стороны, какъ мы видѣли, романтическія теченія пошли по ложному направленію, свернувъ на путь фантастическаго, то съ другой стороны—они нашли себѣ и болѣе благородное отраженіе. Этимъ отраженіемъ является теченіе въ дѣтской литературѣ, которое можно назвать *гуманно-идеалистическимъ*. Писатели этого направленія проводятъ идеалистическій взглядъ на жизнь, исповѣдуютъ вѣру въ высокое назначеніе человѣческой личности и проповѣдуютъ любовь къ человѣку и ко всему живущему. Здѣсь поэтому естественно торжествуетъ проповѣдуемая и романтиками идея жизненнаго героизма, идея подвига любви. Частіе, отъ романтизма разсматриваемое теченіе наслѣдуетъ свою, такъ сказать, форму, методъ, способъ

¹⁾ Пишущему эти строки лично приходилось знать примѣры вреднаго вліянія такого романтизма на подростковъ, особенно дѣвочекъ, зачитывавшихся произведеніями Чарской; они побуждали юныя головы къ совершенно всевозможныхъ нелѣпыхъ эксцентричностей.

творчества, заключающийся въ томъ, что здѣсь на первый планъ выдвигается идея, и писатель не всегда надлежащимъ образомъ считается съ реальнымъ, съ жизненною правдой. Что же касается до сущности, духа этого теченія, то его основою можно считать всецѣло гуманныя идеи Льва Толстого. Со своею проповѣдью любви ко всему живущему, любви, которая есть то, „чѣмъ люди живы“—Толстой и является вдохновителемъ этого теченія.

Изъ раннихъ его представителей можно указать Засодимскаго, о гуманныхъ мотивахъ въ творествѣ котораго уже приходилось говорить. Въ рассказѣ „Бруно-скиталецъ“ Засодимскій говоритъ: „Человѣкъ можетъ найти счастье только тогда, когда люди истребятъ въ себѣ остатки звѣря, сдѣлаются добрѣе и лучше и когда въ мірѣ будетъ меньше зла и страданій“. Та же идея проходитъ въ его рассказѣ „Весь вѣкъ для другихъ“, но особенно рельефно въ „Алхимикѣ“. Здѣсь выведенъ средневѣковый ученый, прошедшій всю жизнь въ исканіи философскаго камня и одиноко живущій въ башнѣ, чуждый волнующейся вокругъ него жизни. Одинъ разъ въ кабинетъ ученаго появилась маленькая дѣвочка, продавщица цвѣтовъ. Алхимикъ прогоняетъ ее, но оставленный дѣвочкой букетъ цвѣтовъ пробуждаетъ въ немъ воспоминанія дѣтства и юности. Черезъ нѣсколько дней дѣвочка является снова и умоляетъ его пойти съ нею и навѣстить ея больныхъ—мать и брата. Съ этого дня алхимикъ оставляетъ свое уединеніе, начинаетъ употреблять свои знанія на пользу людямъ. И самъ онъ убѣждается, что *искомый имъ философскій камень—любовь къ людямъ, которая одна только и даетъ человеку удовлетвореніе и счастье*. Если припомнить повѣсти Анненской, о которой тоже приходилось уже говорить, то и у нея найдется достаточно мотивовъ, соответствующихъ разбираемому. Въ ея повѣстяхъ, какъ говорилось, любовь и состраданіе являются всегда побѣдителями на аренѣ жизни. Наконецъ гуманитарные мотивы можно находить въ книжкахъ *Ладыженскаго* „Чужой“ и *Боркова* „Жалѣніе“ (Изд. Сытина). Въ послѣдней книжкѣ дѣло идетъ о плѣнныхъ французахъ. „Всякій человѣкъ создастъ Богомъ, говоритъ авторъ, французъ ли онъ будетъ или татаринъ—все равно, ко всякому надо жалѣніе имѣть“.

Здѣсь же слѣдуетъ упомянуть *В. А. Радича* съ его книгами „Искры любви“ и „Дѣтворѣ“. Въ послѣднемъ сборникѣ особенно трогательнымъ является рассказъ „Бандуристъ“. Слѣпой бандуристъ и поводырь его, безродный сирота, нѣжно привязаны другъ къ другу. Случайная встрѣча съ художникомъ обнаруживаетъ въ мальчикѣ способности къ рисованію. Заинтересованный мальчикомъ художникъ предлагаетъ отвезти его въ Петербургъ и дать ему возможность учиться. Старого бандуриста давно уже тревожила мысль о томъ, что будетъ послѣ его смерти съ ребенкомъ, и онъ рѣшаетъ разстаться со своимъ единственнымъ другомъ; но боясь при прощаніи выдать свое горе, онъ среди ночи потихоньку уходитъ изъ дома, гдѣ остановился съ мальчикомъ ночевать. И въ безпріютномъ бродягѣ авторъ умѣетъ найти чуткую, любящую душу.

Но главнымъ и наиболѣе типичнымъ представителемъ разсматриваемаго литературнаго теченія слѣдуетъ признать *И. И. Горбунова-Посадова*. Свои идеалистически-гуманныя убѣжденія онъ проводитъ и въ издаваемомъ имъ дѣтскомъ журналѣ „Маякъ“, и въ отдѣльныхъ своихъ произведеніяхъ. Уже одни заглавія послѣднихъ указываютъ на эти начала.—„Жить—любви служить“ (сборникъ былей и стихотвореній), „Живая любовь“, „Милосердные звѣри“ и др. Критика справедливо отмѣчаетъ недостатокъ реализма въ произведеніяхъ Горбунова-Посадова (Вѣстн. Восп. 1901/7), но за то гуманныя идеи въ нихъ выступаютъ тѣмъ ярче.

Свои взгляды на дѣтскую книгу и ея характеръ Горбуновъ-Посадовъ особенно ясно высказываетъ въ своемъ предисловіи къ изданной имъ книгѣ д-ра Амичиса „Школьные товарищи“. Дѣтская книга, говоритъ Горбуновъ-Посадовъ, должна удовлетворять *педагогически гуманитарнымъ требованіямъ*. Нѣкоторое осуществленіе этихъ требованій онъ и находитъ въ книгѣ Амичиса. Горбунову-Посадову здѣсь особенно дорогимъ кажется то, что авторъ книги „стремится вездѣ, насколько можетъ и умѣетъ, развить, возбудить и укрѣпить въ дѣтяхъ любовь, состраданіе, братство—самыя дорогія человѣческія чувства, составляющія самую душу нашей жизни“. Важнымъ въ книгѣ Амичиса для Горбунова-Посадова является и то, что въ основу всѣхъ

указанныхъ отношеній здѣсь кладется глубокое уваженіе къ человѣческой личности вообще, на какихъ бы ступеняхъ она ни стояла, въ какомъ бы положеніи она ни находилась... На большинствѣ страницъ своей книги Амичисъ стремится вызвать живую, дѣятельную любовь ко всему, особенно въ ней нуждающемуся, ко всему угнетенному жизнью, обдѣленному ею, несчастному, страдающему, истинную и серьезную любовь къ правдѣ и правдивости. „Семья, школа, товарищество—все проникнутое одною человѣчностью, однимъ духомъ дружной любви, дружной работы на общее благо—сливаются здѣсь воедино, чтобы составить наилучшую атмосферу для развитія цѣльной, разумной, любящей и дѣятельной человѣческой личности. О, если бы такое соединеніе не было только мечтою благородныхъ умовъ и какъ можно чаще и чаще встрѣчалось бы въ дѣйствительной жизни“.

Служеніемъ этой идеалистически гуманной мечтѣ и проникнуты дѣтскія книги Горбунова-Посадова.

Довольно характернымъ для Горбунова-Посадова является рассказъ „Рохъ и его собака“. Здѣсь говорится объ одномъ средневѣковомъ рыцарѣ Рохѣ, который разочаровался въ своихъ рыцарскихъ подвигахъ и безсодержательной жизни, постригся въ монахи и предался самоотверженному служенію ближнимъ во время свирѣпствовавшей въ окрестности чумы. Этимъ онъ заслужилъ глубокую благодарность и любовь не только отъ людей, но даже и отъ своей собаки, которая какъ будто вполне понимала и цѣнила его высоко гуманную дѣятельность. Когда онъ, заразившись самъ, ушелъ отъ людей въ лѣсъ, чтобы умереть тамъ одиноко и не заразить еще и тѣхъ, кто бы хотѣлъ за нимъ ухаживать, собака не покидала его и, ежедневно отправляясь въ городъ, доставала тамъ хлѣбъ и приносила въ зубахъ своему хозяину, благодаря чему Рохъ понемногу поправился и не умеръ съ голоду. Любовь и состраданіе здѣсь охватываетъ и человѣка, и звѣря—все живущее. Въ сотрудничествѣ съ В. Лукьянской Горбуновымъ-Посадовымъ составлена книга „Другъ животных“. Въ какомъ духѣ составлена эта книга—это ясно изъ подзаголовка ея. Это—„книга о вниманіи, состраданіи и любви

къ животнымъ—гуманитарно-зоологическая хрестоматія“. Много гуманно-идеалистическихъ мотивовъ находимъ въ произведеніяхъ П. Незванова „Дѣтскіе рассказы“ и И. Телешова „Рассказы и сказки для юныхъ читателей“. Въ сказкѣ „Бѣлая цапля“ Телешовъ рассказываетъ о духовномъ перерожденіи молодой королевы, мечтающей „объ общемъ человѣческомъ счастьи“.

Слабою стороною данного рода дѣтской литературы является ея близость къ тенденціозности, что заставляетъ ее часто грѣшнить противъ реальнаго и наносить ущербъ ея художественной цѣнности.

Реально-художественное направленіе въ дѣтской литературѣ.

„Можно сказать вообще, пишетъ Ц. П. Балталонъ („Воспитательное чтеніе“, стр. 23), что на нашей современной дѣтской художественной литературѣ лежитъ прекрасный отпечатокъ той великой школы художественнаго реализма, которой гордится русская литература“. Если не имѣть въ виду нѣкоторой обобщающей тенденціи въ приведенныхъ словахъ, то нельзя не признать ихъ справедливости: наша дѣтская литература дѣйствительно не бѣдна по части истинно художественныхъ произведеній. Изъ цѣлаго ряда именъ выдѣлимъ здѣсь Мамина-Сибиряка, Станюковича, Немировича-Данченко, Баранцевича и Шмелева.

Д. Н. Мамина-Сибиряка¹⁾ по справедливости считаютъ однимъ изъ талантливыхъ дѣтскихъ писателей. Любовь къ своей маленькой дочуркѣ Аленушкѣ, рано лишившейся матери, толкнула М.-Сибиряка, по его собственнымъ словамъ, на путь писательства для дѣтей. Для дошкольнаго возраста у него можно указать упомянутыя уже раньше „Аленушки“

¹⁾ См. И. Соловьевъ, М.-Сибирякъ, какъ дѣтск. писатель, В. Восп. 1912, 5; еще о немъ статьи Н. Саввина (Пед. Л. 1908, 4—5), Е. Колтоновской (В. Евр. 1913, 2), Б. Глинской (Ист. Вѣсти. 1912, 12) и С. Елпатьевскаго (Р. Богат. 1912, 11). Автобіографич. данныя—Нов. Жизнь 1913 № 1.

ны сказки“. Однимъ изъ лучшихъ его произведений, гдѣ всѣ особенности авторскаго таланта нашли себѣ отраженіе, слѣдуетъ признать небольшой рассказъ, доступный и дѣтямъ младшаго возраста,—„Емеля Охотникъ“. Здѣсь изображается жизнь одинокаго уральскаго бобыля — охотника Емели; съ нимъ живетъ его внучекъ Гришутка. И вотъ Гришутка, единственная привязанность, которая осталась въ жизни старику Емельѣ, вдругъ заболѣлъ. Простудился весной и слегъ Гришутка. Емеля видѣлъ, какъ внученокъ таялъ не по днямъ, а по часамъ, но не зналъ, чѣмъ помочь горю. Поилъ какой-то травой, два раза носилъ въ баню — больному не дѣлалось лучше. Мальчикъ почти ничего не ѣлъ. Пожуетъ корочку чернаго хлѣба и оставитъ. Осталась отъ зимы соленая козлятина, но Гришукъ и смотрѣть на нее не могъ.

— Дѣдко... а дѣдко!..—съ трудомъ спрашивалъ маленький Гришутка однажды вечеромъ.—Теперь олени съ телятами ходятъ, дѣдко?

— Съ телятами, Гришукъ,—отвѣтилъ Емеля, доплетая новые лапти.

— Вотъ бы, дѣдко, теленочка добыть... а?..

— Погоди, добудемъ. Жары наступили, олени съ телятами въ чащѣ прятаться будутъ отъ оводовъ, тутъ я тебѣ и добуду теленочка, Гришукъ.

Ишь, чего захотѣлъ: теленочка...—думалъ старый Емеля, доковыривая свой лапоть.—Ужо надо добыть.

И вотъ Емеля, снарядившись, отправляется добывать теленочка. „Въ лѣсу Емеля былъ, какъ дома. Да и какъ ему не знать этого лѣса, когда онъ цѣлую жизнь бродитъ съ ружьемъ да съ собакой. Всѣ тропы, всѣ примѣты, все зналъ старикъ на сто верстъ кругомъ. А теперь, въ концѣ іюня, въ лѣсу было особенно хорошо: трава красиво-peстрѣла распустившимися цвѣтами, въ воздухѣ стоялъ чудный ароматъ душистыхъ травъ, а съ неба глядѣло ласковое лѣтнее солнышко, обливавшее яркимъ свѣтомъ и лѣсъ, и траву, и журчавшую въ осокѣ рѣчку, и далекія горы. Да, чудно хорошо было кругомъ, и Емеля не разъ останавливался, чтобы перевести духъ и оглянуться назадъ. Тропинка, по которой онъ шелъ, змѣйкой взбиралась на гору,

минуя большіе камни и крутые утесы. Крупный лѣсъ былъ вырубленъ, а около дороги ютились молодыя березки, кусты жимолости, и зеленымъ шатромъ раскидывалась рябина. Тамъ и сямъ попадались густые перелѣски изъ молодого ельника, который зеленой щеткой вставалъ по сторонамъ дороги и весело топорщился лапистыми и мохнатыми вѣтвями. Въ одномъ мѣстѣ, съ половины горы, открывался широкій видъ на далекія горы и на Емелину деревушку“.

Емеля углубился въ лѣсъ. „Громадныя ели теперь поднимались высоко къ небу своими острыми вершинами. Мохнатыя вѣтви переплетались между собою, образуя надъ головою охотника непроницаемый темный сводъ, сквозь который только кое-гдѣ весело глянетъ солнечный лучъ и золотымъ пятномъ обожжетъ желтоватый мохъ или широкій листъ папоротника“.

Три дня бродилъ Емеля бесплодно по лѣсу, наконецъ послѣ долгихъ поисковъ его Лыска выслѣдилъ оленя съ теленкомъ. День былъ знойный. Солнце палило нещадно. Собака обнюхивала кусты и траву съ высунутымъ языкомъ; Емеля едва таскалъ ноги. Но вотъ знакомый трескъ и порохъ. Лыско упалъ въ траву и не шевелился. Въ ушахъ Емели стоятъ слова внучка: „Дѣдко, добудь теленка... Иначе, премѣнно, чтобы былъ желтенькій“. Вонъ и матка... Это былъ великолѣпный олень-самка. Онъ стоялъ на опушкѣ лѣса и пугливо смотрѣлъ прямо на Емелю. Кучка жужжащихъ насѣкомыхъ кружилась надъ оленемъ и заставляла его вздрагивать.

„Нѣтъ, ты меня не обманешь“... думалъ Емеля, выползая изъ своей засады.

Олень давно почуялъ охотника, но смѣло слѣдитъ за его движеніями. „Это матка меня отъ теленка отводитъ“, думалъ Емеля, подползая все ближе и ближе.

Когда старикъ хотѣлъ прицѣлиться въ оленя, онъ осторожно перебѣжалъ нѣсколько сажень далѣе и опять остановился. Емеля снова поползъ со своей винтовкой. Опять медленное подкрадываніе, и опять олень скрылся.

„Не уйдешь отъ теленка“, шепталъ Емеля, терпѣливо выслѣживая звѣря въ теченіе нѣсколькихъ часовъ.

Эта борьба человека съ животнымъ продолжалась до самаго вечера. Благородное животное десять разъ рисковало жизнью, стараясь отвести охотника отъ спрятавшагося теленка; старый Емеля и сердился, и удивлялся смѣлости своей жертвы. Вѣдь все равно, она не уйдетъ отъ него... Вдругъ Лыско осторожно ткнулъ охотника своимъ горячимъ носомъ. Старикъ оглянулся и присѣлъ: въ десяти саженьяхъ отъ него, подъ кустомъ жимолости, стоялъ тотъ самый желтенькій теленокъ, за которымъ онъ бродилъ цѣлыхъ три дня. Это былъ прехорошенькій олененокъ, всего нѣсколькихъ недѣль, съ желтымъ пушкомъ и тоненькими ножками; красивая головка была откинута назадъ, и онъ вытягивалъ тонкую шею впередъ, когда старался захватить вѣточку повыше. Охотникъ съ замираніемъ сердца взвелъ курокъ винтовки и прицѣлился въ голову маленькому животному.

Еще одно мгновеніе, маленький олененокъ покатился бы по травѣ съ жалобнымъ предсмертнымъ крикомъ, но именно въ это мгновеніе старый охотникъ припомнилъ, съ какимъ геройствомъ защищала теленка его мать, припомнилъ, какъ мать его Гришутки спасла сына отъ волковъ своимъ тѣломъ (ее самое загрызли волки). Точно оборвалось въ груди у стараго Емели, и онъ опустилъ ружье. Олененокъ попрежнему ходилъ около куста, ошипывая листочки и прислушиваясь къ малѣйшему шороху. Емеля быстро поднялся и свиснулъ—маленькое животное скрылось въ кустахъ съ быстротою молніи.

— Ишь, какой бѣгунъ...—говорилъ старикъ, задумчиво улыбаясь.—Только его и видѣлъ: какъ стрѣла... Ну, ему, бѣгуну, еще надо подрости... Ахъ ты, какой шустрый!...

Старикъ долго стоялъ на одномъ мѣстѣ и все улыбался, припоминая бѣгуна.

На другой день Емеля подходилъ къ своей избушкѣ. Гришутка съ нетерпѣніемъ ждалъ дѣда, и Емеля рассказалъ ему, какъ онъ выслѣдилъ желтенькаго теленочка и, пожалѣвъ „малаго звѣря“, далъ ему возможность убѣжать.— „Какъ свистну, а онъ, теленокъ-то, какъ стреканетъ въ чану—только его и видѣлъ. Убѣжалъ, пострѣлъ этакій“...

Старикъ долго рассказывалъ мальчику, какъ онъ ис-

калъ теленка по лѣсу три дня, и какъ тотъ убѣжалъ отъ него. Мальчикъ слушалъ и весело смѣялся вмѣстѣ съ старымъ дѣдомъ.

— А я тебѣ глухаря принесъ, Гришукъ,—прибавилъ Емеля, кончивъ рассказъ.—Этого все равно волки бы съѣли.

Глухарь былъ ошипанъ, а потомъ попалъ въ горшокъ. Большой мальчикъ съ удовольствіемъ поѣлъ глухариной похлебки и, засыпая, нѣсколько разъ спрашивалъ старика:

— Такъ онъ убѣжалъ, олененокъ-то?

— Убѣжалъ, Гришукъ.

— Желтенькій?...

— Весь желтенькій, только мордочка черная да копытца.

Мальчикъ такъ и уснулъ и всю ночь видѣлъ маленькаго желтаго олененка, который весело гулялъ по лѣсу со своей матерью; а старикъ спалъ на печкѣ и тоже улыбался во снѣ.

Художественная простота, задушевность и гуманная идея—эти черты, характерныя для творчества Мамина-Сибиряка, съ особенною рельефностью отражаются въ приведенномъ рассказѣ. Тѣ же черты видны и въ рассказахъ: „Послѣдняя треба“, „Зимовье на Студеной“, „Исповѣдь“, „Кара-Ханымъ“. Послѣдній рассказъ изображаетъ деревню башкировъ; вѣчно голодные, суевѣрные и вороватые жители деревни Юсбашевой владели жалкую жизнь, гибли и не умѣли сами себѣ помочь. Въ эту дикую, нетронутую культурой деревушку попадаетъ русская учительница и, благодаря своей энергіи, производитъ чудеса: она вноситъ въ жизнь башкиръ не только свѣтъ знанія, но и начало милосердія и нравственности. По справедливому отзыву Балалона, рассказъ этотъ является прекраснымъ чтеніемъ для дѣтей. При этомъ вся приспособленность рассказа къ дѣтскому чтенію состоитъ лишь въ отсутствіи въ его содержаніи такихъ сторонъ и деталей жизни, которыя могли бы оказаться или преждевременными въ интересахъ здороваго развитія дѣтей, или непонятными для нихъ; во всемъ остальномъ этотъ рассказъ, какъ художественное произведеніе, стройною обработкой темы, типическою обрисовкой лицъ и положеній, правдивостью нарисованной картины можетъ доставить глубокое наслажденіе не только дѣтямъ, но и взро-

слымъ читателямъ. Бытовой колоритъ жизни, съ ея мѣстными особенностями, нисколько не заслоняетъ изображаемыхъ здѣсь общечеловѣческихъ душевныхъ состояній и движеній, очерченныхъ съ большою силой и полнотою. Разсказъ „Зимовье на Студеной“ читался съ дѣтьми (2-й классъ средней школы), и послѣ чтенія дѣти дѣлились своими впечатлѣніями по поводу прочитаннаго. Оказалось, что у дѣтей нашлось много воспоминаній объ аналогичныхъ прочитанному случаяхъ¹⁾, и въ этомъ фактѣ нельзя не видѣть доказательства типичности нарисованныхъ художникомъ образовъ и его умѣнія разбудить интересъ и отзывчивость читателя. Въ этомъ разсказѣ событія изображаются на фонѣ живыхъ картинъ природы. Трогательная любовь къ природѣ выступаетъ и въ разсказѣ „Три друга“. Друзья, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь—это одинокій старикъ сторожъ на отдаленной и въ теченіе большей части года совершенно безлюдной рыбацкѣй соймѣ, его собака Соболька и лебедь. „Скучно ли мнѣ здѣсь одному?—отвѣчаетъ старикъ на обращенный къ нему вопросъ.—Нѣтъ... тоже и скажетъ, баринъ... Я тутъ князь-княземъ живу. Все у меня есть... И птица всякая, и рыба, и травка. Конечно, говорить они не умѣютъ, да я-то понимаю все. Сердце радуется посмотреть другой разъ на Божью тварь. У всякой свой порядокъ и свой умъ. Ты думаешь, зря рыба плаваетъ въ водѣ или птица въ лѣсу летаетъ? Нѣтъ у нихъ заботы не меньше нашего.... Эвонъ, погляди, лебедь-то дожидается насъ съ Соболькой. Ахъ, прокурать“... Художественная пластичность видна у М.-Сибиряка и въ такихъ вещахъ, какъ „Сказка о царѣ Горохѣ“ или „Сударь Пантелей свѣтъ Ивановичъ“.

Какъ нѣкоторый недостатокъ у Мамина-Сибиряка, впрочемъ, обусловливаемый художественной правдивостью писателя, слѣдуетъ указать довольно мрачный колоритъ, который проходитъ почти чрезъ всѣ его разсказы.

¹⁾ См. кн. *Балтала* „Воспитательное чтеніе“, стр. 31.

Этотъ разсказъ читался въ заѣдуемой авторомъ образц. школѣ на урокѣ объяснит. чтенія. „Я замѣтила, пишетъ дежурная ученица—педагогичка, что при чтеніи этого разсказа дѣвочки были сосредоточеннѣ обыкновеннаго и сидѣли тише. Мнѣ кажется, что на дѣтей сильно повліяла грустная исторія Елески—старика“ (Изъ школьнаго дневника).

Морскіе разсказы *К. М. Станюковича*, хотя и не предназначаются собственно для дѣтей, но въ дѣтскихъ бібліотекахъ, такъ сказать, получили право гражданства и читаются дѣтьми съ большимъ интересомъ. Всѣ обычные достоинства произведеній Станюковича можно видѣть въ сборникѣ его разсказовъ „Среди моряковъ“ (изд. ж. „Дѣтск. чтеніе“; „Моряки. Морскіе разсказы, въ обработкѣ автора для дѣтей“. Изд. „Библ. Востокъ“). Живость и художественность изображенія, типичность дѣйствующихъ лицъ, яркость и жизненность картинъ морского быта, сердечное задушевное отношеніе къ русскому матросу—грубому внѣшне, разудалому, подчасъ лѣнивому и пьяному, но всегда сердечному, хорошему товарищу, умѣющему любить и родину, и друзей, умѣющему въ случаѣ опасности постоять за себя и за другихъ, искренно привязаннаго къ своему судну—вотъ эти обычные достоинства разсказовъ Станюковича. Разсказы „Пожаръ на кораблѣ“ и „На камняхъ“ указываютъ читателямъ на дѣйствительныя, а не фантастическія опасности, грозящія моряку и научающія его безстрашію и вѣрному исполненію долга. И это безстрашіе, эта вѣрность долгу такъ просты и чужды всякой рисовки, и разсказываются просто, безъ всякихъ фальшивыхъ прикрасъ. Такая правдивость и искренность въ изображеніи приподнятаго душевнаго настроенія производитъ особенно сильное впечатлѣніе.

Кромѣ реально-художественной стороны въ разсказахъ Станюковича особенно важна глубокая идея гуманности, постоянно одушевляющая автора. По идеѣ разсказа „Человѣкъ за бортомъ“ во всякомъ человѣкѣ, хотя бы даже съ порочными наклонностями, кроются добрыя нравственныя начала, на которыя можно всегда воздѣйствовать путемъ справедливаго человѣческаго отношенія къ нему. Теплое сочувствіе и близкое участіе матроса Шутникова къ загнанному и всѣми презираемому корабельному вору Прошкѣ потрясло испорченную натуру послѣдняго, пробудило въ немъ чувство раскаянія и въ критическій моментъ жизни толкнуло его на самоотверженный геройскій подвигъ. Въ каждомъ, казалось бы, совсѣмъ потерянномъ пьяницѣ-забудыгѣ авторъ пріучаетъ читателя видѣть человѣка, ува-

жать человеческое достоинство, которое и затеряно собственно потому, что часто попиралось людьми. Искра Божия, присущая каждому человеку, разгорается при малейшем дуновении любви, человекъ сказывается въ пьяницѣ и негодяѣ, какъ только теплое чувство участія къ кому нибудь или чье нибудь участие тронетъ его. Такъ преобразается матросъ Иванъ Лучкинъ, когда подъ вліяніемъ чувства жалости становится покровителемъ и другомъ забитаго Максимки—такъ прозвали матросы негртенка, попавшаго на русскій корабль послѣ кораблекрушенія невольничьяго судна (разсказъ „Максимка“). Такъ же оживляется и изъ апатичнаго лѣнтяя матроса становится расторопнымъ и счастливымъ добродушный паренъ Якубенко, тоскующій по родной деревнѣ, когда находитъ для себя предметъ привязанности—скотину, запасенную для прокормленія экипажа, за которой его приставили ходить (разсказъ „Васька“). У Станюковича есть и специально для „юношества“ написанная книга „Исторія одного матроса“; хотя ее и называютъ перломъ дѣтской литературы, но она не всегда удовлетворяетъ требованіямъ художественнаго реализма, страдая часто отсутствіемъ натуральности.

Къ Станюковичу по характеру своихъ произведений близко подходитъ *В. И. Немировичъ-Данченко*, только вмѣсто морскихъ сюжетовъ у послѣдняго преобладаютъ сюжеты изъ военной жизни. Въ разсказѣ „Собака“ Немировичъ-Данченко съ тою же правдивостью и простотою, съ какой Станюковичъ описываетъ бытъ моряковъ,—даетъ изображеніе быта русскихъ солдатъ. Образы нашихъ суровыхъ по вѣншности, но сердечныхъ и отзывчивыхъ солдатъ—героевъ послѣдней турецкой войны—художественно описанные авторомъ, какъ живые, встаютъ предъ глазами читателя. Дальше, какъ и у Станюковича, гуманная идея красною нитью проходитъ чрезъ большинство произведений Немировича-Данченко. Таковы разсказы „Наша сестра“ (въ сборн. „О чемъ разсказывалъ вѣтеръ“), „Воскресная пѣсня“ (въ сборн. „По волѣ Божіей“), „Пріемышъ отца Веденя“, „Соколиныя гнѣзда“, „Мірская печальница“ (въ сборн. „Что было и что есть“). Глубокое сочувствіе къ побѣжденнымъ, къ страждущимъ, къ лишеннымъ свѣта знанія проникаетъ

перечисленные разсказы, невольно передаваясь и читателю. Въ послѣднемъ разсказѣ рѣчь идетъ о молодой, слабой, почти больной дѣвушкѣ—Танечкѣ, которая всецѣло отдается вдохновившему ее подвигу—идти въ Сибирь на помощь голоднымъ и больнымъ переселенцамъ. И несмотря на свои слабыя силы, она достойно выполнила свой подвигъ. Люди, подобные Танечкѣ, это, говоритъ авторъ, серьезные умы и добрыя сердца, одушевленные искреннимъ желаніемъ сѣять вокругъ счастье, дать людямъ радость и благо; одушевленные настолько, что даже слухи о чужихъ бѣдствіяхъ дѣлаютъ этихъ Танечекъ несчастными и заставляютъ ихъ бѣжать на помощь. Не одна сотня этихъ Танечекъ во время войны гибла отъ горячекъ и тифа, оставаясь, какъ часовые на своихъ постахъ, среди отравленныхъ лазаретовъ и госпиталей ¹⁾).

Любовное отношеніе Немировича-Данченко къ природѣ, къ ея грознымъ и мирнымъ картинамъ, какъ и ко всему живущему, даетъ автору возможность нарисовать рядъ художественныхъ картинъ какъ далекаго сѣвера („На безлюдьи“, „На краю сѣвера“), такъ и юга—Кавказа („Гаврюшкинъ плѣнь“). И чистая, невинная природа часто у него является какъ противоположность испорченному человеку. Вотъ предъ читателемъ суровый извергъ—средневѣковый графъ. Исполненный самыхъ безчеловѣчныхъ намѣреній, онъ смотритъ въ окно.—„Далеко внизу видна была прекрасная, мирная долина. Тополи ея и платаны, казалось, слѣдовали за теченіемъ свѣтлой рѣки, зеленые поля вызвали бы улыбку на менѣ жестокомъ лицѣ. Но графъ, съ нетерпѣніемъ ожидающій исполненія его приказанія—выжечь цѣлую деревню, ничѣмъ не можетъ быть тронутъ. Мѣру своихъ злодѣяній графъ наполняетъ убійствомъ пріютившаго его въ лѣсу отшельника. Беззаботнымъ онъ остается, совершивъ свое черное дѣло. „А лѣсъ былъ такъ зеленъ, прохладенъ и свѣтелъ; такъ же колыхались свѣжія вѣтви деревьевъ;

¹⁾ Знакомая съ разбираемымъ разсказомъ, авторъ имѣлъ подъ руками книгу изъ библіотеки младшихъ классовъ женскаго учебнаго заведенія. Видимо, книга читается дѣтми охотно, а одна изъ юныхъ читательницъ не утерпѣла, чтобы не подѣлиться на поляхъ книги своимъ впечатлѣніемъ отъ разсказа: „хорошо, чудно хорошо“.

такъ же пѣли птицы, задорно перекликаясь между собою; такъ же шаловливо бѣжали ручьи... („Черный графъ“). А вотъ картина океана, среди котораго заброшенъ одинокій человѣкъ—сторожъ маяка. Ему обѣщали въ замѣну умершаго помощника прислать новаго, но, должно быть, забыли. Вотъ уже третій мѣсяцъ пошелъ. „Каждое утро съ маяка одинокій, молчаливый человѣкъ зорко и пристально оглядывалъ безконечныя дали океана, не таится ли за ними пароходъ, не везетъ ли ему помощника. Въ сѣрыхъ тучахъ рождались и въ сѣрыхъ тучахъ умирали короткіе осенніе дни. По ночамъ, случалось, вѣтеръ расчиститъ небо, и торжественное, спокойное, благоговѣйное смотритъ оно тысячами звѣздныхъ очей своихъ на притаившуюся землю... И никого, никого ни откуда!.. Промысловыя суда далеко обходятъ маякъ, чуть на горизонтѣ мерещутся... Чайки орутъ около, бѣлыми облачками носятся надъ океаномъ. И никого ни откуда!.. И скоро стало казаться старому сторожу, что среди этой безконечности, подъ задумчивымъ небомъ, надъ таинственными безднами океана, онъ одинъ несется въ какую-то сказочную даль къ безвѣстной цѣли на своемъ каменномъ кораблѣ съ его каменной мачтой и маякомъ“. Хорошо, сильно, художественно написана повѣсть „Счастье Ивана Непомнящаго“, годная впрочемъ больше для библиотекъ народныхъ, чѣмъ дѣтскихъ.

Къ писателямъ разсматриваемаго направленія слѣдуетъ отнести и *К. С. Баранцевича*. Склонность Баранцевича къ художественному реализму не мѣшаетъ ему выступить въ сборникѣ „Золотые дни“ съ цѣлымъ рядомъ сказокъ—„Сказки черного таракана“. Сѣрая, неприглядная жизнь рисуется въ этихъ сказкахъ, но въ каждой изъ нихъ есть своя свѣтлая черточка. Простодушіе и любовь къ близкимъ изображается въ сказкѣ „Волшебный платокъ“. Въ сказкѣ „Старая лампа“ проводится идея гуманности и трудолюбія, въ сказкѣ „Дѣдушкино кресло“ изображается родительская любовь къ дѣтямъ. Нельзя сказать, чтобы сказки Баранцевича страдали излишней искусственностью и были тенденціозны, но въ нихъ не видно и той художественной простоты, которая составляетъ достоинство большинства его рассказовъ. Безъ сухой тенденціи, просто, естественно, вмѣстѣ съ

тѣмъ образно авторъ рисуетъ въ нихъ бытовыя картины. Здѣсь онъ является настоящимъ художникомъ.

Для того, чтобы ознакомиться съ характеромъ творчества Баранцевича, остановимся на рассказѣ въ упомянутомъ уже сборникѣ „Сапожникъ Юла“. Здѣсь изображена заброшенная въ лѣсу казарма желѣзнодорожныхъ рабочихъ, время—къ Рождеству. Бездомный сапожникъ Юла бродитъ изъ селенія въ селеніе, ища работы; тамъ и домъ для него, гдѣ есть работа. Къ празднику онъ постарался попасть въ казарму—здѣсь работа всегда будетъ, и жена дорожнаго мастера женщина добрая. Тутъ и покормятъ его получше, и въ банькѣ позволятъ попариться. Вотъ и ему будетъ праздникъ; Юла не гонится за многимъ. Живо принялся онъ за работу. А ребятишки, чуя въ немъ простую, нехитрую душу, такъ и льнутъ къ нему, да и собесѣдникъ онъ занятный. Онъ рассказываетъ имъ о городѣ, о елкахъ, что бываютъ для богатыхъ дѣтей, о чудныхъ игрушкахъ. Раньше уже былъ случай упомянуть, какъ Юла умѣло разговариваетъ съ дѣтьми. По дѣтски просто, но толково и серьезно ведетъ онъ съ ними бесѣду о наступающемъ Рождествѣ.

— Въ какихъ ясляхъ родился Христосъ, допытывается у него юный собесѣдникъ—Сергея.

— Въ обыкновенныхъ, другъ. Въ самыхъ такихъ, въ которыхъ коней кормятъ. Вотъ какой примѣръ Господь показалъ! Не гнушался, значитъ, никакимъ человѣкомъ, какого бы роду-племени онъ ни былъ, потому Самъ Иисусъ Христосъ въ простыя ясли положенъ былъ. А волхвы пришли и поклонились ему...

Дѣти смотрятъ сапожнику прямо въ ротъ. Онъ просто подавлялъ ихъ своимъ знаніемъ и казался имъ необыкновенно ученымъ человѣкомъ.

Вечеромъ попарился Юла въ банѣ. Идетъ изъ бани онъ къ казармѣ и невольно останавливается закурить трубку и полюбоваться голубою, тихою, звѣздною ночью. „Экая ночка! Сергей ужъ тутъ, ему такъ о многомъ хочется спросить этого интереснаго рассказчика.—Зачѣмъ елку рубятъ? Она росла бы“...

— „Росла бы да и выросла, и хорошее бы дерево вышло! подтверждаютъ Юла—это ты вѣрно. Вѣрно, братъ Серге-

га! Да что будешь дѣлать! Занудило мужику, чтобы копѣйку зашибить, а господамъ на удовольствіе, и вырубил елочку. Эхе-хе! Такъ и все, братъ, на свѣтъ! Росъ я въ деревнѣ у батюшки съ матушкой. Никакого горя не зналъ; думалъ—этакъ вѣкъ проживу, а подошла нужда—въ люди служить пошелъ... Сталъ мыкаться по свѣту; гдѣ день, гдѣ ночь... Людямъ работаю, угождаю, за это мнѣ хлѣбъ даютъ. Ужъ меня прежняго-то и нѣтъ, ау! Да это еще что. А ты бы поглядѣлъ въ городъ то, какъ сапожники живутъ! Въ грязи, да въ сырости, да въ духотѣ. Охъ, много нашего брата въ городѣ пропадаетъ“...

—Зачѣмъ ее украшаютъ? допытывается Серега, все еще занятый мыслью о елкѣ.

—Вѣрно, братъ, вѣрно... Пустое все это дѣло украшенія.

Серега бѣжитъ въ баню, а длинная фигура Юлы, съ полотенцемъ подъ мышкой, зашагала по направленію къ казармѣ.

Невольно привлекаетъ къ себѣ симпатіи этотъ добродушный бѣднякъ Юла. Невольное состраданіе будитъ рассказъ и ко всей бѣдотѣ. Да и не только къ бѣдотѣ, но и ко всему Божьему міру, даже къ неодушевленной природѣ.

—„Все въ той же словно очарованной тишинѣ стояла голубая ночь. Звѣзды кротко мерцали. Порою какая нибудь изъ нихъ быстро спускалась на сонную землю. Въ лѣсу о чемъ то шептались между собою деревья, и далеко въ полѣ ровно и мелодично звенѣлъ ручей...“

На дворѣ казармы слышно было, какъ корова Милка пережевывала жвачку. Въ казармѣ всѣ послѣ разговѣнья спали. На черной кухнѣ, чуть-чуть потрескивая, горѣла лампочка, освѣщая добродушное лицо лежавшей на койкѣ Маланьи, свѣсившуюся съ печи ногу Мартына и отбрасывая на закоптѣлую стѣнку длинную тѣнь Юлы, который, собираясь спать, сидѣлъ прикрытый архадукомъ на курятникѣ, качалъ изъ стороны въ сторону головою и тихонько напѣвалъ: „Рождество Твое, Христе Боже нашъ, возсія мірови свѣтъ разума“...

Но не вездѣ Баранцевичъ остается на высотѣ художественной правды. Въ сборникѣ „На волю—рассказы для дѣ-

тей“ есть рассказъ „Лѣсникъ“. Здѣсь рассказывается объ одномъ лѣсникѣ, который жить одиноко въ лѣсу, и жить ему было плохо. Только ласточки своимъ пѣніемъ развлекали его и онѣ же внушили ему мысль обзавестись своимъ семействомъ. Женился лѣсникъ, и изба его сразу преобразилась—вездѣ чистота, уютъ, порядокъ. Женился онъ зимою, а зима была лютая. Весь день приходилось лѣснику работать на морозѣ, а дома его ждалъ вкусный обѣдъ и тепло. Въ цѣляхъ довершенія своего семейнаго благополучія „развелъ лѣсникъ передъ избой цвѣтничекъ, завалянку пристроилъ, чтобы было на чемъ лѣтнимъ вечеромъ посидѣть, на задахъ маленькій огородъ раскопалъ—все хозяйкѣ подспорье: картошка да капуста своя, не купленная“. И все это продѣлывается въ „лютую зиму“. Этого мало. Авторъ, заставивъ лѣсника на морозѣ разводить цвѣтники и копать огородъ, повѣствуетъ, что заботливый лѣсникъ, продѣлавъ эти совершенно не зимнія работы, рѣшаетъ *ждать весны*, а какъ наступитъ весна, да прилетятъ ласточки, послушать домовитую птичку, что-то она ему на этотъ разъ пообещаетъ“.

Явно, что только поспѣшность и даже, пожалуй, нѣкоторая небрежность заставили талантливаго автора написать приведенныя несообразности.

Въ новое время съ дѣтскими рассказами выступаютъ наши современные писатели реалисты: *Е. Чириковъ*—„Моя книга. Дѣтскіе рассказы“ (М. 1908, ц. 1 р. 60 к.), *А. Купринъ*—„Дѣтскіе рассказы“ (СПБ. 1908, ц. 1 р. 25 к.), *А. Серафимовичъ*—„Дѣтскіе рассказы“ (СПБ. 1907, ц. 1 р.). Къ этимъ писателямъ слѣдуетъ причислить еще *И. Кондурушкина*—„Въ деревнѣ“ (Изд. ж. „Тропинка“, ц. 25 к.) и *И. Шмелева*. Вотъ какъ въ рассказѣ И. Кондурушкина отзывается лѣсъ на шумъ загонщиковъ во время охоты.—„Проснулося осенній лѣсъ, забормоталъ, зашумѣлъ, закричалъ. Закачали деревья посѣдѣвшими головами. Грустно зашелестѣли выпадающіе (оппадающіе?) листья. Летятъ листья, крутятся кругомъ, кругомъ, кружатся, тихо приникаютъ къ землѣ. А лѣсъ точно разгнѣвался: на тысячу голосовъ кричитъ, оретъ. Словно невидимые духи, хозяева лѣса, обезпокоенные въ своемъ жилищѣ, негодуютъ, сердятся“ („Охота“, Тропинка,

1908, № 19). Что касается до Шмелева, то въ раннихъ его произведеніяхъ („Служители правды“, Въ новую жизнь“) еще много ненатуральнаго, гуманная идея часто преобладаетъ надъ реальною правдою. За то въ своихъ послѣднихъ работахъ Шмелевъ выступаетъ съ характеромъ здороваго реализма, согрѣтаго въ то же время глубокимъ и какимъ-то бодрящимъ сочувствіемъ ко всѣмъ обездоленнымъ и вѣрою въ свѣтлое будущее. Приходилось уже упоминать о прекрасномъ разсказѣ его „Мой Марсъ“. Еще: „Письмо безъ марки и штемпеля“ въ сборн. „Къ свѣтлой цѣли“, „Однимъ путемъ“, „Рваный баринъ“, „На морскомъ берегу“. ¹⁾

Конечно, мелкіе недочеты, за которыми должны тщательно слѣдить руководители дѣтскаго чтенія, не могутъ лишать реально-художественную дѣтскую литературу того значенія, какое она имѣетъ. Чувства и волненія, какія она заставляетъ переживать юныхъ читателей, представляютъ собою здоровые и необходимые элементы воспитанія, подготавливающіе дѣтей къ дѣйствительной жизни: здѣсь всѣ духовныя настроенія, какъ свѣтлыя, жизнерадостныя, такъ и мрачнаго характера, связываются въ воображеніи читателя съ реальными образами, съ обстоятельствами, встрѣчающимися въ обыденной жизни почти на каждомъ шагу, и это не можетъ не имѣть своего важнаго воспитывающаго значенія.

Модернистическія теченія въ дѣтской литературѣ.

Модернизмъ, являясь однимъ изъ теченій нашей общей литературы новаго времени, до нѣкоторой степени проникаетъ и въ литературу дѣтскую. Сущность модернизма здѣсь можно свести къ стремленію нѣкоторыхъ писателей, а отчасти и художниковъ, не ограничиваться простымъ изображеніемъ дѣйствительности, а воплощать въ своихъ произведеніяхъ и тѣ внутреннія настроенія, которыя вызываются

¹⁾ См. Н. А. Саввинъ, И. С. Шмелевъ, Пед. Лист. 1912, 5; еще статья В. Львова-Рогачевскаго, въ Совр. Мірѣ. 1912, ноябрь.

созерцаніемъ этой дѣйствительности. При этомъ писатели модернисты широко пользуются всякаго рода символизацией.

Послѣднимъ обстоятельствомъ повидимому объясняется обиліе у модернистовъ фантастическаго элемента, отличающее ихъ отъ писателей реалистовъ. Наконецъ, преслѣдуя задачи чисто эстетическія, произведенія модернистовъ, въ отличіе отъ литературы этического направленія, большею частью совершенно чужды всякихъ моральныхъ тенденцій.

Главнымъ центромъ новыхъ теченій, исканія новыхъ путей являлась группа писателей, группировавшихся вокругъ журнала „Тропинка“. Тутъ можно было назвать имена Н. Манасенной, Т. Власова, А. Толстого, П. Соловьевой, З. Гиппиусъ, В. Малахѣвой-Мировичъ, О. Бѣляевской, И. и С. Кондурушкиныхъ. Съ закрытіемъ „Тропинки“ осталось издательство дѣтскихъ книгъ того-же наименованія, гдѣ повидимому и группируются прежніе работники покойнаго журнала. Съ книжками для дѣтей за послѣднее время начали выступать и корифеи нашего модернизма: Бальмонтъ, Блокъ, Ремизовъ, Городецкій.

Стилизація касается главнымъ образомъ стихотвореній. Вотъ образцы.

Стихотвореніе О. Бѣляевской „Пастырь добрый“—символизация солнышка.

Солнышко вечернее у воротъ на лавочкѣ
Въ берестяныхъ лапоткахъ, въ алой камиллавочкѣ.
Отъ креста наперснаго—на груди сіяніе,
Въ зернахъ четокъ искрится первыхъ звѣздъ мерцаніе.
Свѣтъ вечерній теплится на главѣ часовенки,
Стадо тучекъ—ябочекъ гонитъ мѣсяцъ новенькій.
Вотъ стихотвореніе съ настроеніемъ И. Новикова—
„Вечерній гость“.

Пришелъ тихонько. Мохнатою лапой,
Пушистой лапой садъ прикрылъ.
Взглянулъ на небо, взглянулъ на землю,
Присѣлъ на жердочкѣ перилъ.

На небѣ тучи, роса на листьяхъ,
И сумракъ сѣрый ползетъ съ долинъ.
Замолкли звуки, застыли пѣсни—
И старый воронъ глядитъ съ вершинъ.

Мигнули звѣзды. Огонь за ставней.
И робко темный къ окну прильнулъ.
И вновь тихонько сѣлъ на перила
И грустно, жалобно вздохнулъ.

Судя по приложенной къ стихотворенію картинкѣ, тоже не безъ настроенія, можно полагать, что здѣсь идетъ дѣло о наступленіи вечера.

Приведенное стихотвореніе помѣщается въ сборничекъ Новикова „Стихи дѣткамъ“. Изъ подобныхъ сборничковъ еще можно указать (всѣ—изданія Сытина): А. Блока „Круглый годъ“ (прекрасное стихотвореніе „Вербочки“ и „Сказки—стихи для дѣтей“ и С. Городецкого „Ау.—Стихи для дѣтей“. У Городецкого есть еще сборникъ стиховъ „Іа“ (М. 1908), изд. „Заря“. (Здѣсь между прочимъ находимъ пресловутое „Мяу-ко, мяу-са, мяу-мяу-колбаса“).

Вотъ образецъ стихотворенія со стилизованною формой.

„Синяя дорога“.

- Няня, кто тамъ въ небѣ тихо бродить?
- Облака.
- Ходить кто могучій,
По ночамъ гремитъ?
- Тучи.
- Тамъ воздушная рѣка,
Няня, синяя бѣжитъ?
- Нѣтъ, рѣка лишь землю поитъ,
Да песокъ прибрежный моетъ
У ракушекъ.
- Тамъ воздушная дорога,
Чистый Божій путь.
- А куда ведетъ дорога?
- До небеснаго порога,
Въ радостный чертогъ.
- Кто-жъ въ чертогъ, няня?
- Богъ.

Это стихотвореніе принадлежитъ Серг. Сѣверному и помѣщено въ журналѣ „Тропинка“ за 1911 г. кн. 1.

Еще въ 1905 г. Бальмонтомъ (въ изд. „Грифъ“) были выпущены „Фейныя сказки—Дѣтскія пѣсенки“. Большою

частью мы находимъ здѣсь простыя, художественныя вещицы безъ всякой стилизаціи; таковы, напримѣръ: „Безпорядки у феи“ (прекрасная вещица), „Смѣхъ ребенка“, „Шелковинка“, „Гномы“. Два послѣднихъ стихотворенія Гречаниновымъ положены на музыку. Но наряду съ этимъ у Бальмонта встрѣчаются такіе, совсѣмъ непонятные дѣтямъ выраженія: „безгласная пѣвучесть“, „многокрасочная пряность пышныхъ ликующихъ странъ“, „многозвонное гудѣніе бора“, или:

Въ небѣ духи жгли костеръ,
Грозовые исполины
Раскаленные рубины
Освѣтили грани горъ.

Въ стихотвореніи „Волкъ феи“ разсказывается о томъ, какъ волкъ послѣ исторіи съ Красной Шапочкой былъ распоротъ и теперь онъ можетъ питаться только овсомъ, поэтому онъ и называется „волкъ... лилейный, лирный, мирный и съ овсомъ“. Стихотвореніе „Онъ спросилъ меня“—совсѣмъ не для дѣтей.

Какъ образецъ модернизированной прозы для дѣтей можно указать разсказъ С. Кондурушкина „Звонарь“ (напечатанъ въ журналѣ „Тропинка“ за 1908 г.).

Сюжетъ разсказа незамысловатъ. Маленькій гимназистъ Федя и его пріятельница Надя мечтаютъ о томъ, какъ хорошо бы зазвонить въ первый разъ на Пасху къ заутренѣ.

— Хорошо-бы ударить... Первый разъ ударить въ колоколь... Чтобы всѣ услышали!.. Весь городъ спитъ. На Волгѣ и за Волгой тихо, тихо. А ты стоишь на колокольнѣ и смотришь кругомъ. Всѣ ждуть, а ты стоишь и за языкъ колокола держишься... Понимаешь, какъ это хорошо!.. Люди внизу ждуть, а ты—наверху, около звѣздъ, держишься за колокольный языкъ. И вдругъ: бом-м-мъ! Всѣ вскачутъ, всѣ обрадуются. Феденька, вотъ хорошо бы ударить! Да нѣтъ, гдѣ ужъ...

Федя рѣшаетъ взяться за это, и послѣ нѣкоторыхъ усилій мечта дѣтей осуществляется.

Сюжетъ простой, но масса красивыхъ образовъ и подробностей дѣлаетъ разработку этого сюжета очень интересной, по крайней мѣрѣ для взрослого читателя.

Федя съ отцомъ ѣдутъ на Пасху домой изъ города. Выѣхали за городъ. Хруститъ подмороженная дорога. Весело фырчитъ Гнѣдко. *Раннее утро. На востокъ кто-то большой кистью проводитъ зеленые, синіе, розовые полосы.* Уже чирикаетъ невидимая ранняя птичка. А изъ города въ догонку несется неторопливый постный звонъ...

И Федѣ казалось, что все кругомъ звенитъ тихимъ, радостнымъ звономъ. *Вътерокъ звенитъ, земля звенитъ, голубое небо звенитъ, и въ душѣ у него такъ радостно, хорошо звенитъ Нединъ голосъ:*

Бом-мъ, бом-мъ!

Но все теперь звенитъ пока тихо. А вотъ, когда Федя ударитъ въ пасхальную ночь первый разъ въ большой колоколъ, тогда громко зазвенитъ вся земля, загудитъ небо, проснутся лѣса и рѣки, поля и балки, загудятъ Федѣ хвалу:

— Федя, спасибо тебѣ, ты зазвонилъ, ты разбудилъ насъ отъ зимняго сна.

Заструился свѣтлый паръ надъ землею. Изъ-подъ снѣга *темными глазами выглянула мокрая земля.* На солнечной сторонѣ близкаго холма пробилась и зазеленѣла травка, и—о радость! *выстрѣлилъ бѣлый подснежникъ.*

Федя—дома; съ нетерпѣніемъ ждетъ онъ наступленія Пасхи. „И въ ушахъ у Феди все время былъ какой-то звонъ. *Звенѣлъ вечеръ, звенѣло утро. Цѣлый день звенѣло солнышко, звенѣла рѣка.* Ему казалось, что первый разъ въ своей жизни онъ встрѣчаетъ весну,—такъ все хорошо, радостно и звонко было у него на душѣ“. Но вотъ вмѣстѣ съ сторожемъ Родивономъ Федя—на колокольнѣ въ ожиданіи пасхальнаго звона. Онъ въ особенномъ, приподнятомъ настроеніи.—„Вокругъ колокольни (кажется ему) носится, вьется звонкій шорохъ. Будто, кто шепчется, цѣлуется, летаетъ вокругъ. Это ангелы летаютъ у крестовъ, въ окнахъ, надъ головами Родивона и Феди, надъ колоколами. Дотронется ангелъ крылышкомъ до колокола,—зазвенитъ колоколъ ласковымъ шопоткомъ“.

Наконецъ насталъ долго жданный моментъ, Федя взялся за веревку колокола, и вдругъ: бом-м-мъ!..

„Разломилась пополамъ тишина. Загудѣло все село.

Зазвенѣло поле, гулко зазвучалъ далекій лѣсъ. Все радостно задрожало, запѣло, заговорило:

Федя, спасибо тебѣ, ты ударилъ! Ты разбудилъ!

Задвигались въ селѣ огоньки. Кое-гдѣ по улицамъ показались черные комочки. Это—люди.

А подъ небомъ гудѣло. Колокольные удары падали съ колокольной кувыркѣ внизъ и неслись по улицамъ въ далекое поле. Федѣ казалось, что они походятъ на быстрыхъ бѣлыхъ коней. Кони эти несутся по деревнѣ, по полямъ, по лѣсамъ, скачутъ во все стороны, машутъ бѣлыми гривами. И все отзывается на гулкій бѣгъ, все звенитъ и радостно ликуетъ.

Вмѣстѣ со звономъ тронулась и потекла рѣка. Торжественно поплыли мимо церкви бѣлые горы снѣгу, тяжелые льдины. Тянулись безъ конца и уносили съ собою въ ночную даль радостные звуки—бомъ, бомъ, бомъ!

Пѣла земля. Звонило небо. Скакали во все стороны мѣра бѣлые кони, махали бѣлыми гривами и радостно, звонко ржали.

Внизу шли люди и пѣли, а вверху пѣли ангелы, летая вокругъ колокольни. Задѣвали крылышками за колокола. И колокола отвѣчали имъ звучнымъ привѣтнымъ шопотомъ.

Кончился звонъ. А бѣлые кони, разметавъ гривы, все еще скакали по землѣ, и долго подъ небомъ раздавался затихающій гулъ копытъ“.

Значительный элементъ стилизаціи можно находить также въ книгѣ М. Пришвина „За волшебнымъ колобкомъ“. Книга эта издательствомъ Девріена предназначена для дѣтскаго чтенія и представляетъ собою описаніе путешествія по сѣверу Россіи и Норвегіи. Книга очень интересна, но по матеріалу и выполненію не вполне пригодна для дѣтей, и если предназначать ее дѣтямъ, то во всякомъ случаѣ только для старшаго возраста.

Изложеніе книги сильно стилизовано съ примѣсъ какого-то мистическаго отношенія къ природѣ.—„Иногда у самыхъ культурныхъ людей бродятъ дикія капельки крови. Въ зимнюю ночь, въ то время, когда люди еще не успѣли замѣтить уже начавшійся переходъ къ веснѣ, бываютъ видѣнія: засверкаетъ солнце, перекинется мостъ изъ свѣта—

щихся зеленыхъ листьевъ на ту сторону къ лѣсу. Зеленая опушка, трава съ широкими листьями, деревья гигантскія упираются въ небо, невиданные цвѣта, звѣри и птицы умные, добрые. Страна безъ имени, безъ территоріи! Когда-то въ ней бывалъ... все знакомо... все забыто...“

Прекрасны солнечныя ночи среди сѣверной природы. „Ни одного звука, ни одной птицы, ни малѣйшаго шелеста, даже шаги не слышны на мягкомъ мху. И все таки что-то говорить... пустыня говорить... хорошо и больно. Хорошо, потому что въ этой тишинѣ ожидаешь такую свѣтлую, чистую правду. И больно, потому что внезапно изъ далекаго прошлаго выбѣгаютъ сѣренныя мысли, какъ маленькіе хвостатые звѣрьки.“

А вотъ грезы въ свѣтлую сѣверную ночь, когда созерцатель, измученный незаходящимъ солнцемъ, не можетъ заснуть.

„Все тихо. Спать. Какъ можно спать такой свѣтлой, безгрѣшной ночью? Покоятся...“

По всему небесному своду, по землѣ, по водѣ обвела колдунья мертвою рукою заколдованный кругъ.

И земля-то спитъ, и вода-то спитъ!

Качаетъ красавица стараго медвѣдя.

Бай-бай. Скрипъ-скрипъ.

Вдругъ утка крикнула, берега звякнули. Полетѣли гуси-лебеди.

Гуси-лебеди, киньте два перышка, возьмите меня съ собою!..

Какъ паръ, поднимаются съ Бѣлаго моря души покойниковъ. Рѣютъ неслышно, какъ прозрачныя, стеклянныя птицы. Умываются на подоконникахъ. Вытираются чистыми полотенцами. Садятся на князьки, на крыши, на трубы, на сѣти, на лодки, на большія пзорванныя сосны, на шкуры звѣрей, на высокіе черныя восьмиконечные кресты.

Бай-бай. Скрипъ-скрипъ“.

Какъ дѣтскую книжку, указываютъ также „Посолонь“ А. Ремизова (Изд. „Золот. Руно“). Судя по посвятителю стихотворенію книги „Наташѣ“—„Засни, моя дѣточка милая!..“, можно полагать, что и самъ авторъ такъ-же смотритъ на свою книжку. Но для дѣтей здѣсь можно взять

развѣ только такія вещицы: „Снѣгурочка“ (хотя тутъ фигурируетъ какой-то непонятный, таинственный Алилей), „Красочки“ (неудобное выраженіе „ангелата“), „Медвѣдюшка“, „Зайчикъ Иванычъ“ и „Котофей Котофенчъ“. Остальныя—или таковы, что и взрослому ничего не понять („Кострома“), или же совершенно недопустимы для дѣтей—„Черный пѣтухъ“, „Купальскіе огни“. Содержаніе этихъ послѣднихъ во всѣхъ отношеніяхъ—въ духѣ Вальбургіевой ночи; въ числѣ совершенно „дѣтскихъ“ подробностей тутъ можно указать колдуна, „стряпающаго изъ ребячьяго сада свѣчу“, и проч. Къ числу нѣскольکو странныхъ подробностей можно отнести и фигурирующаго здѣсь дядю Федора—„неподтыканнаго мужика съ мухой въ носу“. Во многихъ мѣстахъ авторъ обнаруживаетъ прекрасное знакомство съ народнымъ дѣтскимъ языкомъ („Калечина-малечина, сколько часовъ до вечера...“), но нерѣдко впадаетъ онъ и въ вульгаризмы: „поваландаться“, „дрыхнуть“, „обварганить“, „шаландать“.

А. Ремизову принадлежитъ еще книжка „Морщинка“ (Изд. „Шиповника“). Книжка эта представляетъ собою сказочку о двухъ мышкахъ; содержаніе простое, незамысловатое и довольно интересное. Но особенно любопытными въ книжкѣ являются рисунки художн. Добужинскаго. Окружающую дѣйствительность художникъ стремится изобразить не въ томъ видѣ, какъ она существуетъ, а въ томъ масштабѣ, въ какомъ она представляется маленькому испуганному звѣрьку. Поэтому на одной картинѣ клювъ птицы, которая хочетъ схватить мышку, занимаетъ цѣлую треть картинки, выдвигаясь на первый планъ и являясь больше всѣхъ другихъ предметовъ, не исключая и нарисованнаго здѣсь же замка. Стилизованныя картинки находимъ и въ сборникѣ Городецкаго—„Ія“.

Насколько приведенныя начала модернизации можно считать отвѣчающими задачамъ дѣтской литературы? Уже исходя изъ чисто апіорныхъ соображеній, приходится отмѣтить, что дѣти по существу своей природы не способны къ отвлеченнымъ построениямъ, мысля конкретно, они чужды символизма. А это, конечно, не можетъ говорить въ пользу модернистической дѣтской литературы. Дальше—символизмъ и импрессионизмъ въ литературѣ предполагаютъ над-

лежащее зрѣлое художественно-эстетическое развитіе читателя; но подобнаго развитія мы опять-таки не виправѣ искать у дѣтей. Наконецъ, относительно модернизированной формы стихотвореній, вродѣ приведеннаго выше—„Синяя дорога“, нужно замѣтить, что дѣтей въ стихотвореніи больше всего привлекаетъ ритмъ, звучность стиха, звучность риѣмы. Дѣти скорѣе готовы поступиться содержаніемъ, съ упоеніемъ безконечное число разъ скандируя какую-нибудь „калечину-малечину“, нежели пожертвовать звучностью риѣмы. Вотъ почему нерцемованныя стихотворенія имъ не могутъ нравиться.

Къ этимъ же самымъ выводамъ приводитъ насъ и опытъ. Приведенныя выше стихотворенія „Пастырь добрый“ и „Вечерній гость“ читались въ классѣ (приготовит. и I-й) дѣвочкамъ 10—12 лѣтъ. Въ общемъ, можно сказать, что эти стихотворенія не произвели сильнаго впечатлѣнія на слушательницъ; въ смыслѣ стихотвореній дѣвочки разобрались не сразу, а большинство совсѣмъ не поняло ихъ. На вопросъ, „что описывается“ („про что говорится“) въ стихотвореніи „Вечерній гость“, отвѣчали: „ночь“, „мѣсяцъ“ (можетъ быть, смутили слова: „Мигнули звѣзды... и робко темный къ окну прильнулъ“—въ окно заглянулъ?), „зима“, „снѣгъ“ (очевидно, смутили слова: „Мохнатою лапой, пушистою лапой садъ прикрылъ“), „осень“ (можетъ быть, обратили вниманіе на слова: „На небѣ тучи... И сумракъ сѣрый ползетъ съ долины“), „дождь“, и только немногія указывали вечеръ,

Разсказъ Кондурушкина „Звонарь“ въ сокращеніи былъ данъ ученицамъ 2-го класса (12-13 л.) для переложенія. Предварительно разсказъ былъ прочитанъ дѣвочкамъ нѣсколько разъ, причемъ мѣста, обозначенныя выше курсивомъ, при чтеніи были особенно отгѣпены. Затѣмъ дѣти писали. Всего было подано 44 переложенія; изъ нихъ только въ 16-ти работахъ отмѣченныя мѣста нашли то или иное отраженіе, а 28 авторовъ совершенно ихъ игнорировали. Очевидно, сознаніе дѣтей не справилось съ непонятными выраженіями, и они пропустили ихъ. Но и въ тѣхъ работахъ, въ которыхъ модернизованныя мѣста отражаются, это отраже-

ніе далеко не всегда близко подходитъ къ мысли автора. Вотъ образцы.

„Раннее утро. На востокѣ кто-то большой кистью проводитъ зеленыя, синія, розовыя полосы“. Это выраженіе отмѣчено въ 3-хъ работахъ и получилось въ такомъ видѣ. „На востокѣ показались красныя, синія и зеленыя полосы“. „На востокѣ какъ будто кто кистью навелъ красныя, синія и зеленыя полосы“. „На небосклонѣ уже начало всходить солнце и (начали) показываться зеленыя, синія и красныя полосы, какъ будто ихъ набрасывалъ кто кистью“. Смыслъ образа вполне схваченъ, повидимому, только въ послѣднемъ отвѣтѣ.

„Изъ подъ снѣга темными глазами выглянула мокрая земля. На солнечной сторонѣ близкаго холма... выстрѣлилъ бѣлый подснежникъ“—въ 4-хъ работахъ. „Онъ увидѣлъ большой черный холмъ, тамъ выстрѣлилъ подснежникъ“. „Показался черный колъ (холмъ?), подлѣ котораго выросъ подснежникъ“. „Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уже чернѣла земля... въ травкѣ виднѣлся подснежникъ“. „Онъ встрѣчалъ пространства земли, освобожденныя отъ снѣга, и увидѣлъ, что выглянуль бѣленькій подснежникъ“.

„Вокругъ колокольной носится, льется звонкій порошокъ. Будто кто шепчется, цѣлуется, летаетъ вокругъ. Это ангелы летаютъ у крестовъ“... Это выраженіе нашло мѣсто только въ одной работѣ, да и то понято слишкомъ буквально: „слышно было, какъ кто-то цѣловался, шептался и леталъ подъ колокольной. Это были ангелы“.

Оедѣ колокольные звуки кажутся похожими на бѣлыхъ коней, скачущихъ во всѣ стороны и машущихъ бѣлыми гривами. Этотъ образъ затронулъ вниманіе трехъ дѣвочекъ. „Ему казалось, что удары колокола неслись бѣлыми лошадками“. „Колокольные удары падали вродѣ бѣлыхъ коней“;— „какъ бѣлые кони“.

„Разломлась пополамъ тишина“. Этого выраженія или какихъ слѣдовъ отъ него не видно ни въ одной работѣ. При чтеніи „Звонаря“ съ дѣтьми на вопросъ, какъ они понимаютъ приведенное выраженіе, приходилось слышать такіе отвѣты: „это значить, что стало совсѣмъ тихо“.

Во всемъ настроеніи Оеди въ разсказѣ рисуется какая-то звонкость. Звенить вечеръ, звенить утро, звенять небо, солнышко, рѣка... „Такъ все хорошо, радостно и звонко было у него на душѣ“. Такое настроеніе Оеди отмѣчается въ 8 работахъ. При этомъ въ 5 работахъ отмѣчается внутреннее радостное настроеніе Оеди („онъ самъ чуть не пѣлъ, такъ ему было очень весело“); въ 2-хъ работахъ, какъ реальный фактъ принимается внѣшняя звонкость, когда „все кругомъ звенить“. Наконецъ въ одной работѣ вопросъ рѣшается чисто физиологически: „ему зазвонило въ ушахъ“.

Приведенные факты и соображенія даютъ основаніе сильно сомнѣваться въ желательности модернизированной дѣтской литературы.

Глава IV.

Руководство дѣтскимъ чтеніемъ ¹⁾.

Разумное чтеніе.

Намъ недостаточно, говорить Дизраэли, чтобы насъ научили читать; намъ надо, чтобы насъ научили еще, какъ читать и что читать. И нельзя не признать всей важности этихъ вопросовъ. Едва ли слѣдуетъ много говорить о томъ, какое огромное значеніе въ дѣлѣ воспитанія ребенка имѣютъ тѣ книги, какія онъ читаетъ. Новая психологія все яснѣе и яснѣе доказываетъ, что ни одно впечатлѣніе, какъ бы слабо оно ни было, не пропадаетъ безслѣдно для нашей психики. Едва повидимому скользнувъ по поверхности нашего сознанія, оно не исчезаетъ, а уходитъ въ подсознательную сферу нашей души, и тамъ, накапливаясь, эти впечатлѣнія производятъ свою работу, напоминающую работу подпочвенныхъ водъ. Каждое доброе положительное впечатлѣніе присоединяется къ подсознательнымъ сокровищамъ

¹⁾ *У. Ричардсонъ*. Какъ читать книги, чтобы онѣ приносили намъ пользу? Спб. 1893 (Есть изданіе Травина, Спб. 1913 г. „О выборѣ книгъ“, ц. 30 к. Это изданіе слабѣе перваго); *Н. Рубакинъ*, Письма къ читателямъ о самообразованіи. Спб. 1913. ц. 2 р.; *А. Шенбахъ*, Чтеніе и образованіе. Совѣты читающимъ. Кіевъ, 1902, ц. 40 к.; *Э. Фаге*, Какъ читать? М. 1912, ц. 50 к.; *Г. Врандесъ*, О чтеніи. М. 1913. ц. 20 к.; *Е. Тихьева*, Какъ читаютъ дѣти и какой отъ этого происходитъ вредъ? Восп. и Обуч. 1897, 10; *П. Л.* Какъ заинтересовать дѣтей чтеніемъ? Восп. и Обуч. 1902, 9; *Н. Бахтинъ*, Чтеніе съ воспитательными цѣлями. Пед. Сборн. 1906, 3-4; *В. Зеленко*, Руководство дѣтскимъ чтеніемъ. Нов. дѣтск. литер. 1913, 9, 12; *Н. Чеховъ*, О выборѣ книгъ для дѣтскаго чтенія. (Въ книгѣ „Дѣтская литература“).

нашей души, а злое — засоряет психическую сферу. Отсюда ясна забота воспитателя — дать ребенку максимум положительных, светлых впечатлений, оберегая его от дурных. Отсюда же ясно, что и в деле чтения книг ребенка нельзя оставлять без разумного руководства. Мы переживаем, по справедливому замечанию Блачча, печальное время чуть не поголовного увлечения книгой, как средством для воспитания и образования ребенка. Читают дети много, мамы прочитывают книги, и все это так поверхностно; все эти груды прочитанных книг оставляют ничтожное впечатление, простой сумбур. Ребенка, страдающего многочтением, надо прежде всего учить читать, потому что проглатывать страницу за страницей, не отдавая себя должного критического отчета в прочитанном и не извлекая из книг того, что она может дать, — это еще не значит уметь читать. Чтение книг есть дело в высокой степени полезное и важное для детей, но только тогда, когда это чтение серьезное, основательное, когда оно не чрезмерно обильное, а потому поверхностное. Умственной пищей не следует злоупотреблять, как и физической. Пусть маленький ребенок читает мало, но основательно. Чтение не приносит никакой пользы, если оно невнимательно, т. е. не повторяется. При первом прочтении нельзя обратить внимание на каждую вещь и так запечатлеть ее в уме, чтобы она сделалась собственностью читателя и перешла в практику. Первое чтение, говорит итальянский педагог Д. Райнери, может доставить мгновенное удовольствие, но оно во всех отношениях бесполезно. Прочитай одну хорошую книгу три раза гораздо полезнее, чем прочитай три хорошие книги по одному разу.

Итак чтение ребенка нуждается в руководстве, и руководителю при этом нужно иметь в виду следующее.

Во первых, стремиться к тому, чтобы руководство не подавляло самостоятельности ребенка. Помилуй Бог, если чтение ребенка сведется к пассивному усвоению того, что ему будет указано. Даже по части выбора книг полезно приучать ребенка самому ориентироваться в литературе и уметь находить себе нужное. Задача руководителя только натолкнуть дитя на путь чтения, но вести его по этому пу-

ти следует по возможности не на помочах. Я вовсе не хочу сказать, что ребенок должен быть в чтении предоставлен самому себе, нет, я хочу указать только, что руководителю следует не пропускать ни одного возможного случая к проявлению творческой инициативы маленького читателя, и на самую книгу пусть ребенок приучится смотреть, как на источник для самостоятельной творческой работы. Личная инициатива при выборе книг ничем не замедляема, справедливо говорит Ричардсон.

Далее, следует приучать ребенка к установлению *определенного порядка и плана чтения*. Кроме того, чтобы книга была хорошей и подходящей, нужно еще заботиться о том, чтобы она являлась не случайной, быстро промелькнувшей и ничем не связанной с другими прочитанными книгами гостей, а была бы частичкой определенной группы книг, намеченных в известной последовательности и преследующих одну и ту же цель. По возможности нужно стараться вносить в чтение ребенка известную стройность, известный план.

Наконец, в ребенке должна развиться привычка *вдумчивого отношения к книге*. „Книга не должна думать за читателя, она должна заставлять думать его самого“ (Ричардсон). По анкетным данным г. Смирнова¹⁾, около 50% читающих детей почти совершенно не задумываются над читаемым; чтение служит для них только приятным развлечением, которое на время занимает их ум, удовлетворяет их любопытство, иногда трогает сердце, но при всем том является чем-то посторонним, не усваиваемым органически. Ни мыслей, ни чувств, ни поступков выводимых в книге героев дети не оценивают, а почти пассивно сочувствуют их удачам или неудачам, совершенно не задаваясь вопросом о том, что эта удача или неудача может принести как самому герою, так равным образом и окружающим его; юный читатель не ставит себя в его положение и не спрашивает себя, как поступил бы он сам в данном слу-

¹⁾ Психологическія основы постановки внѣшкольнаго чтенія. Р. Шк. 1911, 10.

чаѣ. При такихъ условіяхъ книга не достигаетъ своей цѣли: развивать въ дѣтяхъ благородные взгляды на жизнь, въ то же время воспитывая въ нихъ стремленіе проводить эти взгляды въ свою личную жизнь. Отсюда необходимо развивать въ ребенкѣ сознательное отношеніе къ книгѣ, приучая его давать отчетъ въ прочитанномъ. Этому могутъ содѣйствовать устные бесѣды, когда ребенокъ могъ бы подѣлиться съ руководителемъ своими впечатлѣніями отъ книги¹⁾. Въ виду того, что ребенокъ не всегда захочетъ подѣлиться своими переживаниями, а съ другой стороны не всегда сможетъ ясно формулировать свои переживания—такія бесѣды представляютъ собою вообще большую трудность. Со стороны ребенка при этомъ необходимо полное довѣріе къ своему руководителю, а руководитель долженъ считаться съ настроеніемъ ребенка. Необходимо, конечно, для руководителя и обстоятельное знакомство съ той книгой, о которой предстоитъ бесѣда. Начинать нужно съ вопросовъ частныхъ, такъ сказать, анализирующихъ содержаніе, и потомъ только переходить къ вопросамъ обобщающимъ.

Еще полезнѣе было бы приучать ребенка записывать свои впечатлѣнія²⁾. На первыхъ порахъ тутъ полезно имѣть определенную программу, а потомъ ребенокъ-читатель можетъ уже и свободно разбираться въ прочитанномъ. Вотъ приблизительные вопросы этой программы. 1) Краткое содержаніе произведенія и главные дѣйствующие лица съ краткой характеристикой ихъ. 2) Какія изъ дѣйствующихъ лицъ наиболѣе симпатичны и какія оставили непріятное впечатлѣніе? Какими именно сторонами своего характера и поступками? 3) Какая главная основная мысль проходитъ чрезъ все произведеніе? 4) Какія мысли, встрѣченныя въ книгѣ, обратили на себя вниманіе и запечатлѣлись въ памяти? Съ какими изъ нихъ можно согласиться и какія кажутся неправильными? 5) Не встрѣчена-ли въ книгѣ такая мысль, которую хотѣлось-бы

¹⁾ В. Мушниковъ, Бесѣды съ дѣтьми по поводу прочитаннаго. Что и какъ читать дѣтямъ, 1913—14, кн. 1. О групповыхъ собесѣдованіяхъ съ дѣтьми см. В. Фриденбергъ, Творческое чтеніе и литературныя бесѣды. Нов. дѣтск. литер. 1913—1914.

²⁾ См. объ этомъ И. Владиславлевъ, Записи о прочит. книгахъ. Нов. дѣтск. литературы. 1913, 1.

не только усвоить теоретически, но и практически осуществить? 6) Не приходилось-ли раньше читать произведеніе, съ какой-либо стороны похожее на прочитанное теперь? Сопоставить мысли и выведенныя лица. Указать сходные типы и сравнить ихъ между собою. 7) Отмѣтить наиболѣе понравившіяся бытовые сцены, картины природы. Если читается научная книжка, то важно отвѣтить—какія новыя свѣдѣнія получены изъ нея.

Существуютъ спеціальныя тетради для веденія подобныхъ отчетовъ. Тетради эти, связанныя определенными рубриками и графами, полезны только на первыхъ порахъ, чтобы показать юному читателю, какъ слѣдуетъ систематизировать почерпнутыя изъ книги впечатлѣнія. Въ дальнѣйшемъ-же записи должны вестись самостоятельно и свободно. Вообще здѣсь нужно по возможности не придавать этимъ работамъ обязательнаго характера, не дѣлать ихъ своего рода учебными задачами.

Изъ такихъ тетрадей извѣстны: И. В. Владиславлевъ, Тетрадь для записи о прочитанныхъ книгахъ. М. 1914, ц. 20 к. Расчитана для отчета о 8-ми книгахъ. А. Н. Березниковъ, Тетрадь для записи о прочитанныхъ книгахъ. Пособіе для учащихся младшихъ классовъ. Усмань 1913, ц. 8 коп. Тетрадь, изданная Екатеринославск. Коммерч. Училищ.—„Мои впечатлѣнія“, ц. 40 к. При тетради дается и списокъ книгъ для чтенія съ распредѣленіемъ по возрастамъ, предметамъ и отдѣльнымъ вопросамъ. И. Огіенко, Тетрадь для литературнаго разбора, Кіевъ, 1914, ц. 5 к. Л. Бѣлецкій и А. Дорошкевичъ, Тетрадь для замѣтокъ о домашнемъ чтеніи, Кіевъ, 1914, ц. 12 к.

Распредѣленіе дѣтскаго чтенія по возрастамъ.

„Степень вліянія и польза книжекъ, говоритъ одинъ критикъ (Скабичевскій), зависитъ не столько отъ ихъ достоинствъ, сколько отъ того, чтобы онѣ были прочитаны своевременно“. Не нужно забывать, какую важную роль въ дѣлѣ усвоенія всякихъ знаній играютъ предшествовавшія ассоціаціи, за которыя могли-бы уцѣпиться воспринимаемыя

впечатлѣнія. Поэтому и дѣтская книжка непременно должна считаться съ тѣмъ запасомъ впечатлѣній, представленій и понятій, какія существуютъ у ребенка въ данномъ періодѣ развитія. При составленіи дѣтскихъ книгъ, припомнимъ уже приведенныя раньше слова Песталоцци, самое главное должно заключаться въ томъ, чтобы сообразоваться со степенью возрастанія дѣтскихъ силъ, давать дѣтямъ то, что соответствуетъ каждому возрасту, чтобы, съ одной стороны, не лишить ребенка того, къ чему онъ вполне способенъ, а съ другой, ничѣмъ не обременять и ничѣмъ не смущать его такимъ, къ чему онъ совсѣмъ не способенъ („Какъ Гертруда учитъ своихъ дѣтей“).

Въ дѣлѣ уясненія особенностей психики ребенка по возрастамъ можно идти двумя путями: путемъ разсмотрѣнія аналогій въ развитіи ребенка и развитіи цѣлаго рода и путемъ непосредственного научно-психологическаго изученія природы ребенка съ привлеченіемъ сюда матеріала анкетно-статистическаго.

Опытъ въ первомъ родѣ можно находить у англійскаго профессора В. Гетчинсона. Соответственно періодамъ въ развитіи всего человѣчества онъ насчитываетъ слѣдующіе пять періодовъ въ развитіи интересовъ индивидуума. Первый—копаніе и рытье земли; его высшая ступень—3-й годъ. Второй—охота и захватъ добычи; высшая ступень—7-й годъ; одна изъ характерныхъ чертъ,—склонность къ почитанію героевъ. Третій—пастушество; высшая ступень—10-ый годъ; одна изъ характерныхъ чертъ—нѣжность къ животнымъ. Четвертый—земледѣліе; высшая ступень—12-ый годъ; характерная черта—страсть къ садоводству. Пятая—развитіе коммерческихъ интересовъ; высшая ступень—18-20 г.; характерная черта—склонность къ ариѳметикѣ.¹⁾ Но раньше уже отмѣчалось, что подобный способъ подходить къ изученію запросовъ ребенка страдаетъ нѣкоторой шаткостью. Естественнѣе для изученія запросовъ ребенка обратиться къ изученію самой природы его, и въ этомъ случаѣ психологія даетъ много матеріала, по которому можно судить о степени развитія умственныхъ силъ ребенка въ различные

¹⁾ См. А. Чемберленъ, Дети, ч. 1 стр. 82.

возрасты. Особенно ясная грань въ этомъ случаѣ можетъ быть проведена между т. н. первымъ дѣтствомъ (дошкольный возрастъ) и вторымъ дѣтствомъ. Этою гранью являются 6-8 годы, когда заканчивается интенсивный ростъ мозгового вещества. До этого времени нужно особенно опасаться повредить интересамъ этого роста и, преждевременно привлекая ребенка къ книгѣ, затормозить развитіе мозга.

Еще болѣе надежнымъ для разрѣшенія настоящей задачи является способъ непосредственнаго изученія читательскихъ запросовъ дѣтей различныхъ возрастовъ. Анкетными данными устанавливается, что есть нѣкоторая разница въ отношеніи дѣтей различныхъ возрастовъ къ книгамъ веселаго и грустнаго содержанія. Подобная-же неодинаковость читательскихъ запросовъ дѣтей въ различные возрасты видна и изъ слѣдующихъ данныхъ.

На Всероссийской выставкѣ въ Кіевѣ въ 1913 г. дѣтской бібліотекѣ г-жи Доброй были опубликованы результаты произведенной среди дѣтей анкеты, и здѣсь, между прочимъ, мы находимъ такія цифры. Интересъ дѣтей въ дошкольномъ возрастѣ (5—7 л.) къ сказкамъ выражается 40%, къ рассказамъ 50%, и къ стихотвореніямъ 40%; младшаго возраста (8-10 л.): къ сказкамъ—57,6%, къ рассказамъ 82,9%, къ стихотвореніямъ—37,3%; средняго возраста (11-13 л.): къ сказкамъ 31%, къ рассказамъ 38,7%, къ стихотвореніямъ 22,5%; старшаго возраста (14-16 л.): къ сказкамъ 17,2%, къ рассказамъ—66,9%, къ стихотвореніямъ—31,5%; подростки (17 л.): къ сказкамъ 12,9%, къ рассказамъ 70,9%, къ стихотвореніямъ 25,8%. Такое же колебаніе интереса по возрастамъ констатируется и по отношенію къ другимъ видамъ дѣтскаго чтенія, при чемъ средній возрастъ, дающій вообще показатель упадка читательскихъ интересовъ, большой сравнительно интересъ (49,2%) обнаруживаетъ къ путешествіямъ, уступая въ этомъ случаѣ только читателямъ группы младшаго возраста (67,4%). Въ „Вѣстникѣ Воспитанія“ за 1912 г. (кн. 1.) помѣщена была статья г. А. Юкана о выборѣ книгъ для дѣтскаго чтенія. Здѣсь приведены данныя анкеты, произведенной въ 240 нач. школахъ Курляндской и Лифляндской губерній; всего отвѣ-

товъ было получено 14,071. Итоги этой анкеты могутъ быть представлены въ такой таблицѣ:

Возрастъ дѣтей.	I отд. (8—10 л.)	II отд. (10—12 л.)	III-IV отд. (12—14 л.)	По всѣмъ возрастамъ
Сказки, преданія, былины	40%	25,1%	15,53%	27,31%
Разказы изъ дѣт- ской жизни	19,15%	18,06%	10,8%	16,28%
Разказы изъ жизни животныхъ и растен.	7,4%	10,36%	6,65%	8,22%
Описаніе военныхъ событій и походовъ.	17,89%	24,79%	28,9%	23,67%
Разказы историч. содержанія (безъ воен. походовъ) . .	3,16%	5,46%	11,2%	6,41%
Жизнеописанія зна- менитыхъ людей. . .	3,78%	6,37%	10,99%	6,88%
Описаніе путеше- ствій	2,72%	4,11%	5,53%	4,07%
Поэтическія, лири- ческія произведенія	5,9%	7,55%	10,4%	7,21%

Для сопоставленія умѣстно будетъ привести здѣсь и слѣдующую таблицу изъ упоминавшейся раньше анкеты г. Смирнова (опрошено до 2500 дѣтей):

Любите-ли читать?	В О З Р А С Т Ы.							Арием. средн.
	10	11	12	13	14	15	16	
Сказки	67	63	60	50	52	49	43	55
Разказы	89	90	93	89	89	94	97	92
Стихотворенія	75	75	62	68	76	76	84	74
Путешествія	97	93	93	96	95	87	97	94
Научныя книги	60	62	58	64	68	69	72	65

Конечно, всѣ приведенныя цифры не таковы, чтобы на нихъ можно было строить безспорные, строгіе выводы. Правда, В. П. Вахтеровъ по характеру отвѣтовъ опрашиваемыхъ дѣтей находитъ возможнымъ точно установить, что „рѣзкій переходъ отъ наивныхъ отвѣтовъ къ болѣе осмысленнымъ падаетъ по преимуществу на одиннадцатилѣтній возрастъ“¹⁾. Но у другихъ педагоговъ встрѣчаемъ иные сроки. Такъ Клапаредъ считаетъ, что поворотъ въ развитіи ребенка падаетъ на двѣнадцатилѣтній возрастъ²⁾. Дальнѣйшіе моменты въ развитіи интеллектуальныхъ запросовъ юнаго читателя, повидимому, можно относить къ 14-му году. А. П. Нечаевъ на основаніи опроса о любимой книгѣ и опытовъ надъ ассоціаціями, произведенныхъ надъ учениками среднихъ учебныхъ заведеній, приходитъ къ выводу, что дѣти съ 14-ти лѣтняго возраста все больше и больше начинаютъ интересоваться книгами, предметомъ которыхъ по преимуществу является описаніе движеній человеческой души: показатель отвѣтовъ, въ которыхъ обнаруживается интересъ къ сочиненіямъ, касающимся явленій внутренняго характера, въ 13-ти лѣтнемъ возрастѣ даетъ 36%, въ 14-ти лѣтнемъ возрастѣ сразу повышается до 51%, а въ 16-ти лѣтнемъ—до 69%.³⁾ Впрочемъ,

¹⁾ Основы новой педагогики, 547.

²⁾ Психологія ребенка. С. П. Б. 1911, стр. 110.

³⁾ См. его статью въ Пед. Сборникѣ 1901, VII.

приходится повторить, строгих выводов здѣсь ожидать трудно, да въ нихъ намъ, пожалуй, и нѣтъ особой нужды. Никакія цифры не должны заставлять насъ забывать о томъ что каждый ребенокъ есть прежде всего индивидъ, требующій индивидуальнаго отношенія къ себѣ. Но во всякомъ случаѣ приведенныя данныя вполне устанавливаютъ *различіе* читательскихъ запросовъ дѣтей разныхъ возрастовъ. Вотъ этотъ фактъ руководитель дѣтскимъ чтеніемъ и долженъ положить въ основу своего руководства, стараясь внимательно слѣдить за постепеннымъ возрастаніемъ читательскихъ интересовъ своего питомца и соответствующимъ образомъ удовлетворяя эти запросы.

Не претендуя на строгую точность, все же приблизительно можно намѣтить такіе этапы дѣтскаго читательства. Самыя маленькія дѣти, какъ уже указывалось раньше, интересуются маленькими простыми рассказами изъ жизни животныхъ (съ звукоподражаніями) и дѣтей; потомъ замѣтна въ ребенкѣ сильная работа воображенія, удовлетворяющаяся сказками. Въ среднемъ возрастѣ—развитіе интереса къ реальной жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ героическихъ настроеній; ребенокъ теперь ищетъ рассказовъ изъ современнаго быта, рассказовъ съ приключеніями, путешествій, мифологическихъ повѣстей, героическихъ рассказовъ, житій святыхъ. Дѣтямъ старшаго возраста нужна художественная беллетристика и книги популярно-научнаго характера.

„Часы рассказовъ“ ¹⁾.

Въ цѣляхъ пробужденія интеллектуальныхъ запросовъ дѣтей и ихъ интереса къ книгѣ большую пользу можетъ

¹⁾ Э. и Д. *Парфиджъ*, Какъ и что рассказывать дѣтямъ въ школѣ и дома (американск. методъ творч. рассказыванія). М. 1914, ц. 1 р. 20 к.; С. *Брайантъ*, Какъ и что рассказывать дѣтямъ. Прилож. къ ж. Народ. Образ. 1914; *Олькоттъ*, Рассказываніе, какъ одинъ изъ видовъ работъ съ дѣтьми. Св. Восп. 1912, сент.; *Е. Чарнолуская*, Часы рассказовъ. Труды I Всероссийск. съѣзда по вопр. семейн. воспит. т. I; *Ея же*, Національная лига рассказыванія сказокъ въ Америкѣ. Вѣстн. Восп. 1910, 6; *Л. Хавкина-Гамбургеръ*, Дѣтскія библіотеки, В. Восп. 1910, 4; *Ея же*, Рассказываніе, какъ педагогическій методъ. В. Восп. 1914, 2.

принести средство, выдвигаемое новой американской педагогикой. Это такъ называемые часы рассказовъ (Story Hours). Начались они, повидимому, практикой американскихъ дѣтскихъ библіотекъ съ особыми часами рассказовъ, когда библіотекарша своими устными рассказами вводитъ дѣтей въ курсъ книжнаго матеріала и повышаетъ ихъ интересъ къ книгѣ. Затѣмъ такіе часы рассказовъ организовались въ школахъ, дѣтскихъ клубахъ, дѣтскихъ садахъ, на лѣтнихъ площадкахъ для дѣтскихъ игръ, гдѣ выступаютъ специалисты рассказчики, увлекающие своими рассказами юную аудиторию. Пользуясь склонностью дѣтей къ слушанію сказокъ, часы рассказовъ и начинаютъ со сказокъ, но рассказчики идутъ и дальше, знакомя дѣтей, вслѣдъ за сказкой, съ народной легендой, съ мифологіей, словомъ съ народнымъ эпосомъ и не только родной страны, но и съ интереснѣйшими эпосами другихъ народовъ. Для удовлетворенія дѣтей постарше идутъ еще дальше—намѣчаютъ темы по исторіи, по литературѣ и т. д., тщательно разрабатывая каждый вопросъ.

Обращено въ Америкѣ вниманіе и на подготовку специалистовъ—рассказчиковъ. При Питтсбургской дѣтской библіотекѣ, гдѣ часы рассказовъ существуютъ съ 1899 г., организована особая школа съ двухлѣтнимъ курсомъ для подготовки руководительницъ дѣтскимъ чтеніемъ и часами рассказовъ. На лѣтнихъ учительскихъ курсахъ этому дѣлу также удѣляется вниманіе. Курсисты знакомятся съ методикой и самою техникой рассказыванія сказокъ, даютъ своего рода практическіе уроки рассказыванія. Образовался цѣлый штатъ рассказчиковъ специалистовъ, которые приглашаются для образцовыхъ уроковъ передъ группой курсистовъ—учителей или библіотечарей, а равно за извѣстную плату выѣзжаютъ для рассказыванія и въ дѣтскихъ аудиторияхъ. Создалась цѣлая литература по этому вопросу, вырабатывается методика рассказыванія. Вотъ нѣкоторые указанія изъ методики библіотечарши Брайантъ. —Выберите рассказъ, въ которомъ много дѣйствія. Тщательно изучите его и постарайтесь освоиться съ каждой его деталью, чтобы вамъ не приходилось припоминать свой планъ, когда вы начнете говорить. Отъ этого многое зависитъ. Говорите простымъ понятнымъ языкомъ. Дѣти обычно любятъ разговоры и короткія жи-

выя описанія, а малыши любятъ частыя повторенія. Старайтесь сами углубиться въ свой рассказъ. Дѣти чувствуютъ, когда рассказчикъ говоритъ съ увлеченіемъ. Группа не должна быть больше 25—30 дѣтей. Успѣху рассказа способствуетъ отсутствіе дисциплины—это для нихъ должно быть удовольствіе, а не урокъ. Дайте имъ разсѣяться на полу, на стульяхъ, какъ они хотятъ. Для ознакомленія можно немного побесѣдовать съ дѣтьми, но рассказъ нужно начинать по возможности безъ предисловія. Ведите изложеніе ясно, логично. Для мальчиковъ нужно побольше дѣйствія, для дѣвочекъ иногда описанія, но не дѣлайте описаній скучными. Избѣгайте нравоученій: хорошій рассказъ окажетъ нравственное воздѣйствіе безъ комментариевъ. Наблюдайте за своей аудиторіей, и если интересъ падаетъ, вводите скорѣе какой нибудь оживляющій эпизодъ. Рассказываніе требуетъ находчивости, которую можно выработать только практикою. О популярности, какою пользуются часы рассказовъ, можно судить по цифровымъ даннымъ. Въ аудиторіяхъ дѣтской питтсбургской бібліотеки за семь лѣтъ (1900—7) вечера рассказовъ посѣтили 132240 дѣтей.

Бібліотекари свидѣтельствуютъ, что часы рассказовъ сильно повышаютъ среди дѣтей спросъ на книги и самый спросъ дѣлаютъ болѣе сознательнымъ. Ребенокъ теперь беретъ не случайно ту или другую книгу, а идетъ въ бібліотеку за книгой по опредѣленному вопросу, захватившему его вниманіе во время часовъ рассказа.

Указатели книгъ для дѣтскаго чтенія.

Одною изъ важныхъ заботъ руководителя дѣтскимъ чтеніемъ является его освѣдомленность относительно существующихъ книгъ для дѣтскаго чтенія; въ этомъ случаѣ ему могутъ оказать помощь рекомендательные каталоги по дѣтскому чтенію, а такихъ каталоговъ въ нашей литературѣ имѣется не мало.

Изъ сравнительно старыхъ каталоговъ можно указать подъ редакціей *В. М. Гаршина* и *А. Я. Герда* „Обзоръ дѣтской литературы, составленный кружкомъ учащихся“. СПб.

1885—6. Далѣе подъ ред. *Х. Д. Алчевской*—„Что читать народу“. Критическій указатель книгъ для народнаго и дѣтскаго чтенія. СПб. 1884—9. На ряду съ систематизаціей матеріала по предметамъ и возрастамъ эта книга даетъ отзывы о дѣтскихъ книгахъ группы учительницъ Харьковской воскресной школы; помѣщаются и отзывы юныхъ читательницъ—ученицъ. Для работающих по вопросамъ дѣтскаго чтенія эта книга должна служить классическимъ настольнымъ пособіемъ; но при изобиліи сырого матеріала и 2-хъ томной громоздкости (до 2000 стр.) работа эта не можетъ служить практическимъ руководствомъ. Капитальнымъ является также каталогъ *М. Соболева* „Справочная книжка по чтенію дѣтей всѣхъ возрастовъ“. СПб., 1907, ц. 2 р. Указывается здѣсь 4347 книгъ, вышедшихъ за періодъ времени съ 1870 по 1905 годъ. Книги группируются здѣсь по слѣдующимъ отдѣламъ: 1) Изданія для неграмотныхъ дѣтей; 2) книги для малютокъ, научившихся читать; 3) книги для младшаго возраста (8—11 лѣтъ); 4) для средняго возраста (12—15 л.); 5) для старшаго возраста (16—18 л.); 6) занятія, забавы и игры. Въмѣстѣ съ этимъ книги группируются здѣсь и по предметамъ. О большинствѣ книгъ дается краткій (2—3 строчки) отзывъ, состоящій болѣею частью въ указаніи содержанія книги. Почти для каждой книги дается и указаніе періодическаго изданія, гдѣ можно найти рецензію на эту книгу. Рядомъ съ каталогомъ Соболева можно поставить каталогъ *А. Флерова* „Указатель книгъ для дѣтскаго чтенія въ возрастѣ 7—14 лѣтъ“. Опытъ критическаго обзора дѣтскихъ книгъ и расположенія ихъ концентрами примѣнительно къ расположенію учебнаго матеріала, проходимаго въ начальной школѣ. Москва, 1905 г. Сначала указатель даетъ систематическій перечень книгъ по возрастнымъ группамъ, а затѣмъ слѣдуетъ рядъ отзывовъ, представляющихъ собою журнальныя бібліографическія замѣтки о книгахъ. Всего приведено 834 отзыва. Въ такомъ же родѣ указатель *Е. Королькова*, „Что читать дѣтямъ? Сборн. рецензій на лучшіе дѣтскіе журналы и книги. М. 1908.

Большого вниманія заслуживаютъ два каталога: *А. Лебедева* „Дѣтская и народная литература“. Н. Новг. 1912, ц. 50 к. и „Школьныя бібліотеки для дѣтей до 15-ти лѣтъ

возраста — каталогъ, составленный кружкомъ учительницъ“. Спб. 1905, ц. 40 к. Оба каталога важны тѣмъ, что даютъ систематизацію дѣтскаго чтенія не только по возрастамъ и предметамъ, но и по темамъ. Преимущество второго каталога предъ первымъ въ томъ, что онъ имѣетъ въ виду спеціально дѣтское чтеніе и даетъ указанія для руководства дѣтскимъ чтеніемъ.

„Каталогъ книгъ для дѣтскаго чтенія“ М. 1912 ц. 75 к.; „Новыя книги для дѣтей отъ 4 до 16 лѣтъ“ М. 1909, ц. 65 к. Оба каталога указываютъ степень желательности той или иной книги въ рукахъ ребенка, во второмъ даются и самыя рецензіи. Составлены каталоги Комиссіей по дѣтскому чтенію при Учебн. Отд. Моск. О-ва Распростр. Технич. Знаній; изданы Моск. дѣтской библиот. Берединой.

Еще можно назвать указатели: *М. Лемке*, Хорошія дѣтскія книги, Спб. 1914. Три выпуска маленькими брошюрками отдѣльно для младшаго, средняго и старшаго возраста, ц. по 15 к.; *В. Розановъ*, Каталогъ избранныхъ книгъ для дѣтскаго чтенія, М. 1891 г.; *Н. Чеховъ*, Спутникъ самообразования (для дѣтей до 15 лѣтъ) М. 1912, ц. 15 к.; *А. и Ф. Шуваловы*, Самостоятельное чтеніе въ начальной школѣ и дома, М. 1910, ц. 45 к.; *И. В. Владиславлевъ* „Что читать?“ указатель домашн. систематич. чтенія, 3 вып. ц. по 35 к.

Указатели книгъ, официально допущенныхъ въ школьныя библиотеки: *Д. Пономаревъ*, „Указатель книгъ, рассмотр. Учен. Комит. Мин. нар. просв. съ 1852 по 1888 г. и одобр. въ разн. учебн. завед. Харьковъ, 1888. *А. Сперанскій*, „Каталогъ книгъ, одобр. и допущ. Училищ. Совѣт. при Св. Синодѣ къ употребленію въ ц.-пр. школахъ, съ 1885 по 1896 г.“ Саратовъ, 1898. *Н. А. Малиновскій*, Избранныя книги изъ числа допущ. Мин. Нар. Просв. въ учен. библ. низ. училищъ съ 1899 по декабрь 1912 г. Н. Новгородъ. 1913. Изд. Нижегород. губ. земства, ц. 25 к.

Указаніе текущей дѣтской литературы можно находить у *Н. А. Саввина*—„Опытъ ежегодника дѣтской литературы“ (печатаются въ Пед. Листкѣ и отдѣльно), *Е. М. Чарнолуской*—„Библиограф. указ. книгъ по дѣт. чтен. в. I (за 1911 г.) в. II (за 1912 г.) и наконецъ въ журн. „Что и какъ читать дѣтямъ“ и „Новости дѣтской литературы“.

Изданія И. И. Самоненко.

СКЛАДЪ ИЗДАНИЙ ВЪ КНИЖН. МАГ. Л. ИДЗИКОВСКАГО.

Кіевъ, Крещатикъ, № 29.

А. В. ПОРТУГАЛОВЪ.

Алгебра для экстерновъ. Пособіе для изученія алгебры безъ помощи учителя. Часть 1-я, изданіе 5-е. Цѣна 1 р. 25 к.

Часть II-я, изд. 4-е, переработанное и значит. дополненное. Ц. 1 р.

Геометрія для экстерновъ. Пособіе для изученія геометріи безъ помощи учителя. Изд. 3-е. пере. и знач. доп. Цѣна 1 р. 50 к.

Тригонометрія для экстерновъ. Пособіе для изученія тригонометріи безъ помощи учителя. Изд. 3-е, доп. Цѣна 1 руб.

Систематизированный по типамъ сборникъ рѣшеній всѣхъ ариметическихъ задачъ Верещагина. Часть I. Задачи отъ № 1 до № 1313.

Изд. 3-е. Ц. 80 коп. Часть II. Задачи отъ № 1314 до № 2521.

Изд. 3-е. Ц. 80 коп. Часть III. Задачи отъ № 2521 до конца.

Изд. 3-е. Ц. 80 коп.

Комментарій и ключъ къ руководству латинскаго яз. М. Михайловскаго.

Пособіе для изученія латинскаго яз. безъ помощи учителя.

Часть I. Этимологія. Изд. 3-е, исправл. по послѣд. изд. Ц. 50 к.

Часть II. Синтаксисъ и хрестоматія. Изд. 2-е. Ц. 50 коп.

Самоучитель нѣмецкаго языка. Ц. 75 коп.

Самоучитель французскаго языка. Ц. 50 коп.

На помощь экстернамъ. Полезные совѣты и указанія лицамъ, готовящимся или желающимъ готовиться къ окончательному испытанію при гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ. Изд. 4-е, доп. Ц. 35 коп.

Толковыя программы и правила мужскихъ гимназій. Съ разъясненіями и совѣтами для экстерновъ. Изд. 4-е, доп. Ц. 45 коп.

Толковыя программы и правила женскихъ гимназій Мин. Нар. Пр. и Вѣд. учрежд. Имп. Маріи. Изд. 4-е, испр. и доп. Ц. 35 коп.

А. В. Португаловъ и В. Д. Корсуковъ.

Ариметика для экстерновъ. Ч. 1-я. Ц. 1 р.—Ч. 2-я. Ц. 1 р. 20 к.

А. В. Португаловъ и О. А. Португаловъ.

Руководство къ составленію ученическихъ сочиненій для учащихся, экстерновъ и самообразования. Изд. 5-е, исправл. и доп. К. 1914 г. Ц. 1 р. 25 к.

Ф. В. ВАСИЛЕВСКІЙ.

Ученическія сочиненія. Руководство къ составленію ученическихъ сочиненій. Вып. I и II. Изд. 10-е, исправл. и значительно дополненное. К. 1914. Ц. 1 р. 25 коп.

ФЕДОРЪ РАУДЭ.

I. Таблица для повторенія синтаксиса простаго предложенія. Цѣна 5 коп. На лучшей бум. 15 коп. К. 1914.

II. Таблица для повторенія синтаксиса сложнаго предложенія. Цѣна 5 коп. На лучшей бум. 15 коп. К. 1914 г.

III. Сборникъ ариметич. задачъ и примѣровъ для начальныхъ училищъ.